

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2011

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Журнал награждён дипломом

**V Международного конкурса «Университетская книга — 2010»
в номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»**

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2011

© ФГБОУ ВПО «Ивановский

государственный университет», 2011

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2011

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

***The journal is awarded the diploma
of the Vth International contest «University Book — 2010»
in the nomination «The best university periodical»***

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2011
© Ivanovo State University, 2011

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Чугунова Т. В.* Просветительская деятельность антиковедов и воспитание отечественной интеллигенции в России во второй половине XIX — начале XX в. 7
- Соловьёв А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века 21
- Золотарёв О. В.* Интеллигенция Советской России в нэповские годы 31
- Околотин В. С.* Обоснование продуктообмена как модели национальной экономики в работах советской научной интеллигенции (1930—1932) 46

ФИЛОСОФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Ковалева С. В.* Формирование интеллигентности: онтологический аспект 59

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Иванова Н. К.* Русская языковая личность: опыт исследования орфографии (по материалам анкетирования научно-педагогической интеллигенции) 77

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Сайтанов С. В.* Становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период доанархического реформизма (1842—1876) 93
- Смирнов Д. А.* Сомнение как социальная позиция и научный принцип современного западного интеллектуала 114

ДЕБЮТ

- Сорокин Н. Д.* Эдгар Винсент, виконт д'Абернон — интеллектуал, лингвист, экономист, управленец, дипломат (1857—1941) 126

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Загребин С. С.* Жизнь и творчество Андрея Тарковского как повод для культурологической рефлексии (Рецензия на книгу В. Филимонова) 135
- Аннотации* 152
- Содержание журнала за 2011 г.* 158
- Информация для авторов* 162

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Chugunova T. V.* Enlightenment activity of antiquity specialists and education of home intelligentsia in Russia in the end of the XIX — the beginning of the XX century 7
- Solovyov A. A.* Science intelligentsia of Yaroslavl province in the case of preservation of the old time books and the development of the study of local lore of the region in the end of the XIX — the beginning of the XX century 21
- Zolotaryov O. V.* Intelligentsia of Soviet Russia in the New Economic Policy period 31
- Okolotin V. S.* Substantiation of product exchange as a model of national economy in the works of the Soviet scientific intelligentsia (1930—1932) 46

PHILOSOPHY OF INTELLIGENTSIA

- Kovalyova S. V.* Formation of intelligence: ontological aspect 59

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

- Ivanova N. K.* Russian linguistic personality: the experience of spelling research (on the materials of questioning the scientific pedagogical intelligentsia) 77

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Saitanov S. V.* Formation of P.A. Kropotkin as Russian scientist and intelligentsia member in the period of pre-anarchic reformism (1842—1876) 93
- Smirnov D. A.* Doubt as a social position and scientific principle of a contemporary Western intellectual 114

DEBUT

- Sorokin N. D.* Edgar Vincent, viscount d'Abernon — intellectual, linguist, economist, manager, diplomat (1857—1941) 126

MAKING CONCLUSIONS

- Zagrebin S. S.* Life and creativity of Andrei Tarkovsky as a motive of culturological thinking (Review of the book by V. Philimonov) 135
- Annotations* 152
- Reviews of articles published in the journal in 2011* 158

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

Т. В. Чугунова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНИКОВЕДОВ И ВОСПИТАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Вопросы отечественного дореволюционного классического образования, и конкретно — место и роль в нем «классической» составляющей (изучение древних языков, литературы и истории), их взаимосвязи с формированием отечественной интеллигенции в последнее время нередко находятся в центре внимания исследователей различных специальностей: историков, социологов, политологов, философов и др. Данная тематика актуализируется современными проблемами, связанными с поисками идеала, национальной идеи в целом, кризисом интеллигенции и, в частности, гуманитарными поисками, а также определением ориентиров для педагогической теории и практики.

Между тем обращение к историческому опыту свидетельствует о том, что идеи античности в России XIX — начала XX века легли в духовное основание общества и способствовали решению проблем, связанных, в первую очередь, с воспитанием нравственной интеллигентной личности. Рецепция античного наследия, феномен «русской античности» были взаимосвязаны,

© Чугунова Т. В., 2011

Чугунова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета. chugunova1@mail.ru

по мнению авторитетного исследователя Г. С. Кнабе, с «расцветом» русской интеллигенции конца XIX — начала XX века. Благодаря чему это стало возможным?

Проникновение античности на русскую почву, а в дальнейшем ее бытование в нашем Отечестве происходило на разных уровнях и осуществлялось разными путями.

В рамках данной работы сделана попытка рассмотреть распространение знаний об античности в России во второй половине XIX — начале XX века в контексте развития исторической науки, образования, общественной мысли, в центре которого находились антиковеды — специалисты в области знаний об античном мире, преподаватели университетов и гимназий, а также дать оценку роли антиковедов в культурно-просветительской деятельности, направленной на распространение знаний об античности среди учащихся и студентов, широких слоев населения России; показать комплексный подход в изучении античности и практический вклад ученых в поддержку классического образования в России, что в конечном итоге способствовало распространению и усвоению знаний на разных уровнях общественного сознания, и в первую очередь среди будущей интеллигенции.

Популяризация в России сведений об античном мире, так же как и его изучение, на протяжении длительного времени включала в себя ко второй половине XIX — началу XX века людей, представляющих различные области знания (профессионалы и любители, меценаты)¹. Вначале была велика роль книжного знания (святоотеческая и византийская богословская литература) и его представителей, затем классицистов и классического образования, начало которому было положено в конце XVII столетия образовательной системой Славяно-греко-латинской академии (основана в 1687 году как Эллино-греческая академия, с 1701 года — Славяно-греко-латинская академия). Далее в ходе петровских преобразований продолжилось приобщение России к европейскому классицизму. Начало специальных занятий античностью было положено основанием Академии наук и переводами екатерининского времени (Г. З. Байер и его последователи). Со второй половины XVIII века в Петербургской Академии наук и университетах антиковедные занятия были продолжены. Появлению все большего числа покровителей античности способствова-

ло открытие классических гимназий и университетов в XIX — начале XX века. Необходимо отметить, что, например, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, не будучи профессиональными историками, знали главные произведения античной художественной и исторической литературы, наиболее крупные научные исследования в этой области. Революционные демократы разработали оригинальную концепцию античной литературы и античной истории². Преломляясь через специфику сознания различного рода интеллектуальной деятельности, античное наследие еще глубже проникало в русскую цивилизацию.

В дореволюционной России существовало «не менее нескольких тысяч лиц», преданных изучению античности и относящихся к ней с любовью и интересом³. К этой группе принадлежали, прежде всего, профессора — филологи и историки; довольно многочисленные учителя древних языков; затем многочисленные специалисты по предметам, близким к античности: это философы, археологи и историки искусства, юристы-романисты, языковеды и др. К ним можно отнести некоторых представителей православного и католического духовенства и ученого монашества, наконец просто образованных людей различных профессий, сознающих великое образовательное и культурное значение античности⁴. Среди них в распространении знаний об античности выделялись историки и филологи, профессионально занимающиеся классической наукой. Для того чтобы в полной мере оценить их роль, необходимо вначале вновь подчеркнуть и дополнить отличия «русской античности» от западного ее варианта, а также, хотя бы кратко, рассмотреть тенденции развития отечественной науки и образования, в которых функционировало антиковедение.

Профессиональное изучение древнего мира, окончательно оформившееся к первой четверти — середине XIX века, не носило характер простого заимствования. Этим отличалась, в целом, и культурологическая ситуация в России. Общественная мысль страны, выражаясь словами Н. И. Кареева, имела то «громдное удобство», что тесно связанная с многовековой культурой западноевропейских народов, могла открывать «сразу то, до чего другие доходили веками». Но «пассивное усвоение продуктов чужой культуры» было недостаточно и опасно для общества и для интел-

лигенции, которая могла беспрепятственно «переходить от одного умственного строя к другому». Поэтому, согласно Н. И. Карееву, был необходим «самостоятельный трудовой процесс»⁵.

Антиковедение, в целом, несло в себе черты развития российского обществознания второй половины XIX века, которому также была присуща своя специфика. Она заключалась в том, что, несмотря на вовлечение в общественно-политическую практику и акцентированную критическую функцию, ему была чужда «прагматика»⁶. «Таковыми были духовные потребности российского общества, осознание которых давало лучшим представителям интеллигенции... силы создавать выдающиеся научные труды, развивать блестящие научные школы», с полной самоотдачей доносить свои знания до общества⁷. В связи с этим становится понятным высказывание профессора Ф. Ф. Зелинского в предисловии к своей книге «Античный мир». Несмотря на то что в популярных пересказах греческой мифологии на Западе недостатка нет, читатель, знакомый с каким-либо из них, при сравнении с отечественными, найдет массу различий⁸. Отличия состояли в том, что анализу самого профессора Ф. Ф. Зелинского и его коллег было присуще представление греческой мифологии в виде циклического, композиционного и идейного единства, введения культурно-исторических подробностей между историческими рассказами.

В другой своей работе, под названием «О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях», Фаддей Францевич высказывался еще более категорично. Он подчеркивал, что «преподаватели германских гимназий, читающие судебные речи Цицерона со своими учениками, учат последних тому, чего они сами не понимают»⁹. Далее ученый поясняет: «Понять Цицерона может только тот, кто с юридическими познаниями соединяет философский взгляд и реторико-эстетическое чутье; те же, о которых я говорю, редко бывают философами, еще реже знают реторику — я говорю о серьезной и живой греко-римской реторике, а не о презренной “риторике” новейших времен — и никогда не изучают юриспруденцию»¹⁰. Исследователи научного творчества и биографии Фаддея Францевича напоминают, что о подобном положении вещей ученый знал из опыта обучения в немецком училище св. Анны (Annenschule), а затем в Русской Филологической семинарии при Лейпцигском университете¹¹.

Непосредственное влияние на распространение знаний и русскую науку об античности оказала активизация процессов развития науки и образования, государственная политика в этой области в России второй половины XIX века.

Упадок русских университетов 50-х — начала 60-х годов XIX века по причине событий французской революции 1848 года и опасений размножения революционных идей и вольнодумства сменился прогрессивными начинаниями. Новое время эпохи реформ породило обновление во всех сферах государственной и национальной деятельности. Не осталась в стороне и русская наука. Более того, по мнению антиковеда В. И. Модестова, обновление это ни в одной сфере жизни «не высказалось так ясно и так прочно, как именно в сфере науки»¹². Новый университетский Устав, сменивший Устав 1835 года, был принят 18 июня 1863 года. По инициативе министра народного просвещения А. В. Головнина его положения знаменовали собой важные перемены в подготовке отечественных кадров. Университетам была дана автономия, увеличено количество кафедр, значительно усилены денежные средства на учебные учреждения, учебные пособия и другую учебную литературу. Для столичных профессоров увеличено содержание вдвое, для провинциальных — более чем вдвое. Поощрялась организация научных съездов, научных обществ, научных экспедиций.

Отталкиваясь от начала преобразований в русской науке пореформенного периода, можно привести факты, изложенные в отчете министра народного просвещения и приведенные профессором В. И. Модестовым о том, какие позитивные перемены в связи с этим произошли. По прошествии восьми лет (с 1863 по 1871 год) «ученая деятельность наших университетов, независимо от чтения лекций, выразилась в течение 1871 года в издании значительного числа ученых трудов, в публичных лекциях, которые читались 68 профессорами во всех университетах... и, наконец, в том живом участии, которое принимали университетские корпорации в развитии и распространении круга действий ученых обществ, состоящих при всех университетах»¹³. Начинают появляться иностранные ученые, считающие нужным овладеть русским языком, рецензии на русские книги в зарубежных журналах.

Положительные тенденции развития русской науки и образования, расширение научных связей с зарубежными коллегами особенно было необходимо для продвижения вперед наук историко-филологических. Их развитие, а соответственно, и интерес к ним молодежи не имели в обществе того положения, как естественные. Учитывая тот факт, что во всех научных отраслях почти до середины XIX века, за исключением русской истории, русской словесности и права, преобладали, за неимением собственных, немецкие представители, зачастую не знавшие русского языка, необходимо, очевидно, придерживаться объективного критерия оценки, не умаляющего отечественных достижений в жизнедеятельности гуманитарных наук. То есть, не принимать за точку отсчета европеизацию историко-филологической науки, а отмечать национальные достижения, которые, в конечном итоге, подняли ее на должную высоту и явились почвой для расцвета русской интеллигенции.

Продолжающееся развитие русской науки об античности, особенно его культурно-историческая направленность, акценты на моральных качествах личности древнего мира с проекцией на нового человека и т. д., не являлись лишь наукообразными построениями. Исторические науки, в первую очередь древнеклассические, и их представители несли большую ответственность за воспитание привилегированных членов общества. Это объяснялось, несмотря на колебания интереса к классицизму, объективными обстоятельствами приоритетного положения наук классического цикла в гимназиях, через которые должны были пройти все представители элиты государства. Поэтому многие ученые понимали важность не только книжных знаний и учености для себя, но и просветительского начала для общества в целом.

«...два типа интеллигенции... даны уже там за 2 400 лет до нашего времени: одной, которая зажигает светоч знания для всех и отдает свои силы делу необозримой массы безвестных работников жизни; и другой, которая прячет свою струйку света только для себя... И пусть нас спросят: следовала ли этому призыву наша интеллигенция? На этот вопрос не может быть двух ответов, наша великая страна во многом глубоко несчастлива, но одно в ней здорово, сильно и обещает выход и освобождение: это мысль и порыв ее интеллигенции»¹⁴. Это высказывание известно-

го историка XIX — начала XX века Р. Ю. Виппера «родилось» в результате его обращения к умственным спорам древнего мира. Он выделил два типа греческой интеллигенции — «строителей духовной жизни» и спроецировал их на роль и предназначение современной ему интеллигенции отечественной.

В отношении распространения знаний о своей науке российская интеллигенция, в лице историков-антиковедов, была поставлена в более тяжелые условия по сравнению с другими учеными и преподавателями. Их педагогическая деятельность, стоявшая на первом месте среди научной и собственно популяризаторской сторон просветительства, постоянно испытывалась на прочность. Необходимо было обладать определенным мужеством и настойчивостью, огромной любовью к своему делу, чтобы в ситуации отставания от западноевропейской научной традиции внедрять «чужую» культуру в условиях непрекращающихся споров «славянофилов» и «западников», дискуссий о пользе классического образования. «Тут первое место... естественно, принадлежит учителям как высшей, так и средней школы. Если они не уверены в том, что порученная их попечению идея представляет собою важное культурное достояние — то их первый нравственный долг заключается в том, чтобы решить для себя этот вопрос. Нет положения мучительнее того, в котором находится человек, не убежденный в пользе той идеи, которой он служит; что может быть несчастнее священника-атеиста?»¹⁵ — писал Ф. Ф. Зелинский. Если педагог уверен в том, что делает, то он должен доказать всем, что он «родник живой воды, а не стоячий пруд»¹⁶.

Популярное изложение исторических знаний, в том числе о древней истории, лишь на первый взгляд не представляло большой сложности. На самом деле, это всегда было очень трудным жанром. Основным препятствием для профессионалов в их стремлении приблизить античность к миру людей XIX — начала XX века являлась попытка подстроить свой способ восприятия событий прошлого под слушателей или читателей. Научные факты должны были быть поданы таким образом, чтобы учитывать уровень знания и интерес общества к тем или иным сюжетам древности. То есть, исторические сведения не должны низводиться до примитивного изложения и, в то же время, не быть слишком наукообразными, кроме того, они непременно должны

вызывать интерес и понимание публики. Печальный опыт непонимания этих задач представлял сборник «Древняя и новая Россия», основные авторы которого, в лице именитых профессоров истории — К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайского, Н. П. Барсукова, не смогли добиться успеха в качестве популяризаторов¹⁷. Редактор этого издания, С. Н. Шубинский, обобщая свой неудачный опыт, писал 8 апреля 1879 года А. С. Суворину: «Число деятелей русской исторической науки пополняется очень медленно и, притом большею частью, не талантами, а тружениками, преследующими в своих работах исключительно строго научные цели и мало заботящимися или не умеющими популяризировать свои знания и поэтому необходимо выбрать (что в высшей степени, с точки зрения Шубинского, трудно. — *Т. Ч.*) ученые статьи, которые не засушили бы издание и, в то же время, не сделали из него увеселительного чтения, нравящегося малообразованной массе, но развращающего, а не воспитывающего ее»¹⁸.

По справедливому замечанию профессора В. П. Бузескула, многие российские представители античной истории середины XIX века обладали даром просветительства, способностью быть «миссионерами». Некоторые из них имели особенно огромное влияние на слушателей, на современное им общество, превращая античное наследие в элемент культуры и мировоззрения людей XIX века¹⁹. О многих из них можно сказать словами, характеризующими выдающегося антиковеда, профессора М. И. Ростовцева: «...как это ни покажется удивительным, но при разносторонней и напряженной научной деятельности, которую вел этот человек, львиную долю его времени и сил все же у него отнимало чтение различных курсов лекций, ведение семинариев и индивидуальной работы со студентами»²⁰.

Профессора Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, М. С. Карелин — коллеги по исторической кафедре Московского университета поражали современников своей величиной. Каждый из них был прекрасным лектором, ученым, высоко нравственной личностью. Очень точную и емкую оценку Т. Н. Грановскому дал Н. Г. Чернышевский: «Русский ученый — служитель не столько своей частной науки, сколько просвещения вообще... Грановский был одним из сильнейших у нас посредников между наукой и нашим обществом; очень немногие лица

имели такое могущественное влияние на пробуждение у нас сочувствия к высшим человеческим интересам»²¹.

Харьковским Грановским называли профессора всеобщей истории Харьковского университета второй половины 30-х и начала 40-х годов XIX века М. М. Лунина. На его блестящие лекции собирались толпы слушателей. Профессор В. П. Бузескул приводит мнение Н. И. Костомарова, ценное тем, что исходит от историка, в высшей степени правдивого и строгого в своих отзывах. По словам Н. И. Костомарова, ученика М. М. Лунина, его учитель, несмотря на невыдающийся голос и дикцию, умел расположить слушателей богатством содержания и критическим направлением. Лекции профессора произвели в духовной жизни Костомарова решительный поворот, в результате которого он полюбил историю более всего и с тех пор с жаром предался чтению и изучению исторических книг²².

Талант П. Н. Кудрявцева, профессора Московского университета, отличался от таланта Т. Н. Грановского. Лекции его поражали необыкновенной задушевностью, теплым участием. Он как бы переживал все исторические события вместе с их героями, воссоздавая их нравственный облик. Его лекционные построения отличались тонким научным психологизмом, что свидетельствовало о глубине личности самого Кудрявцева. Все его душевные силы были отданы интересам как общества, так и отдельных людей. «Немногие умели внушать такую любовь к своему предмету, немногие умели так поддерживать и руководить первые шаги начинавших ближайшее знакомство с наукой... Да, был он наставник в полном смысле этого слова»²³. Профессор не чувствовал себя способным к публичным лекциям, но его обширная деятельность в университете и вне его стен полностью компенсировала этот недостаток. Сверх обязательных лекций он намеревался открыть для желающих курс итальянской истории, а также вел политическое обозрение в журнале «Русский вестник». Даже будучи тяжело больным, П. Н. Кудрявцев не хотел отказываться от этой работы, отсматривал нужные для журнала материалы в иностранных изданиях, понимая, что воспитание общества не менее важно, чем научная деятельность²⁴.

С. В. Ешевский, коллега П. Н. Кудрявцева, был, по отзывам современников, не менее выдающейся личностью. Его просвети-

тельские начала как ученого и преподавателя проявлялись в разносторонней деятельности в стенах университета и вне его, несмотря на тяжелую болезнь в последние годы жизни: он – лектор, экзаменатор, устроитель педагогических курсов, организатор Археологического общества, деятельный член всевозможных комиссий и университетского совета. «Особенно нежны были заботы С. В. Ешевского о Московском университете; за границей... он много хлопотал... о том, чтобы приобрести для университета полную коллекцию, если не самих предметов, то хоть слепков с вещей глубокой древности, добытых, в последнее время, усилиями новейшей археологии в различных местностях Германии и Швейцарии»²⁵. В условиях плачевного обеспечения книгами и учебными пособиями, тем более ценным было его разрешение студентам пользоваться своей богатой библиотекой. «Натура С. В. Ешевского была из числа тех, которые не могут смотреть на занимаемое место только как на средство к добыванию известного количества рублей»²⁶.

Нельзя не отметить деятельность М. С. Корелина (1855—1899), профессора Московского университета. Главным предметом его научных занятий была история итальянского гуманизма. В заграничной командировке 1885—1887 годов он работал в библиотеках Германии, Италии, Франции, Англии, издал двухтомный капитальный труд «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1892). Сущность гуманизма, по М. С. Корелину, заключалась в выработке нового мирозерцания на основании классической древности. Возрождение классической древности он считал не целью, а средством и орудием для удовлетворения новых потребностей. С точки зрения ученого, ее изучение было не столько причиной гуманистического движения, сколько проявлением, основанием, необходимым источником для культурного роста личности. Более того, главнейшими результатами гуманистического мирозерцания, основанного на античных идеалах, явилось, по Корелину, «образование общественного мнения и руководящего им класса светской интеллигенции»²⁷.

Активная пропаганда ценностей классического мира выражалась в выступлениях с научно-популярными лекциями в стенах гимназий и университетов. Лекции антиковедов слушали не только будущие историки, но и поэт Д. С. Мережковский, компо-

зитор А. К. Глазунов и др. Античность постепенно входила в круг интересов русской интеллигенции.

Участвовали ученые-антиковеды и в чтениях публичных лекций в пользу пострадавших от неурожая, в помощь «недостаточных студентов», занимались издательской деятельностью. Последняя составляла значительную часть их научно-просветительского творчества. Это были публикации на страницах журналов «Русская школа», «Журнал Министерства народного просвещения», «Филологическое обозрение», «Гимназия», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Вестник всемирной истории» и др., сотрудничество с редакторами и издателями справочников и словарей, литературных серий (в издательстве М. В. и С. В. Сабашниковых, выпускавшем историко-литературную серию «Памятники мировой литературы», вышло 30 книг (сочинения Софокла, Еврипида и др.), редактором ее был профессор Ф. Ф. Зелинский). У истоков рубрики «Заграничные исторические мелочи и новости» журнала «Исторический вестник», пользовавшейся огромной популярностью среди читателей, стоял профессор В. И. Герье. Несмотря на то что данное издание не очень «жаловали» антиковеды²⁸, журнал добросовестно знакомил свою аудиторию с книгами В. П. Бузескула, Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, И. М. Гревса, Э. Гримма, Ю. А. Кулаковского и др. Антиковеды принимали активное участие в переводах античных классиков и составлении комментариев к ним, а также в работе различных научно-образовательных курсов, обществ, кружков (например, «Эрмитажный» кружок студентов, где выступали М. И. Ростовцев, Ф. Ф. Зелинский).

В журнале «Русский вестник» И. В. Цветаев опубликовал серию статей о проблемах образования в Древнем Риме, проводя аналогии с современной ему ситуацией. О просветительских устремлениях антиковеда говорит его переписка. В письме к А. Н. Пыпину Цветаев сокрушался по поводу того, что в русской литературе до сих пор не появилось ни одной «путной» и обстоятельной статьи о работах «счастливого копателя» Шлимана, и предлагал свои услуги в написании о нем и его находках²⁹. В другом письме ученый просит известить его, как автора статьи «Из путешествия по Италии» в «Вестнике Европы», о судьбе своей публикации — «дошла ли рукопись по адресу»³⁰. Нельзя не

вспомнить о деятельности антиковеда по организации музея слепков в 1912 году (музей Изыщных искусств в Москве, позднее — Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). 15 января 1894 года в послании к И. В. Помяловскому И. В. Цветаев пишет о том, что отдавал свое время «пропаганде» идеи Музея, составлял статью для «Московских ведомостей», искал помощников и делал визиты милостивцам и меценатам, отмечал, к чести москвичей, их щедрость в благотворительности на нужды Музея³¹.

В период революции М. И. Ростовцев не случайно пишет очерк о гражданских войнах в Риме. По мнению ученого, историческая справка, конечно, не предскажет будущего, но она позволит по-другому посмотреть на настоящее. «Современный мир в этом плане нельзя назвать точной копией мира древнего. Но, кончилась ли эра гражданских смут, изменились ли их причины, психология и основные особенности?»³². Сопоставляя экономическую эволюцию античного и современного мира, М. И. Ростовцев проводил аналогию между античным этапом развития капитализма и современным, видел их схожесть и лишь количественную, а не качественную разницу³³. Волновал историка и навеянный событиями Октябрьской революции вопрос о кризисе и упадке цивилизации. Проводя параллели со своим отечеством, М. И. Ростовцев видел предполагаемые причины крушения античной культуры в гибели элитарной, интеллигентской культуры, в растворении ее в массовой в результате противостояния городской «буржуазии» и варварского, сельского «пролетариата»³⁴.

Проведение исторических аналогий было связано со стремлением антиковедов не только просветить и развлечь читателей и слушателей. Они пытались разрешить стоящие перед обществом проблемы. Задача популяризации ставилась ими широко: в нее входили намерения разъяснить все стороны духовной, общественной и частной жизни греков и римлян не только юношеству средней и высшей школы, но и зрелым широким слоям общества. Это находит подтверждение в том, что, несмотря на ограниченные масштабы классического образования, появилась значительная по численности читательская аудитория, обладавшая достаточным уровнем подготовки и кругом интересов³⁵. По словам антиковедов, средствами для этой цели, наряду с изданием научных и недорогих книг и высокого уровня

статей в журналах, служили также образцовые художественные переводы древнеклассических произведений³⁶.

Можно сказать, что просветительство российских антиковедов определялось их научной, педагогической, жизненной позицией, направленной на поднятие на должную высоту положения классицизма в России. Конечной целью этой идеи являлось воспитание общества и отдельных его членов, «даже в среде... недоброжелателей»³⁷. Залогом служения «бессмертной идее античности», так же как и в системе образования, было, по словам Ф. Ф. Зелинского, сотрудничество в просветительстве³⁸.

Таким образом, подвижническая научно-просветительская работа антиковедов являлась органичной частью их разносторонней деятельности. Можно сказать, что социально-профессиональный и духовный облик самих ученых соответствовал званию интеллигента, так как они обладали стремлением не только научить или удовлетворить свои исследовательские интересы, но и воспитать себе подобных на высоких образцах Греков и Римлян (как уважительно именовались древние народы в дореволюционной литературе).

Примечания

¹ Подробнее см.: *Черняев П. Н.* Пути проникновения в Россию сведений об античном мире. Воронеж, 1911.

² *Историография античной истории: учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина.* М., 1980. С. 215.

³ *Союз любителей и друзей античного мира.* Б. м., б. г. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ *Кареев Н. И.* Позитивизм в русской литературе // *Социология в России XIX — начала XX века: тексты.* М., 1997. С. 233.

⁶ *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань, 2000. С. 121.

⁷ *Бердяев Н.* Вехи. Интеллигенция в России, 1909—1910. М., 1991. С. 10.

⁸ *Зелинский Ф. Ф.* Античный мир. Пг., 1922. Т. 1 : Эллада. Ч. 1, вып. 1 : Сказочная древность. С. III.

⁹ *Зелинский Ф. Ф.* О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях // *Филологическое обозрение.* 1894. Т. 7. Отд. 1. С. 152.

¹⁰ Там же.

- ¹¹ Цит. по: *Белкин М. В.* Тема Цицерона в творчестве Ф. Ф. Зелинского // Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира : сб. ст. / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 362.
- ¹² *Модестов В. И.* Русская наука в последние двадцать пять лет : публичная лекция, прочтенная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Императорского Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета. Одесса, 1890. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 17.
- ¹⁴ *Виппер Р. Ю.* Две интеллигенции и другие очерки, 1900—1912 : сб. ст. и публ. лекций. М., 1912. С. 24—25.
- ¹⁵ *Зелинский Ф. Ф.* Наши цели // Гермес : научно-популярный вестник античного мира. 1907. Т. 1, № 2. С. 34.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Ляпустина Е. В.* Античная история в русском журнале «Исторический вестник», 1880—1917 гг. (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие : сб. обзоров. М., 1991. С. 149.
- ¹⁸ От «Древней и новой России» к «Историческому вестнику»: (С. Н. Шубинский и становление исторических научно-популярных изданий в России в 1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 166—167.
- ¹⁹ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. 1. С. 99.
- ²⁰ См.: Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 58.
- ²¹ *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1947. Т. 3. С. 596.
- ²² *Бузескул В. П.* «Харьковский Грановский» (профессор М. М. Лунин) // Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 249.
- ²³ *Ешевский С. В.* Петр Николаевич Кудрявцев как преподаватель. М., 1858. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 4.
- ²⁵ *Трачевский А.* Степан Васильевич Ешевский. М., 1865. С. 33.
- ²⁶ Там же. С. 11—12.
- ²⁷ *Бузескул В. П.* Профессор-гуманист (памяти М. С. Корелина) // Исторические этюды. СПб., 1911. С. 238—240.
- ²⁸ *Ляпустина Е. В.* Указ. соч. С. 156.
- ²⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 621. Архив А. Н. Пыпина. Ед. хр. 953.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Ф. 608. Архив И. В. Помяловского. Оп. 1. Ед. хр. 1402.

- ³² *Ростовцев М. И.* Древний мир и современность : публичная лекция, прочитанная в Йельском университете 25 января 1944 г. // Скифский роман. С. 593.
- ³³ Там же. С. 586.
- ³⁴ *Ростовцев М. И.* Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922. С. 8—12, 10, 18.
- ³⁵ *Ляпустина Е. В.* Указ. соч. С. 147.
- ³⁶ *Нагуевский Д. И.* О популяризации сведений по классической древности Д. И. Нагуевского, Ординарного профессора римской словесности в Императорском Казанском университете. Воронеж, 1884. С. 1—14 (Отд. оттиск из «Филологических записок»).
- ³⁷ Там же. С. 5.
- ³⁸ Цит. по: *Белкин М. В.* Указ. соч. С. 362.

ББК 63.3(2)5-283.2

А. А. Соловьёв

**НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ КНИЖНОЙ СТАРИНЫ
И РАЗВИТИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ РЕГИОНА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В Ярославской губернии появление интеллигенции относится к 60-м гг. XIX в. Прежде всего, интеллигенция как особая общность людей с похожим миросозерцанием и культурной практикой сложилась в эти годы в Ярославле. Основу для ее оформления заложил в 1840-е гг. известный российский педагог, писатель и общественный деятель К. Д. Ушинский, преподававший тогда в Ярославском Демидовском юридическом лицее. Следуя традициям позитивизма, ярославская интеллигенция пре-

© Соловьёв А. А., 2011

Соловьёв Алексей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева. aleksey.s37@yandex.ru

увеличивала роль знаний в деле достижения счастья и благополучия. В то же время она стремилась нести плоды своей образованности (культуры, просвещения) в среду простого народа.

Формирование научной интеллигенции в Ярославской губернии, безусловно, было связано с работой Демидовского юридического лица. Однако немало представителей местной интеллигенции объединилось вокруг Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК). Именно об их деятельности на ниве сохранения книжных памятников старины и развития краеведения региона и пойдет речь в данной статье.

Первые ученые архивные комиссии в Российской империи появились в 1884 г. — на Верхней Волге была создана Тверская ГУАК, а в 1885 г. — Костромская ГУАК. К концу 1880-х гг. в Ярославле сложился круг ученых из состава Демидовского юридического лица, которые инициировали учреждение подобной научной организации. После получения разрешения со стороны Министерства внутренних дел и губернатора А. Я. Фриде 15 ноября 1889 г. Ярославская губернская ученая архивная комиссия начала свою работу. Первым ее председателем был избран директор Демидовского юридического лица С. М. Шпилевский¹.

При нем ЯГУАК начала свою деятельность по сохранению книжных памятников древней истории и развитию научного краеведения в губернии. В «Кратком перечне прав и обязанностей членов ЯГУАК» прямо говорилось, что они должны всеми возможными способами способствовать «сохранению письменных и вещественных памятников старины края от порчи, разрушения и уничтожения», а также сделать все возможное, чтобы древние рукописи, старопечатные книги, архивные материалы «были доступны для ученых занятий»².

В 1890 г. была создана научная библиотека ЯГУАК. Благодаря частным пожертвованиям, собирательской работе членов архивной комиссии ее фонд достаточно быстро увеличивался. Если на момент создания в ней насчитывалось менее 1 тыс. томов, то в 1896 г. — уже более 3 тыс., а в 1914 г. — свыше 15 тыс. (не считая нескольких тысяч рукописей, деловых бумаг, писем, стихов и песен местных ярославских говоров, гравюр, плакатов и фотографий)³.

Безусловно, фонды библиотеки предназначались в первую очередь для научной деятельности самих членов ЯГУАК. Однако в

1896 г. было принято решение о возможности выдачи книг из библиотеки комиссии частным лицам, занимающимся научными изысканиями (по рекомендации членов ЯГУАК). Обосновывалось это так: «Назначение всякой библиотеки, прежде всего, быть проводником знания и образования, без чего она является мертвым капиталом. Отсутствие библиотеки в городе весьма затрудняет положение людей несостоятельных и нуждающихся в научных изданиях»⁴.

Не следует преувеличивать количество пользователей научной библиотеки ЯГУАК, не являвшихся членами комиссии. Их число было небольшим и не превышало 10 человек в год. Подобная ситуация вполне объяснима, т. к. серьезные научные труды, хранящиеся в библиотеке, требовались только специалистам, которых в Ярославле в конце XIX — начале XX в. насчитывалось очень немного. Прав известный библиотековед Н. А. Рубакин, который писал о научных книгах, «пролетающих над головами читателей и не имеющих какого-либо значения для читающей толпы»⁵. Однако сам факт создания в городе книгохранилища с фундаментальными научными сочинениями следует считать несомненной заслугой членов ЯГУАК.

В библиотеке было немало ценных рукописей, относящихся к XVI—XVII вв., старопечатных книг, а также изданий, пожертвованных частными лицами и научными обществами. В ее фонде находились труды по истории, археологии и этнографии России в целом и Ярославского края в частности. Среди них можно назвать следующие работы: «Похвальное слово Петру Великому» М. В. Ломоносова (издание XVIII в.), «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, «Описи Московской Оружейной палаты» с 500 фотографиями, «Повесть временных лет» Нестора (издание XVIII в.), «Рукописное описание Ярославля 1847 г. и географический атлас 1796 г.», «Атлас Ярославской губернии 1817 г.» и мн. др. Среди частных жертвователей книг следует вспомнить членов ЯГУАК — К. Н. Евреинова, Л. Н. Трефолева, Э. Н. Берендтса, графа С. Д. Шереметева, а также барона Ф. А. Бюлера, графиню П. С. Уварову и губернатора А. Я. Фриде. Ценные книжные дары в комиссионную библиотеку неоднократно присылали Императорская Академия наук (передала почти все свои издания с 1750 г.), Императорская Академия художеств, Импера-

торская археологическая комиссия, ГУАК Костромы, Рязани, Нижнего Новгорода, Твери, Саратова⁶.

Огромную роль в деле сохранения многих ценных книжных памятников сыграл библиотекарь ЯГУАК Василий Михайлович Бушуев. Он занимал эту должность с 1907 г. Благодаря его деятельности в библиотеке появился великолепный каталог. Он систематизировал более 15 тыс. книг, нашел многие редкие рукописи, которые затерялись в фондах. Именно при нем библиотека получила новое просторное помещение, переместившись из одной тесной комнаты. За свою деятельность В. М. Бушуев даже был премирован 100 рублями — событие очень редкое в жизни ЯГУАК, т. к. бюджет комиссии был весьма скромным. Один из комиссионных отчетов 1910 г. гласил: «Благодаря знатоку и любителю библиотечного дела Василию Михайловичу Бушуеву размещение книг уже близится к концу в образцовом по внешности своей и выдающемся по существу порядку. Его каталог, уникальный в своем роде среди всего Ярославля, имеет уже 13 тысяч номеров и пользование им — чистейшее удовольствие». В 1917 г. ЯГУАК устроила курсы по архивоведению, палеографии и библиотечному делу. Руководителем библиотечной секции был назначен В. М. Бушуев⁷.

Важнейшей задачей членов ЯГУАК являлась охрана культурного наследия Ярославского края, сбор различных сведений по истории Ярославской губернии. Своей поисковой и научной деятельностью они во многом способствовали развитию регионального краеведения. Члены комиссии неоднократно выезжали на археологические раскопки, занимались осмотром памятников архитектуры и искусства. Большое количество ценнейших экспонатов находилось в комиссионном музее — Древлехранилище, созданном в 1895 г. В 1914 г. он насчитывал уже более 12 тыс. экспонатов⁸. Среди них были материалы по археологии, истории и этнографии Ярославского края. Тщательный сбор краеведческих источников значительно обогатил знания местного населения об истории Ярославля, уездных городов, местной церкви, а также различных организаций и учреждений.

Члены ЯГУАК не только собирали письменные источники по истории и этнографии Ярославского края, но и наиболее ценные из них издавали в целях популяризации краеведения. Так, были опубли-

ликованы «Угличский летописец», «Писцовая книга города Углича» (XVII в.), «Переписная книга Угличского уезда» (1710 г.)⁹.

Научная издательская деятельность ЯГУАК была весьма активной. Целенаправленная работа членов комиссии по изучению истории и культуры Ярославской губернии нашла отражение в издании 7 томов «Трудов», которые вышли в свет в виде 15 выпусков. Также ЯГУАК опубликовала 24 отдельных научных издания, среди которых были путеводители по городам губернии, отчеты о результатах археологических раскопок в регионе и т. д. Особо необходимо выделить следующие краеведческие труды: «Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславович Черный» С. М. Шпилевского, «Монастыри и храмы города Ярославля» Г. И. Преображенского, «Деятели Ярославского края» К. Д. Головщикова, «О раскопках на Черной горе» А. А. Городцова, «О находке мамонта под Ярославлем» Д. Бруно¹⁰.

Достаточное место в деятельности ЯГУАК занимало проведение различных юбилейных мероприятий по случаю празднования тех или иных исторических событий с целью просвещения ярославцев и привития им интереса к родному краю. Так, в 1899 г. члены комиссии организовали в Ярославле празднование 100-летнего юбилея А. С. Пушкина и 600-летия со дня смерти великого князя Смоленского и Ярославского Федора Черного. В 1900 г. была проведена серия мероприятий, посвященных 150-летию создания в Ярославле Федором Волковым первого общедоступного театра. В течение 10 лет члены ЯГУАК занимались сбором денег на памятник Ф. Волкову. Большую работу ученая архивная комиссия проделала по сбору исторических документов о пребывании ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского в Ярославле в 1612 г. и об участии ярославцев в освобождении Москвы от интервентов. ЯГУАК в мае 1912 г. провела торжественное заседание, приуроченное 300-летию прихода второго народного ополчения в Ярославль. Для ознакомления широких слоев населения с событиями 1612 г. в Ярославском крае была выпущена брошюра для общедоступного чтения «Триста лет тому назад в городе Ярославле. Об участии Ярославля в великом народном движении 1612 г.»¹¹.

Выпуск подобных научно-популярных изданий был адресован самой широкой читающей публике и, безусловно, способ-

ствовал просвещению и воспитанию народа. Все больше книголюбцев, особенно из среды ярославских преподавателей, студентов, учащихся гимназий и других учебных заведений, стали проявлять неподдельный интерес к сочинениям по местной светской и церковной истории, материалам по археологии и этнографии края.

Неоценимый вклад в развитие ярославского краеведения внес агроном и метеоролог Иван Николаевич Ельчанинов (член ЯГУАК с 1897 г.). Большое внимание он уделял популяризации исторических, естественнонаучных и сельскохозяйственных знаний, являлся членом общества для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии. Изучив многочисленные письменные источники, И. Н. Ельчанинов написал многотомный труд «Материалы для генеалогии ярославского дворянства» (над ним он работал более 9 лет). К столетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. ЯГУАК выпустила его книгу «Материалы для истории Ярославской военной силы»¹².

Еще один член ЯГУАК, кандидат богословия, переводчик Николай Николаевич Корсунский занимался историей Ярославской духовной семинарии, готовил к печати документы по истории Русской православной церкви XVII в. Как редактор неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей» он способствовал безвозмездной передаче полного комплекта данной газеты в библиотеку ЯГУАК¹³.

Преподаватель и журналист Петр Андреевич Критский (член ЯГУАК с 1900 г.) также оставил заметный след в региональном краеведении. По его инициативе начали выходить путеводители по Ярославлю и Ярославской губернии. Рукопись П. А. Критского по истории края в 1900 г. заняла первое место как лучшая краеведческая работа на земском конкурсе, определявшем наиболее ценные краеведческие сочинения. В 1907 г. она стала основой для его книги «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родоноведения»¹⁴.

С момента образования ЯГУАК ее действительным членом являлся известный учитель, библиофил и журналист Порфирий Иванович Мизинов. Кстати, в 1879—1880 гг. он преподавал в Иваново-Вознесенском реальном училище. П. И. Мизинов прославился своими работами по истории Ярославской гимназии,

политической и социально-экономической жизни городов и уездов Ярославской губернии. Его краеведческие труды, написанные на основе архивных источников, неоднократно публиковались на страницах «Ярославских губернских ведомостей», а также в газетах «Голос» и «Северный край». В некрологе о нем можно прочитать следующие строки: «Мизинов относился к типичным представителям интеллигенции, совмещая в себе широту и глубину человеческой личности, питая к ней глубокую любовь и уважение, будучи деятельным поборником прогресса, посвятившим свои силы на служение разуму и свету»¹⁵.

Знаменитым краеведом, благотворителем и общественным деятелем, известным далеко за пределами Ярославской губернии, был Андрей Александрович Титов (член ЯГУАК с 1889 г.). Занимаясь коммерческой деятельностью, он активно собирал исторические источники, которые стали основой для его научных трудов. Краеведческие публикации А. А. Титова по вопросам народного образования, медицины, торговли, промыслов, сельского хозяйства и промышленности Ярославского края сегодня можно найти в сохранившихся номерах дореволюционных региональных периодических изданий («Ярославские губернские ведомости», «Голос», «Ярославские отголоски», «Северный край», «Ярославские зарницы», «Вестник Ярославского земства», «Ярославские епархиальные ведомости»). На его счету более 700 публикаций. А. А. Титов некоторое время сотрудничал с редколлегией знаменитого энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В его домашней коллекции были собраны уникальные рукописи XVI—XVIII вв. Он способствовал созданию Ростовского музея церковных древностей и Угличского музея древностей. Будучи уроженцем Ростова Великого, А. А. Титов пожертвовал большой капитал на реставрацию Ростовского кремля и некоторых других архитектурных памятников этого уездного города¹⁶.

Не менее известен, чем А. А. Титов, еще один действительный член ЯГУАК, поэт и публицист Леонид Николаевич Трефолев. Поэтический талант молодого Л. Н. Трефолева признавали Н. А. Некрасов, И. С. Аксаков, М. Е. Салтыков-Щедрин. Как краевед Л. Н. Трефолев публиковал на страницах региональных и центральных периодических изданий труды по экономике, истории и культуре Ярославской губернии. Долгие годы он редакци-

ровал сначала неофициальную часть «Ярославских губернских ведомостей», а затем «Вестник Ярославского земства». Именно Л. Н. Трефолев инициировал создание «волковской» подкомиссии при ЯГУАК, которая готовила все торжественные мероприятия по празднованию 150-летнего юбилея первого общедоступного театра имени Федора Волкова. Он организовал поиск новых материалов об основателе театра в Ярославле. В 1903—1905 гг. Л. Н. Трефолев возглавлял ЯГУАК¹⁷.

Огромный вклад в развитие ЯГУАК внес Илларион Александрович Тихомиров. Работе в данной комиссии он отдал почти 30 лет своей жизни, занимая должности архивариуса, библиотекаря, казначея, делопроизводителя, ученого секретаря, редактора научных изданий. Он был одним из создателей комиссионных музея, архива и библиотеки. В отчете Древлехранилища ЯГУАК говорилось по поводу деятельности И. А. Тихомирова: «Им собраны бесчисленные экспонаты относительно Ярославского края по всем отраслям музейного дела. Каждый экспонат носит его пометку. Он был хозяином живой истории музея». Собранные И. А. Тихомировым предметы старины (монеты, старопечатные книги и рукописи, этнографические редкости и т. д.) сегодня входят в экспозиции Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Как архивариус Илларион Александрович сохранил ценнейшие документальные источники для потомков, а также написал несколько методических пособий для архивных работников, которые не потеряли актуальности и в наши дни. Увлекаясь археологией, он руководил раскопками в Ярославском, Мышкинском, Угличском уездах, тем самым закладывая основы археологического изучения Ярославского Верхневолжья. В 1901 г. вместе с Э. Н. Берендтсом (тогдашним председателем ЯГУАК) И. А. Тихомиров являлся организатором I областного историко-археологического съезда, прошедшего в Ярославле. В 1897 г. по его инициативе при ЯГУАК была создана подкомиссия по охране и надзору за памятниками старины. Исследуя многочисленные архитектурные постройки в Ярославле, И. А. Тихомиров стал одним из создателей в 1918 г. Ярославской реставрационной мастерской и участвовал в восстановлении Спасо-Преображенского монастыря, Митрополичьих палат, церкви Николая Мокрого. Его краеведческие публикации сегодня можно

прочитать на страницах региональных дореволюционных газет «Северный край», «Ярославский вестник», «Голос», «Ярославские отголоски»¹⁸. Имя Иллариона Александровича в наши дни не забыто. В Ярославском музее-заповеднике проводятся историко-краеведческие «Тихомировские чтения». В Ярославской области учреждена губернаторская премия имени И. А. Тихомирова за достижения в области краеведения и премия главы администрации Ярославля для лучших студентов исторического факультета ЯрГУ имени П. Д. Демидова.

Таким образом, следует согласиться с ярославским губернатором Б. В. Штюмером, который, подводя 10-летний итог деятельности ЯГУАК в 1899 г., справедливо отметил, что в составе комиссии оказались «все научные силы губернии... а также все исследователи ярославской старины»¹⁹. Безусловно, ЯГУАК являлась одним из главных научных центров Ярославской губернии, объединив в своих рядах передовую интеллигенцию края.

Ярославская научная интеллигенция внесла огромный вклад в дело спасения культурно-исторического наследия края. Благодаря ей был собран богатейший материал по истории, культуре и этнографии Ярославской губернии, а также сохранены уникальные книжные и рукописные памятники XVI—XVIII вв. Архивохранилище и научная библиотека ЯГУАК стали основой для Государственного архива Ярославской области (по богатству фондов одного из лучших в России сегодня).

Второй председатель ЯГУАК Эдуард Николаевич Берендтс как-то заметил, говоря о целях работы членов комиссии: «Наша деятельность преимущественно спасательная... Все наши средства были и должны быть устремлены, прежде всего, на собиранье памятников старины, на спасение их от растраты, от выхода из губернии... Ведь мы работали не ради славы настоящего состава комиссии, а для того, чтобы подготовить и обеспечить систематизированный и, по возможности, обнимающий все стороны и эпохи исторической жизни Ярославской губернии материал для пользования будущим поколениям»²⁰.

Отрадно констатировать, что научная интеллигенция Ярославского края в конце XIX — начале XX в. не самоустранилась от приобщения широких народных масс к историческому и культурному достоянию России. Деятельность членов архивной ко-

миссии была направлена на то, чтобы выработать у народа сознательное и деятельное отношение к историческому опыту, привить любовь к родному краю и его древностям. Именно интеллигенция, входящая в ЯГУАК, способствовала развитию научных исследований в Ярославской губернии и заложила основы научного краеведения, ведя постоянную работу по ознакомлению местной общественности с родной стариной, сохраняя национальные исторические традиции.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. 582. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ² Отчет Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1892—1895 гг. // Труды Ярославской губернской ученой комиссии. Ярославль, 1899. Кн. 3, вып. 1. С. 29.
- ³ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 103. Л. 23—24; Отчет Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1896 г. // Труды Ярославской губернской ученой комиссии. С. 215.
- ⁴ Отчет Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1896 г. С. 95.
- ⁵ *Рубакин Н. А.* Книжное оскудение // Русское богатство. 1893. № 11. С. 132.
- ⁶ Там же. С. 214, 217, 229.
- ⁷ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 116. Л. 7; Д. 120. Л. 12; Отчет Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1917 г. // Труды Ярославской губернской ученой комиссии. Ярославль, 1918. Кн. 7, вып. 3. С. 1.
- ⁸ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 103. Л. 27.
- ⁹ Там же. Д. 75. Л. 6.
- ¹⁰ *Шведова О. Н.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 428—430.
- ¹¹ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 116. Л. 3; Ярославская губернская ученая архивная комиссия. Заседание 14 ноября 1899 г. в день завершения десятилетия комиссии. Ярославль, 1899. С. 8; Отчет Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1912 г. // Труды Ярославской губернской ученой комиссии. Ярославль, 1914. Кн. 7, вып. 1. С. 43.
- ¹² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 560. Л. 545; Д. 561. Л. 48.
- ¹³ Там же. Ф. 642. Оп. 2. Д. 672. Л. 275—277.
- ¹⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 7. Д. 560. Л. 190—193.

- ¹⁵ Там же. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1370. Л. 99—101 ; *Мизинов П. И.* Некролог // Голос. 1910. № 267.
- ¹⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4413. Л. 20—23 ; Ф. 642. Д. 765. Л. 222—224.
- ¹⁷ *Айзеншток И. А.* Трефолов // История русской литературы. М. ; Л., 1956. Т. IX. Ч. 1. С. 472—486.
- ¹⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2322. Л. 4 ; Ф. 582. Оп. 1. Д. 93. Л. 2 ; Ф. 642. Оп. 3. Д. 1321. Л. 181—182.
- ¹⁹ Ярославская губернская ученая архивная комиссия. С. 10.
- ²⁰ *Штюрмер Б. В.* О деятельности и заслугах Э. Н. Берендтса // Северный край. 1900. 2 февр.

ББК 63.3(2)6-283.2

О. В. Золотарёв

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НЭПОВСКИЕ ГОДЫ

Советская власть уже в первые месяцы своего существования, пытаясь решить хозяйственные вопросы, встретила с такой серьезной проблемой, как острая нехватка квалифицированных кадров для промышленности и сельского хозяйства. Во многом подобная ситуация была вызвана враждебным отношением интеллигенции к новой власти¹. Положение осложнялось и тем, что у значительной части представителей правящей партии было развито «махаевское» отношение к интеллигенции, т. е. в интеллигенции видели практически один из эксплуататорских классов. Руководители большевиков, если и не разделяли подобных взглядов, то и не считали интеллигентские круги подходящим материалом для строительства социалистического общества. Однако они, в отличие от рядовых членов партии, прекрасно понимали, что без знаний и навыков этих буржуазных специалистов будет невозможно поднять хозяйство. Так, В. И. Ленин признавал, что

© Золотарёв О. В., 2011

Золотарёв Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81

«буржуазные специалисты в громадном большинстве против нас, — и должны быть в громадном большинстве против нас, — ибо здесь сказывается их классовая принадлежность, и на этот счет мы никаких сомнений иметь не можем». Однако он призывал использовать старую интеллигенцию для социалистического строительства и говорил о путях ее привлечения на сторону новой власти: «...для социалистического строительства необходимо использовать полностью науку, технику и вообще все, что нам оставила капиталистическая Россия... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки»². Конечно, судя уже по этим словам вождя революции, отношение к интеллигенции не было однозначным даже в высшем руководстве партии. Оно колебалось от скрыто враждебного до стремления привлечь интеллигенцию на сторону коммунистов. В основном власти все же пытались бережно относиться к представителям умственного труда и стремились обеспечить им поддержку созданием более выгодных для специалистов материальных и правовых условий, полагая, что жизнь неминуемо приведет основную часть интеллигенции в союзники большевиков³.

Однако на позициях руководства РКП (б) (а в особенности рядовых членов партии) по отношению к интеллигенции сильно сказывалось враждебное восприятие интеллигентскими кругами Октябрьской революции. Конечно, такое отношение интеллигенции не устраивало новые власти. Поэтому они заявляли о своем стремлении добиться «коренного перелома» во взаимоотношениях с интеллигенцией. Большевики признавали, что в послереволюционной России интеллигенция неоднородна, она колеблется. Партийные вожди неоднократно подчеркивали революционные заслуги интеллигенции. Г. Зиновьев, например, осенью 1918 года говорил: «...в самый тяжелый момент мы не забываем прошлых заслуг, величайших заслуг русской интеллигенции»⁴. Однако они не могли не признавать и враждебного отношения интеллигенции к Советскому государству. В частности, К. Радек указывал: «Интеллигенция была самым озлобленным врагом Советской власти после нашей Октябрьской победы. Это произошло по разным причинам. Часть интеллигенции связана крепко с буржуазией совместными интересами; она получала порядочные куски бур-

жуазного пирога... Низвержение буржуазии означало для нее потерю материальных ценностей. Но большинство интеллигенции — это противники Советской власти из малодушия»⁵.

Признавая наличие серьезных расхождений и болезненных вопросов в отношениях новой власти и старой интеллигенции, большевики наотрез отвергали возможность «нейтральности» интеллигенции. Они довольно прозрачно заявляли: «...если кто-нибудь из представителей интеллигенции думает, что можно быть нейтральным, он глубоко ошибается. О нейтральности не может быть и речи... Надо выбрать дорогу, выбрать путь»⁶. Вместе с тем, осознавая сложность подобного выбора для интеллигента, коммунистическая партия видела свою задачу в том, что «советская власть должна облегчить мелкобуржуазной интеллигенции возвращение к народным массам. Мы знаем все ее слабости, всю нерешительность интеллигенции... но нам нужно знание, накопленное интеллигенцией»⁷. Прагматизм в таком подходе был очевиден, и именно он в дальнейшем во многом определял взаимоотношения советской власти и старой интеллигенции.

Большевистские лидеры верили в эффективность подобной линии, недаром Г. Зиновьев еще в 1918 году заявил: «Вся лучшая часть интеллигенции — та, которая стояла на распутье, которая искренне задумалась теперь над тем, что происходит, придет к нам. И честь ей, и место в наших рядах»⁸.

Однако поводов для подобного оптимизма было тогда немного. Ведь в отличие от руководства, у рядовых членов партии обычным было весьма негативное восприятие людей умственного труда. Да и у местных руководителей (в силу малообразованности, а значит, и отчужденности от интеллигенции этой части партийцев) враждебное отношение было также распространено. Поэтому на местах и не считали нужным даже говорить об осторожном отношении к буржуазным специалистам, к интеллигенции вообще. Например, на далеком европейском Севере России, в Коми крае, многие коммунисты именовали интеллигенцию не иначе как «шайкой», а если и находили возможным привлечь ее к работе, то полагали, что «надо установить над ней строгий контроль, а в случае чего-нибудь пролетариат сумеет расправиться». Раздавались и призывы к «изоляции интеллигенции»⁹. Конечно, такое отношение мало способствовало возникновению

доверия и атмосферы сотрудничества между новой властью и старыми специалистами.

Ситуация еще больше осложнилась в нэповский период, когда большевикам стало ясно, что справиться с поднятием экономики страны без помощи «спецов» вряд ли удастся. Большевики были вынуждены даже пойти на определенные уступки, нарушив один из принципов марксизма, согласно которому «вопрос о более высокой оплате сложного труда» не имеет никакого права на существование¹⁰. Однако взаимное недоверие интеллигенции и властей не способствовало плодотворному труду буржуазных специалистов, несмотря на то что последним выплачивалась высокая (по сравнению с другими категориями рабочих и служащих) заработная плата. Именно поэтому власть понимала, что постоянно опираться на буржуазных специалистов новое пролетарское общество не может. В. И. Ленин в этой связи признавал, что интеллигент старой закваски «интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет», пожалуй, не годится для нового общества¹¹.

Таким образом, уже в процессе обеспечения народного хозяйства специалистами сразу столкнулись две важные проблемы: во-первых, отношение к старой интеллигенции (которое, несмотря на стремление сблечь ее, было в целом все же враждебным) и, во-вторых, потребность в большом числе специалистов, которая росла по мере развития народного хозяйства. Невозможность полностью удовлетворить нужду в специалистах путем привлечения старой интеллигенции вынудила власти (наряду с политической стороной этой проблемы) поставить задачу воспитания новой, социалистической интеллигенции, выходцев из крестьян и рабочих. В нэповский период проблема замены старой интеллигенции новой, пролетарской, решалась двумя путями: в институты принимались преимущественно выходцы из крестьян и рабочих, и путем так называемого «выдвиженчества», когда «практически опытных и, безусловно, преданных рабочих и крестьян» просто вводили в состав учреждений, где они на практике должны были постичь все премудрости¹². Естественно, подобные специалисты хорошей квалификацией не обладали, зато это были преданные новой власти кадры, осознававшие, что именно Советской власти они обязаны своим новым положением.

Между тем, несмотря на все старания большевиков привлечь на свою сторону старую интеллигенцию, сохраняющееся ее настороженное отношение к новой власти вызывало определенный скептицизм партийных руководителей. Так, В. Керженцев в этой связи указывал, что «к перелому в интеллигентских симпатиях мы должны отнестись внимательно, но все же не преувеличивать его». Кроме того, «русская интеллигенция... всегда страдала позорным разгильдяйством, жалкой бесхребетностью, элементарным неумением работать». Столь резкие оценки свидетельствовали о том, что многие большевистские лидеры полагали, что старая интеллигенция слишком ненадежна и опираться на нее опасно, поэтому на смену старой должна прийти новая интеллигенция, которая должна образоваться из рядов пролетариата и крестьянства. Эта интеллигенция «будет тесно и кровно связана с пролетариатом, и она никогда не отойдет от него ни в минуты испытаний, ни в часы радости. Эта интеллигенция и будет тем цементом, который спаяет социалистическую республику в мощное целое»¹³.

Большевистские лидеры полагали, что рабоче-крестьянская интеллигенция в скором будущем станет их надежной опорой. Ее социальное происхождение будет гарантией не только близости рабочему классу, но и верности Советской власти. И хотя события 1920—30-х годов показали наивность подобных конструкций, однако тогда, не сумев добиться ясно выраженной поддержки у старой интеллигенции, большевики, создавая пролетариев умственного труда, думали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую. Партийные вожди были уверены, что последний час буржуазной интеллигенции близок: «Вместе с фантастической верой в реставрацию, верой, которая доживает последние дни, даже в сердцах наиболее фанатических ее последователей, умирает старая интеллигенция. Она переживает жестокий распад и переоценивает старые духовные ценности»¹⁴.

Однако «последний час» старой интеллигенции запаздывал, «выдвиженцев» поначалу, особенно в 1920-е годы, было немного, поэтому руководству страны в деле поднятия экономики приходилось опираться на буржуазных специалистов. И первоначальные эгалитаристские тенденции большевиков были принесены в жертву «неизбежным» или «несправедливым различиям» в бла-

госстоянии различных слоев общества. Уже в начале 20-х годов власти разработали весьма подробные положения, которые гарантировали сравнительно высокий уровень жизни тем специалистам, которые были готовы сотрудничать с новым режимом. Причем основные принципы этой системы оплаты труда сохранились надолго, становясь дополнительной гарантией верности новой, рабоче-крестьянской интеллигенции, пришедшей на смену старым «спецам». При этом власть довольно четко осознавала враждебность буржуазной интеллигенции. В. И. Ленин в этой связи постоянно подчеркивал, что специалисты «на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов», насквозь пропитаны прокапиталистическими идеями и привычками. Но знания, которыми они обладают, необходимы пролетариату. Рабоче-крестьянская власть получит от их работы прямую выгоду, и вскоре рабочий сможет постепенно овладеть их знаниями и принять на себя их дела. А пока нужно труд «спецов» щедро оплачивать: «Мы не собираемся лишать их пока привилегированного положения», «в этом отношении мы должны... признать известный “компромисс”»¹⁵.

Поэтому максимальный уровень заработной платы, положенный специалистам, быстро рос — до 60 тыс. рублей в середине 1922 года. Размер жалованья «спецам» регулировался многочисленными циркулярами, которые гарантировали получение высоких окладов. С марта 1920 года начинает применяться практика «премиальных систем» и иных дополнительных вознаграждений. В октябре 1923 года данные премиальные выплаты были объединены в сравнительно четкую систему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий». На VI съезде профсоюзов (ноябрь 1924 года) была принята шкала выплат специалистам, сохранявшая чрезвычайно высокие ставки. При этом нехватка специалистов вела к практике поощрения совместительства, что еще больше повышало уровень доходов высококвалифицированных работников. Кроме того, в августе 1921 года особым декретом оговаривалось, что для инженерных и технических работников должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия для того, чтобы они в своей практической деятельности теснее сплотились с рабо-

чим классом. В своих правах они были приравнены к рабочим, а их денежные доходы должны были быть значительно подняты¹⁶.

Однако созданная при нэпе сравнительно громоздкая система оплаты труда не гарантировала в первое время (в условиях значительного обесценивания рубля) высокого уровня жизни специалистам. Фактически, даже самый высокооплачиваемый инженер жил лишь немногим лучше, нежели неквалифицированный рабочий (в основном потому, что рабочий получал лучший паек). Только к середине 20-х годов, после стабилизации денежного обращения, разрыв между верхним и нижним уровнем зарплаты стал значительным¹⁷.

Конечно, сверхвысокие оклады не могли не вызвать в при-
выкшем к эгалитаризму обществе отрицательное отношение. Еще на II съезде профсоюзов (1919 год) звучали голоса о том, что нельзя «ставить специалистов в исключительное положение, а их зарплату — вне общей, единой шкалы». На III съезде профсоюзов (1920 год) эти протесты были фактически проигнорированы, ибо была установлена дифференциация в уровне окладов 1 : 8. При этом специалисты, естественно, оказались среди самых высокооплачиваемых работников. И на последующих профсоюзных съездах указывалось (хотя и в сравнительно мягкой форме) на «сложности» в отношениях между рабочими и специалистами. А на VIII съезде (декабрь 1928 года) М. П. Томский говорил о «недопустимом» разрыве в оплате труда между рабочими и инженерами и техническими работниками. Это растущее недовольство порой приводило к попыткам ограничить высокие доходы квалифицированных работников. Так, в апреле 1924 года сверхвысокие оклады были сокращены на 20 %, а в декабре 1926 года законодательно лимитирован размер премий. В какой-то степени ограничивал высокую зарплату и прогрессивный подоходный налог. Однако, несмотря на эти шаги, можно утверждать, что власти весьма последовательно проводили линию на поддержание высокого уровня оплаты труда специалистов¹⁸.

Более сложно, нежели с технической интеллигенцией, складывались отношения властей с творческой интеллектуальной элитой. В этой сфере партийное руководство оказалось перед непростым выбором. Оно хотело, чтобы культура служила на пользу новой власти, однако осознавало, что добиться полного кон-

троля над культурной жизнью вряд ли удастся. Поэтому партия пыталась пресечь деятельность тех, кто был открыто враждебен социализму, и терпела «попутчиков». Эту линию прозрачно сформулировал Л. Д. Троцкий: «Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия призвана командовать»¹⁹. Фактически это означало, что за духовной сферой развития общества власть довольно пристально наблюдала, но не вмешивалась в художественное творчество непосредственно. Такая позиция вызывала яростные нападки так называемых пролетарских писателей, которые требовали, чтобы вся культура служила большевистской идеологии. При этом они пользовались поддержкой многих полуобразованных партийных руководителей. Однако относительно нейтральная позиция партии в этом вопросе была подтверждена на XIII съезде РКП (б) (1924 год), где было сказано о том, что ни одна литературная школа или направление не имеют права говорить от имени партии²⁰. Впрочем, это терпимое отношение к попутчикам стало терять позиции по мере ослабления влияния Л. Д. Троцкого, главного сторонника относительно либеральной линии в художественном творчестве²¹.

Однако и по отношению к творческой интеллигенции большевики пытались применить ту же практику (как и к технократам) обеспечения высокого уровня жизни, дабы обеспечить лояльное отношение к новой власти. Конечно, многие представители творческой интеллигенции были вынуждены зарабатывать себе пропитание частным образом. Они были фактически отвергнуты большевистским режимом и первоначально не могли рассчитывать на получение какой-либо материальной помощи. Именно по ним больше всего ударила инфляция, прогрессивный подоходный налог и пайковое распределение продовольствия. К тому же буржуазное происхождение нередко вело к дискриминации при решении жилищной проблемы, при попытках обеспечить детям получение высшего образования и т. п. Однако постепенно те представители творческой интеллигенции, что вели себя лояльно по отношению к новым властям, могли рассчитывать на особое отношение. В декабре 1921 года была учреждена Цен-

тральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Тогда же научные работники стали получать особые — «академические» — пайки. Вскоре такие же пайки были введены и для 200 тыс. учителей. В целом условия снабжения продовольствием лиц, занятых высококвалифицированным умственным трудом, были обоснованы как вознаграждение «ответственным работникам», которым предоставлялись те же права, что и рабочим, на получение товаров натурой, в том числе и дополнительных пайков. Кроме того, ученые обрели законное право получать вознаграждение «за научные, педагогические и научно-популярные издания». В декабре 1925 года была серьезно повышена заработная плата врачам. Далее, с середины 1920-х годов на творческую интеллигенцию распространилась система государственных премий и она получила доступ ко многим нематериальным благам. Все это должно было демонстрировать заботу новой власти о развитии науки и культуры²².

В 1920-е годы людям умственного труда были даны определенные привилегии и при решении жилищных проблем. В частности, уже в 1920 году местным органам власти вменялось в обязанность постоянно заниматься перераспределением жилого фонда. При этом оговаривалась необходимость предоставления дополнительной жилплощади «отдельным лицам и категориям трудящихся», которая требуется для их профессиональной деятельности. Выиграли от этого в первую очередь представители технической и творческой интеллигенции: в конце 1921 года инженеры получили право на дополнительную комнату сверх всяких жилищных норм «для надомной работы в профессиональных целях», в 1922 году эта же привилегия была распространена и на научных работников, а затем — на врачей, юристов и других специалистов, получающих доходы от занятий умственным трудом. В середине 20-х годов ясно наметилась и тенденция к снижению квартплаты для представителей творческой интеллигенции. В целом в политике властей четко прослеживалась линия на дифференцированное распределение жилья²³. При этом значительные преимущества, наряду с советско-партийной номенклатурой, получила техническая и творческая интеллигенция.

Подобная политика большевистской партии по отношению к творческой интеллигенции была в определенной степени эф-

фективной. Многие исследователи полагают, что хотя власть и не скрывала своих прагматических целей — использовать силы интеллигенции для просвещения рабоче-крестьянской массы и формирования созидательного психологического климата, необходимого для обеспечения восстановления народного хозяйства после гражданской войны, тем не менее партии удалось добиться, чтобы интеллигенция, по крайней мере ее немалая часть, «оптимистически восприняла идеи большевиков по созданию новой пролетарской культуры и всеми силами старалась внести свой вклад в ее воплощение»²⁴.

Однако некоторые ограничения в отношении интеллигенции продолжали действовать. Особенно болезненными были они в образовательной сфере. Возможность получения высшего образования выходцами из интеллигентских кругов пытались урезать. Политика пролетаризации высшей школы вынуждала семьи работников умственного труда прибегать к различным хитростям, иногда весьма сомнительным с юридической точки зрения, дабы дать своим детям возможность учиться в институте. Власти пытались ввести ограничения и путем установления различий в плате за обучение. Для лиц непролетарского происхождения она составляла от 100 до 400 рублей, в то время как для рабочих и крестьян — 50 рублей. Но на деле добиться увеличения числа студентов из рабоче-крестьянской среды и коммунистов оказалось весьма проблематично. К тому же партийно-государственные структуры были вынуждены постепенно расширять возможность учиться для интеллигенции. В 1925—1927 годах равные права с рабочими получили дети медицинских, научных работников, деятелей литературы и искусства. Определенное количество мест в вузах было даже зарезервировано для детей «рабочей интеллигенции». В итоге практика пролетаризации высшей школы не дала значительных результатов: к 1930 году только 37 % студентов в вузах РСФСР имели рабоче-крестьянское происхождение²⁵.

Таким образом, можно утверждать, что новая власть после сравнительно недолгих уравнивательных экспериментов была вынуждена согласиться на значительную разницу в оплате труда и уровне жизни квалифицированных и неквалифицированных работников. В немалой степени этому способствовали не только

потребность в решении экономических задач, но и стремление привлечь интеллигенцию на свою сторону.

Однако сложности в отношениях власти и интеллигенции продолжали сохраняться, ведь представителей умственного труда по-прежнему относили к буржуазии, что подтверждалось даже данным им определением — «буржуазные специалисты», хотя русская интеллигенция всегда стояла на довольно радикальных позициях, с презрением относясь к капиталистическому обществу. Кроме того, большевиков очень раздражало то, что интеллигенция, несмотря на все трагические события революции и гражданской войны, не только сохранила целостность своей социальной группы, но и определенную элитарность. Это обстоятельство не без оснований заставляло правящую партию опасаться интеллигенции как жизнеспособного слоя, претендующего если не на политическое, то, по крайней мере, на нравственное лидерство внутри общества²⁶.

Относительно привилегированное материальное положение «буржуазных специалистов» вносило дополнительные проблемы во взаимоотношения интеллигенции и представителей правящей партии, являвшихся выходцами в основном из низших, необразованных слоев общества. Ими «буржуазные специалисты» воспринимались как замаскированные классовые враги. Эту позицию довольно образно выразил один из рабочих депутатов: «Какие привилегии ни давай, а выходит по пословице: “Сколько волка ни корми, он все равно в лес глядит”». Классовое сознание, культивируемое в Советской России, формировало негативное отношение общества к интеллигенции. Само слово «интеллигент» постепенно становилось ругательством, а термин «интеллигентщина» использовался в явно уничижительном смысле. Отношение к интеллигенции большинства партийцев, вышедших из пролетарских слоев общества, хорошо передано в следующих словах: «Отвратительный тип отживающего класса, подхалим. Он сегодня пожимает руку нашему партийцу и старается низко ему поклониться, а на самом деле до глубины души ненавидит этого коммуниста, ненавидит все коммунистическое, все, что насаждает рабочий класс и партия»²⁷. Таким образом, в сознание общества закладывалось нигилистическое отношение к интеллигенции, которое не могло не преобразовываться во враждебное.

Если такие тенденции, преобладавшие в партийных кругах, в центре хоть как-то сдерживались властями, видевшими жизненно важную важность привлечения «спецов» к социалистическому строительству, то положение провинциальной интеллигенции оказывалось намного сложнее. Между тем именно провинциальная интеллигенция в условиях войн и революций оказалась наиболее уязвимой частью российского общества. Не имея навыков производственного труда, она была фактически обречена на вымирание. Прекращение гражданской войны не принесло заметного облегчения. Ортодоксальная финансовая политика нэпа, усугубленная финансовым кризисом лета 1921 года, привела к массовому закрытию учреждений культуры в регионах. Фактически лишённые денежной подпитки центра, местные партийные чиновники пытались поддержать работу школ, библиотек, избчитален, прикрепляя их к фабрикам и заводам или же путем самообложения. Конечно, «прикрепления» и «самообложения» позволили ряду учреждений культуры пережить наиболее острую фазу финансовых затруднений, однако они вызвали на местах весьма острую и болезненную реакцию. Провинциальные власти, с которых в первую очередь спрашивали за экономическое состояние регионов, весьма легко жертвовали учреждениями культуры и образования. Более того, многие руководители на местах не только не помогали учреждениям культуры, но и способствовали их закрытию²⁸.

Таким образом, новая экономическая политика не смогла в значительной степени изменить ситуацию. Партийно-государственная верхушка, сосредоточившись на экономических проблемах, на некоторое время даже ослабила внимание к интеллигенции, особенно местной. Интеллигенция в провинции была фактически брошена на произвол судьбы и нередко ей приходилось решать свои материальные проблемы самостоятельно. Во многом это проистекало из того, что региональное руководство, в отличие от центрального, никогда не воспринимало местную интеллигенцию в качестве серьёзного политического оппонента, в то же время весьма болезненно реагируя на малейшие проявления самостоятельности «пролетариев умственного труда». Поэтому провинциальная интеллигенция, решая проблему выживания, была вынуждена действовать в рамках существующих правовых

норм, невольно копируя те институты, которые создавались для решения подобных же вопросов иными социальными группами. В первую очередь это были, конечно, профессиональные союзы. Особой активностью в этом плане в 1920-е годы выделялся союз работников искусств Всерабис²⁹.

Помимо сокращения учреждений культуры и усиления материальных сложностей интеллигенции, финансовый кризис нэпа привел к массовому исходу квалифицированных работников из слабо финансируемых местных бюджетов учреждений образования и культуры. Однако по мере стабилизации финансовой ситуации к середине 20-х годов государство пыталось взять учреждения культуры на содержание центрального бюджета, одновременно усиливая свой контроль над их деятельностью.

Ряд исследователей обоснованно считают, что в нэповский период политика большевиков по отношению к провинциальной интеллигенции проявлялась в сочетании «так называемых мягких и жестких установок и мер». «Мягкая» линия проявлялась в реализации партийно-государственных решений, направленных на улучшение материальных условий «специалистов». Особо отмечается, что значительные усилия были предприняты по улучшению как материального, так и морального положения интеллигенции «после отмены трудовых мобилизаций в связи с возникшей опасностью оттока квалифицированных кадров из сферы народного хозяйства и культуры». «Жесткая» же линия выделась в серии идеологических кампаний и «чисток»³⁰.

В целом в 1920-е годы значительная часть интеллигенции согласилась сотрудничать с новой властью: некоторые — по принуждению, многие — заинтересованные властью материально, немало — в силу равнодушия. Именно вследствие сотрудничества интеллигенции удалось наладить деятельность административного аппарата, промышленности. Можно говорить о том, что интеллигенция самых различных настроений, благодаря налаживающимся взаимоотношениям с властями, работала ради развития страны. Конечно, начавшийся диалог был непростым, значительное число лиц умственного труда по-прежнему, если не враждебно, то весьма настороженно относились к коммунистической власти и работали с ней в силу материальной заинтересованности. Такое положение мало устраивало власть. Большевицкая партия, взявшаяся руко-

водить обширной страной, нуждалась в своих людях во всех областях и сферах деятельности. Именно это обстоятельство и привело к политике формирования новой, рабоче-крестьянской интеллигенции, призванной заменить старых, буржуазных специалистов. К понятным сложностям в отношениях властей и интеллигенции добавлялись проблемы во взаимоотношениях самой интеллигенции с другими слоями общества, которые, как и власти, настороженно, а часто и враждебно относились к сравнительно благополучной в материальном плане жизни людей умственного труда. Таким образом, интеллигенция оказывалась со всех сторон окружена враждебностью и непониманием.

Примечания

- ¹ Отношения новой власти и интеллигенции складывались непросто, и в нашей работе не ставится целью подробное рассмотрение данного вопроса. Об этой проблеме см.: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция : из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972 ; *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921—1927. Саратов, 1991 ; *Куманев В. А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991 ; *Байрау Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2 ; *Квакин А. В.* Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.) // Интеллигенция и мир. 2008. № 4 ; *Burbank J.* Intelligensia and revolution: Russian views of bolshevism, 1917—1922. N. Y. ; Oxford, 1986 ; *Esseyes on revolutionary culture and stalinism.* Columbus, 1990 ; и др.
- ² *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 406 ; Т. 38. С. 6—7.
- ³ Там же. Т. 38. С. 225—226 ; Т. 43. С. 351.
- ⁴ *Зиновьев Г.* Трудящаяся интеллигенция и советская власть // Интеллигенция и советская власть : сб. ст. М., 1919. С. 40.
- ⁵ *Радек К.* Интеллигенция и советская власть // Там же. С. 51.
- ⁶ *Зиновьев Г.* Указ. соч. С. 49.
- ⁷ *Радек К.* Указ. соч. С. 54.
- ⁸ *Зиновьев Г.* Указ. соч. С. 49.
- ⁹ Государственное учреждение Национальный архив Республики Коми. Хр. № 2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об. ; Д. 7. Л. 6 ; Ф. 446. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
- ¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 20. С. 207.

- ¹¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 41. С. 312. Впрочем, поначалу В. И. Ленин полагал, что новая власть сможет попросту «купить» нужных специалистов, но вскоре отказался от этой идеи. Подробнее см.: *Валентинов (Вольский Н. В.)* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время нэпа. М., 1991. С. 58—59.
- ¹² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 39. С. 430.
- ¹³ *Керженцев В.* Еще об интеллигенции // Интеллигенция и советская власть. С. 61—63.
- ¹⁴ Интеллигенция и революция : сб. ст. М., б. г. С. 3.
- ¹⁵ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 36. С. 310 ; Т. 35. С. 63—64 ; Т. 44. С. 198—199.
- ¹⁶ *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2/3. С. 48, 50.
- ¹⁷ Там же. С. 48.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1924. С. 165.
- ²⁰ Тринадцатый съезд РКП (б) : стенограф. отчет. М., 1963. С. 653—654.
- ²¹ *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 485—486.
- ²² *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 50.
- ²³ Там же. С. 53—54.
- ²⁴ *Борисов Л. В.* Театральная интеллигенция и Советское государство в 20-е годы // Отечественная история. 1993. № 2. С. 106.
- ²⁵ *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 54—55.
- ²⁶ *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 23.
- ²⁷ Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 5-го созыва. Бюл. 10. С. 13 ; *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁸ *Сибиряков И. В.* Интеллигенция Урала в условиях реформ : исторический опыт. Челябинск, 2003. С. 33.
- ²⁹ Подробнее см.: *Сибиряков И. В.* Всерабис: страницы истории. Челябинск, 2006 ; *Он же.* Уралрабис: профсоюз работников искусств на Урале в 20—30-е годы XX века. Челябинск, 2008 ; и др.
- ³⁰ Власть и интеллигенция в сибирской провинции, конец 1919—1925 гг. / сост. *С. А. Красильников, Т. Н. Осташко, Л. И. Пыстина.* Новосибирск, 1996. С. 10 ; *Сибиряков И. В.* Интеллигенция Урала... С. 36.

В. С. Околотин

**ОБОСНОВАНИЕ ПРОДУКТООБМЕНА
КАК МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
В РАБОТАХ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1930—1932)**

Переход от товарно-денежных отношений, хотя и регулируемых государством, к плановой экономике в числе других хозяйственных задач был призван обеспечить устойчивое развитие страны. Их грандиозность определяла и возникновение широкого спектра теоретических и методологических подходов, носителями которых на первых порах являлись представители самых различных научных направлений. Однако затруднения с продовольствием, возникшие зимой 1927/28 хозяйственного года, повсеместное введение карточной системы нормированного распределения продуктов и проблема несоответствия темпов индустриализации реальным темпам накоплений послужили веским основанием для пересмотра означенного подхода. Летом и осенью 1929 г. в центральных ведомствах и их подразделениях на местах была проведена чистка аппарата с целью его освобождения от спецов, не разделявших оптимистичных взглядов на преобразующую роль плана в национальной экономике. В этих условиях осуществление общеэкономических, финансовых и иных научных исследований уже не могло быть свободным от суждений

© Околотин В. С., 2011

Околотин Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета. glikegiya_@bk.ru

Данная статья является продолжением работы «Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики советского государства (первое полугодие 1928 г.)», опубликованной автором в журнале «Интеллигенция и мир», № 3 за 2010 г.

политических руководителей, а также практики управления, складывающейся в стране. Система товарного хозяйства, которую план регулирует, а не преодолевает, была объявлена не соответствующей природе советского общества. Основанием для такого суждения стало выступление И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., где он заявил, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли». Более того, «...мы начинаем хромать... в области теоретической разработки вопросов нашей экономики», поскольку «в нашей общественно-политической жизни все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории», которые «не встречают до сих пор должного отпора». Поэтому «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами»¹. Чуть позже, в феврале 1930 г. он вновь заявил, что «спорящие стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в область талмудизированных абстракций, убив, таким образом, два года работы на отвлеченные темы, конечно в угоду и к выгоде наших врагов»². Означенная конференция и суждения Сталина положили начало проведению аналогичных мероприятий в сфере прикладных и научных знаний. В течение 1930—1931 гг. состоялись конференции промышленников-марксистов, экономистов-марксистов, финансистов-марксистов и т. д. Одновременно на страницах периодических изданий развернулись дискуссии по проблемам, поднятым на конференциях. Научные разработки, не соответствовавшие марксистско-ленинской методологии (теория равновесия, генетический подход к развитию народного хозяйства), были отнесены к классово чуждой идеологии, а их разработчики названы контрреволюционерами и вредителями. Так, в резолюции, принятой на конференции финансистов-марксистов, говорилось, что из-за слабой марксистско-ленинской разработки теории советских финансов в ней имело место засилье «буржуазных» концепций. «Буржуазные» идеологи (Юровский, Кондратьев, Соколов)³, «разбитые в теоретической экономике и общей методологии, использовали наименее защищенный марксистско-ленинской мето-

дологией участок финансов для выступлений под флагом финансовой науки против марксизма-ленинизма на всех основных отраслях теоретической мысли»⁴. В результате финансы стали ареной борьбы вредительских теорий против практики социалистического строительства в СССР. А. Соколов в работе «За марксистский анализ налогов и тяжести обложения» также утверждал, что «мы не могли не подвергнуть критике и теории отдельных экономистов как марксистов, так и считающих себя марксистами буржуазных профессоров, а также подлинно буржуазных ученых. Мы абсолютно не имеем ни одной марксистской работы в области финансовой науки и теории налогов в частности»⁵.

В результате новые теоретические исследования были нацелены на осмысление состояния национальной экономики и обоснование правильности уже принятых политических решений. К их числу следует отнести исследования Л. М. Гатовского, Г. А. Козлова, Д. В. Кузовкова, Л. А. Леонтьева, С. В. Шахновской, А. Соколова и других экономистов по обоснованию продуктообмена, как модели построения бесклассового общества, и вытекающие из него проблемы утраты значения денег и перерождения налогов. Их работы, опубликованные на страницах ведущих научных журналов «Плановое хозяйство» и «Проблемы экономики», в центральных газетах, а также отдельными изданиями, вызвали широкий резонанс среди советской научной интеллигенции, поскольку облекали в теоретическую оболочку процесс натурализации советской экономики. Конечная цель происходящих в стране процессов в научных публикациях того времени виделась следующей. В частности, по утверждению В. Игнатова, «создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал...». В экономике страны уже сложились первичные формы продуктообмена, нашедшие выражение в контрактации, производственном кредитовании, обобщественной сдаче хлеба и т. д.⁶ Другими авторами также утверждалось, что

«процесс развития продуктообмена является одним из внутренних моментов завершения построения фундамента социалистической экономики». При этом, по мнению Л. М. Гатовского, введение карточек есть «неизбежная» часть процесса превращения экономики государства в натуральную и «социалистический продуктообмен является уже не чем иным, как системой социалистического распределения». Предпосылками к социалистическому распределению, по его мнению, были: обобществление сельского хозяйства и мелкой промышленности; все большее сближение денежных и товарных потоков на основе единого финплана, унификации заготовок и снабжения. Утвердительно звучал его тезис и о том, что «сейчас с абсолютной ясностью вскрывается невозможность осуществления планов социально-технической реконструкции без дальнейших сдвигов в сторону социалистического продуктообмена»⁷. Эту же позицию разделял В. А. Левин из Госплана РСФСР. В своей статье, опубликованной в журнале «Плановое хозяйство», он утверждал: «От рыночных отношений, хотя и регулируемых пролетарским государством, мы переходим к прямому продуктообмену между городом и деревней»⁸. Д. Черномордик на страницах «Известий» говорил, что «рыночные отношения нэпа... по мере роста сплошной коллективизации и охвата ею все большего количества отраслей сельского хозяйства отживают, теряют свою прогрессивную роль и уступают место той форме распределения продуктов... которая соответствует социализму и уступает место плановому социалистическому продуктообмену». Существующие же в настоящее время «денежно-рыночные отношения могут еще какое-то время обслуживать социалистическое развитие производительных сил нашего хозяйства, способствуя всестороннему расширению планового продуктообмена между городом и деревней»⁹. Разумеется, это лишь неполный перечень суждений, имевших место в различных публикациях того времени и закреплявших продуктообмен как уже сложившуюся на практике модель экономического развития страны. При ее обосновании советскими экономистами и финансистами, а это важно подчеркнуть в данной статье, были подчеркнуты пересмотру не только содержание отдельных финансовых категорий, но и государственный механизм формирования доходов и исполнения расходов в стране. Теоретическим фети-

шем вместо государственного бюджета стал финансовый план. Однако не все разделяли столь категоричное суждение о роли финплана, отмирании госбюджета и роли денег в переходный период. Так, в январе 1930 г. Г. Я. Нейман в «Экономической жизни», объясняя переход к финплану необходимостью максимальной мобилизации всех ресурсов страны для выполнения задач, поставленных пятилетним планом, назвал поспешными заявления «горячих адептов финплана» о том, что бюджет «умирает, медленно изживает себя» и что его «придется сдать в архив вместе со многими инструментами восстановительного периода». Не разделяя столь категоричных суждений, Нейман считал, что «в силу ряда технических и иных условий, финплан как оперативный план есть еще музыка будущего», поэтому «в течение ближайшего пятилетия бюджет, несомненно, сохранит роль основного регулятора всей финансовой системы СССР»¹⁰. А. И. Вайнштейн, в целом разделяя позицию Г. Я. Неймана, там же утверждал, что «мысль финансовых работников... напряженно работает над вопросами реконструкции всей доходной системы госбюджета, над ее унификацией и упрощением, приведением ее в полное созвучие с реконструкцией всей системы народного хозяйства». Это, по его словам, «предопределяет судьбу всей системы косвенных обложений и предreshает ряд глубочайших перемен для всей налоговой системы и для всего налогового аппарата, сформировавшегося задолго до наступления нынешних резких сдвигов в социалистическом хозяйстве». Коснулся он и вопросов денежного обращения. Разделяя позицию Г. А. Козлова о том, что изменения в системе финансовых взаимоотношений внутри обобщественного сектора не могут не означать крупных качественных изменений «в роли денег и всей денежной системы», он в то же время утверждал, что «рыночные отношения еще играют в хозяйстве значительную роль и на советский рубль как на средство обмена еще выпадает очень крупная роль в деле служения интересам социалистического строительства». Поэтому «надо уметь внимательно следить за происходящими сдвигами. Надо изо дня в день напряженно работать над внедрением системы безналичных расчетов, над действительным внедрением в жизнь реформы кредитной системы, над укреплением низовых звеньев этой системы, над всем процессом постепенного превра-

щения денег в расчетные знаки»¹¹. Проблема превращения денег в расчетные знаки, их отмирания, озвученная Г. А. Козловым на страницах «Планового хозяйства», стала обсуждаться настолько широко, что это побудило руководителей НКФ и Госплана СССР к необходимости обозначить свою позицию по данному вопросу. 11 марта 1930 г. «Экономическая жизнь» опубликовала по данной теме ряд авторитетных суждений, принадлежавших наркомфину СССР Н. П. Брюханову, зампреду Госплана СССР С. М. Кузнецову и др. Так, Н. П. Брюханов заявил, что «при определении отношения к нашим деньгам надо решительно покончить с одним серьезным недоразумением». Оно якобы стало следствием проводимых в стране мероприятий, которые «делают уже вообще ненужными, излишними наши деньги, будто бы деньги уже начинают отмирать и что в связи с этим можно безразлично относиться к их дальнейшей судьбе». Такое суждение неверно, поскольку, по его словам, деньги еще выполняют и будут выполнять «все свойственные им функции: и мерила ценностей и орудия обращения, и средства сбережения и вообще платежного средства»¹². Согласно утверждению С. М. Кузнецова, «у некоторых советских экономистов появился “зуд” сказать нечто новое о финансах, заключающееся в том, что “деньги в советской системе уже теряют свое предназначение”. Мы считаем, что это является грубой ошибкой... говорить об отмирании денег неверно». Более того, «в данном случае теоретики не выполняют прямой своей обязанности и создают для практиков еще больше неясностей»¹³. По словам М. И. Боголепова, также принявшего участие в полемике по этому вопросу, «забвение основ финансовой политики по сохранению устойчивости рубля, по нашему мнению, было бы равносильно разоружению планового хозяйства». Примером этому является то, что «мобилизацию сбережений широчайших слоев населения на индустриализацию страны всего удобнее и легче совершать с помощью твердого рубля»¹⁴.

В условиях острейших теоретических дискуссий, перенесения их в область финансовых категорий дальнейшее невнимание к разработке советской финансовой теории могло иметь пагубные последствия. Однако в процессе «рационализации» финансового аппарата и «приспособления его к задачам реконструктивного периода», планово-экономическое управление (ПЭУ), осуществ-

лявшее научно-исследовательские разработки¹⁵, было расформировано, а часть его сотрудников переведена во вновь образованный научный секретариат при коллегии НКФ СССР¹⁶. Таким образом, в июле 1930 г. ПЭУ, как центр научной мысли НКФ СССР, объединявший ученых с различными, в том числе и популярными, взглядами на развитие советского хозяйства, прекратил свое существование. Научный секретариат при коллегии НКФ СССР, хотя и решал возложенные на него задачи, но весомость его разработок заметно снизилась. Образовался вакуум и в методологии научных исследований. Так, по словам В. Лозовского, участвовавшего в работе РКИ по «подготовке и пересмотру нашей налоговой системы и ее реконструкции, мы все время очень остро чувствовали недостаток теоретической проработки вопросов, хотя бы вопроса о том, какое значение категория налога должна иметь на ближайшее время в условиях нашего хозяйства»¹⁷. Поэтому «в целях систематического марксистско-ленинского освещения теоретических и практических вопросов финансового строительства» в начале декабря 1930 г. на объединенном заседании коллегии НКФ и Госбанка СССР был создан объединенный Научный совет из 26 человек. В его состав вошли уже известные своими публикациями финансисты, которых с уверенностью можно отнести к основателям советской финансовой теории — А. Б. Маймин, Л. Е. Марьясин, В. П. Дьяченко, С. В. Шахновская, М. И. Боголепов и др.¹⁸

Благодаря его усилиям в первой половине 1931 г. был проведен ряд организационных мероприятий, позволивших, по мнению их участников, заложить основы советской теории финансов. К ее разработке был привлечен и научный потенциал профессорско-преподавательского состава Московского и Ленинградского финансово-экономических институтов. Так, согласно заявлению директора Московского финансово-экономического института Д. А. Буткова, на московской конференции заочников «финансовая практика опередила финансовую теорию. Смешно говорить о возможности осознания сущности и задач нашего финплана, исходя из старых отживших представлений о финансах». В этой связи «нам нужна финансовая теория, обеспечивающая правильное построение и бесперебойное выполнение финплана». Именно «через финансовую систему мы организуем

социалистическое накопление» и «чем успешнее организуем это накопление, тем скорее мы осуществим лозунг “догнать и перегнать”»¹⁹. На конференции по планированию научно-исследовательской работы, состоявшейся в апреле 1931 г., был выдвинут даже тезис о едином планировании науки. «Единый план науки должен вытекать из народно-хозяйственного плана и быть целиком и полностью подчинен задачам социалистической реконструкции. Содержанием плана науки должны быть основные ведущие научные проблемы, вытекающие из задачи догнать и перегнать капиталистические страны», — говорилось на страницах «Экономической жизни»²⁰.

Реализации задач «догнать и перегнать», создания марксистско-ленинской теории финансов была посвящена и конференция финансистов-марксистов, состоявшаяся в НКФ СССР 13—15 июня 1931 г. Выступавшие на ней были едины в мнении о том, что «отсутствие финансовой теории затрудняет реконструкцию финансовой системы». Однако, по словам одного из участников, «мы финансисты-марксисты с нашей конференцией опоздали... отстаем и в другом». «Если во всех областях экономики дана развернутая критика вредительства, то у нас... такой развернутой критики нет...»²¹ Согласно образному выражению А. Соколова, «необходима правильно поставленная развернутая критика буржуазных теорий, которые имели место на страницах советской печати и хождение, как полноценные монеты, в наших советских вузах», преподносившихся со стороны «профессоров-вредителей»²². Основными участниками дискуссии, развернувшейся на конференции, стали представители Ленинградского и Московского финансово-экономических институтов. Их взгляды относительно основ советской теории финансов оказались различными. Ленинградцы исходили из принципа трансформации ряда финансовых категорий (в том числе и налогов), свойственных капиталистической экономике, в социалистические. Это в свою очередь обуславливало сохранение в новых условиях отдельных их свойств. Однако, по словам А. Соколова, налоги капиталистические и налоги советские — это «совершенно две различные качественные категории». «Наши налоги являются средством, которое дает возможность строить социалистическое хозяйство. Налоги же в условиях капитализма упрочивают господ-

ство производственных отношений капитализма», — утверждал он. Поэтому «постановка вопроса ленинградцами совершенно неправильна и не выдерживает критики». Более того, солидаризируясь с другим представителем московской школы, он заявил, что «ленинградцы представляют собой оппозицию, причем оппозицию с душком, пахнущую социал-демократизмом». Далее, говорил он: «Вы упорно стоите на своей позиции и не хотите признать, что вы мешаете изучению проблемы политэкономии с изучением совершенно новых категорий, которые возникли у нас на советской почве. ...я должен прямо сказать, что считаю точку зрения ленинградцев абсолютно вредной, точкой, которая тянет нас назад вместо того, чтобы разрешить серьезный вопрос и поставить марксистскую мысль на должную высоту. Мы должны этому дать отпор». Это важно и потому, говорил он, что «мы с вами изучаем, что мы здесь разрабатываем» — всё должно стать «вкладом в марксистскую научную мысль всего мира...»²³.

По итогам конференции была принята резолюция, содержащая ряд основополагающих моментов. К ним следует отнести утверждение о том, что «теоретические разработки актуальнейших проблем в области советских финансов должны опережать практику, вооружая ее в борьбе за победу социализма». Кроме того, в «условиях обостренной классово-борьбы всяческие разновидности буржуазных или около буржуазных теорий не могут не быть в основе своей вредительскими теориями. Поэтому задача финансистов-марксистов заключается в полном разоблачении не только буржуазных открыто реакционных и вредительских теорий, но и малейших отклонений от марксистско-ленинской методологии в области финансов, хотя бы и прикрываемых флагом революционности». В этой связи «финансовые категории не есть логически существующие категории, которыми государство пользуется в зависимости от тех или иных мотивов. Они суть исторические категории, так как их содержание определяется сущностью государства и экономической структурой общества в целом». Отсюда, по утверждению авторов резолюции, следует невозможность конструирования «всеобщей финансовой теории», поскольку «в переходный период от капитализма к социализму финансы представляют собой метод планового перераспределения материальных ценностей в сфере планового перераспреде-

ния денежных ресурсов для расширенного воспроизводства социалистических отношений, переделки мелкобуржуазного сектора и сужения, вытеснения и ликвидации капиталистических отношений». Стремление же ленинградцев установить мировую схему развития финансовых категорий приводит к механистическому пониманию, перенесению империалистических закономерностей на советскую почву и даже (тезис А. Ш. Маргулиса) к отмиранию в условиях переходной экономики. В заключение утверждалось, что «первое всесоюзное совещание финансистов-марксистов имеет чрезвычайно большое значение в деле установления основных исходных позиций и направлений теоретической разработки финансовых проблем» и позволило преодолеть в «самом зародыше отклонения от марксистско-ленинской методологии»²⁴.

На первом Всесоюзном совещании по финансовому образованию, состоявшемся в июне 1932 г., данные положения получили закрепление. По утверждению В. П. Дьяченко, подготовка экономистов-финансистов, в том числе и в области финансирования распределения и обмена, без марксистско-ленинской методологии невозможна, иначе это будут не финансовые работники, а «работники, которые могут свихнуться с правильной установки и не дать того эффекта, который мы требуем от них»²⁵.

Реализация концепции продуктообмена нашла выражение в ряде реформ в 1929/30—1932 гг. Однако их осуществление привело к очень скорому осознанию неэффективности концепции продуктообмена. На смену ей была призвана иная модель развития административно-командной экономики, основанная на организации и развитии советской государственной торговли, насыщенной ее товарами народного потребления. В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), состоявшемся с 7 по 22 января 1933 г., И. В. Сталин, подводя итоги пятилетки в четыре года в области товарооборота между городом и деревней, дал следующее ее определение. По его словам, «советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»²⁶. Спустя год в отчетном докладе XVII съезду ВКП (б) в январе 1934 г. он говорил, что при этом пришлось преодолеть левацкую болтовню ряда работников, отвергавших советскую

торговлю, называвших ее пройденной стадией и утверждавших о необходимости налаживания прямого продуктообмена. «Незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен», считали якобы они. «Эти люди, — утверждал И. В. Сталин, — неспособные наладить простейшей советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена...» «Они не понимают, — продолжал он, — что продуктообмен может придти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли... Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих “левых” уродов, и их мелкобуржуазную болтовню пустить на ветер»²⁷. Таков итог трансформации теоретических посылок и оценка научных поисков того времени.

Относительно судеб участников означенных дискуссий следует сказать следующее. В силу различных событий минувшего века невероятно сложно установить как творческий, так и жизненный путь многих представителей из числа советской научной интеллигенции (профессорско-преподавательский состав и практики), участвовавших в них. Кто-то, возможно, затерялся в учреждениях столицы, кто-то был репрессирован, кто-то погиб в годы Великой Отечественной войны. Однако судьбы отдельных из них прояснить удалось. В частности, Л. М. Гатовский защитил докторскую диссертацию и после войны, в 1954 г., получил звание лауреата Сталинской премии за учебник «Политическая экономия», а в 1960 г. стал членом-корреспондентом АН СССР²⁸. В. П. Дьяченко (1902—1971) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР с 1953 г., длительное время занимался научно-исследовательской деятельностью в системе Минфина СССР, работал директором Института экономики в АН СССР (1953—1956), а с 1962 г. заведующим отделом Института экономики и председателем Научного совета по проблемам ценообразования АН СССР²⁹. В 1954 г., систематизировав большой исторический материал, охватывающий период с 1917 по 1950 г., он издал «фундаментальное научное исследование» под названием «История финансов СССР (1917—1950 гг.)». М. И. Боголепов (1879—1945) — советский экономист, специалист в области финансов, организатор и первый ректор Института народного хо-

зяйства в Петрограде (1920—1922), разработчик налоговой реформы 1930 г., член-корреспондент АН СССР (1939 г.), автор многочисленных научных публикаций, умер в 1945 г.

Г. А. Козлов (1901—1981) — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР с 1968 г., признанный специалист в области теории денег и денежного обращения, работал в Госплане СССР (1928—1929), в Правлении Госбанка СССР (1931—1934), многие годы возглавлял кафедру политэкономии Московского финансового института³⁰. Л. А. Леонтьев (1901—1974) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР с 1939 г., в 1931—1957 гг. вел научную, преподавательскую и журналистскую работу. А. Ш. Маргулис (1909—1981) — специалист в области учета в отраслях народного хозяйства, профессор Всесоюзного заочного финансового института. Говоря о вполне успешной научной карьере означенных представителей советской научной интеллигенции, следует сказать и о трагической судьбе других участников дискуссий. Так, С. М. Кузнецов, С. В. Шахновская (редактор «Экономической жизни»), Н. П. Брюханов (нарком финансов СССР) и некоторые другие были репрессированы во времена массового террора и лишь спустя годы реабилитированы. Такова превратность жизненных судеб советских ученых, активно участвовавших в теоретическом осмыслении и обосновании практических экспериментов в национальной экономике, разработке основ советской теории финансов.

Примечания

- ¹ *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 141—142.
- ² *Сталин И. В.* Ответ товарищам свердловцам // Правда. 1930. 10 февр.
- ³ Л. Н. Юровский, Н. Д. Кондратьев и А. А. Соколов — работники НКФ СССР, известные представители научно-творческой интеллигенции, авторы многочисленных исследований, в том числе и получивших мировое признание, испытали на себе механизм политического давления, но до конца жизни сохранили устойчивость взглядов и мировоззрений.
- ⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р. -7733. Оп. 9. Д. 313. Л. 109.

- ⁵ *Соколов А.* За марксистский анализ налогов и тяжести обложения. М., 1930. С. 5.
- ⁶ *Игнатов В.* О нэпе, социализме и советской торговле // *Экономическая жизнь*. 1931. 18 апр.
- ⁷ *Гатовский Л. М.* О природе меновых связей на новом этапе // *Плановое хозяйство*. 1930. № 5. С. 127—158.
- ⁸ *Левин В. А.* Система контрольных цифр // Там же. № 2. С. 24.
- ⁹ *Черномордик Д.* Проблема планового продуктообмена // *Известия*. 1930. 7 нояб.
- ¹⁰ *Нейман Г.* Единый бюджет и единый финплан // *Экономическая жизнь*. 1930. 16 янв.
- ¹¹ *Вайнштейн А.* Финансовая система в период реконструкции // Там же. 1 марта.
- ¹² *Брюханов Н. П.* Устойчивая валюта — важный рычаг пятилетки // Там же. 11 марта.
- ¹³ *Кузнецов С. М.* Финансовая политика — неразрывная часть социалистического строительства // Там же.
- ¹⁴ См.: *Экономическая жизнь*. 1930. 11 марта.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. Р.-7733. Оп. 7. Д. 43. Л. 1—13 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 8. Д. 25. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Оп. 9. Д. 312. Л. 130.
- ¹⁸ Научный совет и журнал по вопросам финансового строительства // *Экономическая жизнь*. 1930. 2 дек.
- ¹⁹ Финансовую теорию на службу социалистическому строительству // Там же. 1931. 23 марта.
- ²⁰ Планировать науку // Там же. 6 апр.
- ²¹ РГАЭ. Ф. Р.-7733. Оп. 9. Д. 32. Л. 129.
- ²² Там же. Л. 109—110.
- ²³ Там же. Л. 113—117.
- ²⁴ Там же. Д. 313. Л. 109—111.
- ²⁵ Там же. Д. 310. Л. 283—285.
- ²⁶ *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки // *Полн. собр. соч.* М., 1951. Т. 13. С. 203—204.
- ²⁷ *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // Там же. С. 342—343.
- ²⁸ *Благих И.* Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа // *Экономист*. 2009. № 6. С. 87.
- ²⁹ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М., 2007. Вып. 3. С. 115.
- ³⁰ Там же. С. 11.

ББК 87.21

С. В. Ковалева

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Согласно различным словарям¹, понятие «интеллигенция» образовано от латинского слова *intelligentia*, в переводе означающего слой общества, состоящий из людей, обладающих определенным уровнем интеллектуального, умственного развития, содержанием сознания которых являются знания, полученные в ходе познавательного процесса. Если коснуться истории возникновения данного понятия в России, то выясняется, что ввел его в словарный обиход П. Д. Боборыкин в середине XIX в. В это время весьма популярной была немецкая классическая философия, основным принципом которой считался *принцип тождества мышления и бытия*. Остановимся на этой очень важной для понимания сущности интеллигенции закономерности. Необходимо заметить, что наиболее значимый вклад в обоснование непосредственной связи мышления и бытия внес И. Кант, хотя впервые понимание такой взаимозависимости между сущностью человека и сущностью мироздания можно найти еще у древнегреческих мыслителей (Парменид, Зенон, Платон). Кант в своем произведе-

© Ковалева С. В., 2011

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Костромского государственного технологического университета.

нии под названием «Критика чистого разума» попытался ответить на ряд вопросов, главным из которых он считал вопрос о границах познания, осуществляемого человеком как носителем познавательных способностей. Философ в ходе длительного анализа стремился выяснить, насколько глубоко способно проникнуть мышление человека, выступающего в форме трансцендентальности, в бытие мира. Другими словами, насколько сущностная форма мысли может соответствовать тем процессам в окружающей реальности, которые происходят не на уровне явлений, но в их сущности, т. е. в бытии. Отвечая на поставленные вопросы, Кант приходит к следующим выводам:

- познавательный процесс осуществляется в границах *чистых субъективных форм созерцания*, каковыми являются пространство и время, преодолеть которые невозможно;
- познавательный процесс происходит на основе *трансцендентального единства апперцепции*, которое означает не что иное, как единство чувственного и мыслящего потоков сознания;
- чувственный поток характеризуется совокупностью пяти органов чувств, которая именуется *внешней* чувственностью. Указанные ощущения являются разрозненными, хаотичными, неупорядоченными, их организация осуществляется мышлением;
- мышление в познавательном процессе осуществляется в форме *трансцендентальности*, которая соответствует *рассудочности*. Функция этой формы заключается в объединении чувственных восприятий и подведении этого синтеза под единство понятия².

Таким образом, следуя размышлениям Канта, можно с уверенностью сказать, что в познавательном процессе принцип тождества выявляет и реализует не сущностные характеристики человека и мира, но второстепенные. Человек в качестве *субъекта* познания развивает и формирует *не разумность* мышления, а *рассудочность*, в то время как окружающая *действительность*, будучи объектом исследовательского интереса, выступает в качестве *явлений*, но *не бытия*. Согласно философу, и человек в своей сущности, и мир в своем бытии являются «вещами-в-себе», никогда не раскрываемыми в познавательном процессе, находящимися за границами чистых субъективных форм созерцания³.

Придя к таким выводам, Кант, конечно же, ставит новый вопрос: в чем же тогда заключается разумная, сущностная форма мышления человека, что она содержит и какова ее функция? Находясь на позиции трансцендентального (субъективного) идеализма, философ не может преодолеть основной принцип этого учения — принцип тождества мышления и бытия. Поэтому и разумность должна как-то быть связана с познавательным процессом, в нем реализовываться и развиваться. Мыслитель предполагает, что содержанием разумного мышления являются идеи, которые создаются разумом: идея Бога, идея мира, идея человека. Функция же этой формы заключается в конституировании, в определении и направлении познания, которое осуществляется рассудком.

Однако в процессе подробного анализа идей, как содержания разума, Кант должен констатировать, что каждая из них раскалывается *антиномиями*⁴. Антиномия — это два суждения, каждое из которых можно доказать, опираясь на свой жизненный опыт, в основании которого лежат чувственные восприятия действительности, но эти суждения противоречат друг другу. Например, идея Бога раскалывается на два суждения: «Бог есть» и «Бога нет». В таком случае, для разума встает неразрешимая задача: куда должен двигаться в своей познавательной функции рассудок? Заканчивая свое исследование, изложенное в произведении «Критика чистого разума», Кант приходит к выводу, что разумная форма мышления человека, характеризующая его сущность, не реализуется, не формируется в процессе познания, и следовательно, принцип тождества мышления и бытия должен быть обоснован в другой сфере деятельности.

Не случайно философ, начиная новое исследование, изложенное в «Критике практического разума», рассматривает разумность как рациональность, которая позволяет человеку в процессе анализа еще не совершенных, но предполагаемых поступков выбрать правильное решение, соответствующее правилу категорического императива. Согласно закону, побудительный мотив для любого действия должен определяться суждениями: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» или «поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку и в

своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему как к средству»⁵. Таким образом, в сфере практического делания, которое основано на взаимоотношении людей друг с другом, и должен осуществлять себя разум как сущностная форма мысли.

Однако поступки человека не всегда могут быть совершены из понимания долга, как того требует категорический императив. Они могут быть продиктованы соображениями пользы и потребительской необходимости, вследствие чего императив может принимать форму гипотетическую (условную, не обязательную). Следовательно, любого человека в зависимости от ситуаций можно рассматривать и как явление, и как «вещь-в-себе», т. е. в сущности, отсюда формируются разные виды императивов. Выходит, что поведение может определяться практическими интересами и принципами долга. Возникают две тенденции: стремление к счастью (удовлетворению некоторых материальных потребностей) и стремление к добродетели. Эти стремления могут противоречить друг другу в одном и том же событии жизни, что указывает на *антиномию практического разума*.

Без всякого сомнения, можно констатировать, что и в практической сфере деятельности разум вступает в противоречие с самим собой и не может определять однозначно в форме долга поступки человека, направленные в своей волевой интенции на внешнюю реальность, на ее преобразование и изменение через отношения между людьми. Так же как в познавательном процессе разум не может быть определен идейным содержанием, так и в повседневной действительности невозможно рассматривать эту форму мышления, выраженную чистым долженствованием. Другими словами, принцип тождества мышления и бытия опять, уже в практической осуществленности, не реализуется, утрачивает свою действенную функцию и превращается в какую-то умозрительную химеру.

Какой промежуточный вывод можно сделать исходя из изложенного выше? В начале статьи мы попытались выяснить, что означает понятие «интеллигенция», какого человека можно назвать интеллигентным. После исследования философии Канта однозначно можно утверждать, что и в познавательной, и в практической сферах разум, как система идей или правил поведения,

не участвует, не формируется, попросту исчезает, а следовательно, исчезает и сущность человека, сам человек. Отсюда следует, что интеллигентный человек не может ассоциироваться с субъектом познания или субъектом практического деяния, так как в данных случаях он не владеет своим человеческим началом, не ведает его, не развивает.

Здесь трудно не согласиться с Н. А. Бердяевым, утверждавшим, что сущность человека выражена духом, который «есть свобода, творческая активность, смысл, интеллект, ценность, качество и независимость, прежде всего независимость от внешнего мира, природного и социального»⁶. Из цитаты следует, что интеллектуальная способность человека хоть и тождественна духу, но определяет его сущность не первоначально. Главным отличительным свойством сознания, согласно мыслителю, является свобода, которая актуализирует творческую активность, направленную на постижение *смысла*, но не знания. Именно в этом и заключается качественное, глубоко личностное и независимое начало сознания, требующее своего развития и становления в течение жизни.

Развивая представление о сущности сознания, Бердяев указывает, что «духовное начало в человеке означает определяемость изнутри в отличие от того состава человеческой природы, который определяется извне. <...> Духовная жизнь принципиально отличается от жизни общественной, она не детерминирована социальной средой, она имеет другие источники, она изнутри черпает свои духовные силы»⁷. Необходимо подчеркнуть, что согласно мнению мыслителя, интеллектуальная способность духа, направленная на получение знания и выраженная субъективными качествами человека, должна быть детерминирована философскими учениями, формирующими мировоззрение, которые носят объективный, по сути, метафизический характер.

Однако к началу XX века Бердяев вынужден был констатировать такую ситуацию в России, согласно которой «интересы теоретической мысли у нас были принижены, но самая практическая борьба со злом всегда принимала характер исповедания отвлеченных теоретических учений. Истинной у нас называлась та философия, которая помогала бороться с самодержавием во имя социализма, а существенной стороной самой борьбы признава-

лось обязательное исповедание такой “истинной” философии»⁸. Создание объективной в своей сущности философской системы, которая бы позволяла не только адекватно осмыслять происходящее, формируя истинное знание, но и относительно такого знания строить свою деятельность по объективно-идеальному образцу, направленную на достижение смысла существования, но не рекламирующую борьбу, — вот цель для каждого интеллигентного человека.

Нужно сказать, что сам Бердяев не смог создать такого учения, однако считал, что наиболее выдающимся философом, подошедшим к решению указанной проблемы, был Вл. Соловьев. Действительно, обосновать систему, в которой был бы разработан и обоснован метод формирования сущности сознания человека, определяющий по-настоящему качество интеллигентности, задача с философской точки зрения сложная. Поэтому для того чтобы разобраться в учении Соловьева, на наш взгляд, необходимо начать с критики в адрес системы Канта, которую излагает русский философ в своей статье, посвященной немецкому коллеге и напечатанной в энциклопедическом словаре.

Размышляя над характеристикой разума, данной немецким мыслителем, Соловьев пишет, что это понятие «имеет три главных смысла: во-первых, — это есть, в отличие от рассудка, специальная способность образования идей; во-вторых, разум (теоретический), включая сюда и рассудок, и чувственное восприятие, обозначает всю сферу нашей познавательной и мыслительной деятельности... в-третьих, наконец, разум (практический) обозначает самоопределяющуюся волю»⁹. Согласно мыслителю, главной задачей «философского делания» является необходимость преодоления смысловой множественности в понимании сущности человека и в выявлении таких условий, которые позволили бы не просто отыскать и обосновать разумность мышления, но и указать конкретные действия по ее формированию.

По этой причине Соловьев считает весьма важным выявить в сознании человека те признаки, которые носят онтологический характер, а также определить свойства, выявляющие эмпирические, обусловленные внешней средой, способности. Решая обозначенную проблему, философ рассматривает человека как совокупность трансцендентального и эмпирического субъектов. Ука-

зывая, что об этом впервые написал еще Кант, который отличает трансцендентального субъекта от эмпирического, но, по мнению русского мыслителя, «так мало останавливается на этом важнейшем различии, что оно совсем пропадает у него среди безмерного множества схоластических и ни к чему не нужных дистинкций и терминов, — пропадает настолько, что... идеализму Канта придают характер эмпирико-психологический...»¹⁰.

Рассмотрим подробнее те качества, которые определяют человека как эмпирического субъекта, и качества, присущие ему как трансцендентальному субъекту, и выясним, насколько Соловьев своим учением смог преодолеть недостатки в формировании мировоззрения интеллигентов, о которых писал Бердяев. Прежде всего, Соловьев считает необходимым показать ту объективную сущность человека, которая возводит отдельного индивида до метафизической универсальности через преодоление всех субъективно-личностных мотивов, непосредственно включающих сознание в причинно-следственный ряд явлений окружающей действительности.

Анализируя двойственность человека, философ приходит к выводу, что сознание эмпирического субъекта обладает, несомненно, богатым и разнообразным содержанием, которое носит — увы — *чувственно-эмоциональный* характер. В силу этого факта становится ясно, что вся полнота внутреннего мира такого субъекта обусловлена не свободой, но является зависимой от психофизиологической природы человека, от его плотского индивидуального начала, выраженного внешней чувственностью. Несомненно, философ вынужден был признать, что «по первоначальному человеческому воззрению, реальный субъект психической жизни, настоящее наше я, или мы сами, — это телесный организм»¹¹.

В единстве сознания этот эмпирический субъект, психическое я, непосредственно связан с субъектом трансцендентальным или, как его еще называет Соловьев, феноменологическим. Обладая двенадцатью категориями, трансцендентальность направлена на организацию и упорядочивание чувственных восприятий, подводя их под единство понятия, осуществляя тем самым познавательный процесс чувственно доступного материально-предметного мира. Однако в самом эмпирическом субъекте есть такие качества, которые с помощью волевого усилия человека могут

позволить последнему «оторваться» от «богатой», но обусловленной внешней действительностью чувственности и «подняться» до чистого трансцендентального субъекта. Далее феноменальность, будучи лишена чувственного содержания, способна возвыситься в метафизическую сферу бытия и пропитаться, насытиться идеями, которые и составят ее новое *универсально-объективное* содержание.

Философ выявляет две способности в сознании эмпирического субъекта, которые могут позволить преодолеть пространственно-временные границы деятельности этого субъекта: *память* и *слово*. Несмотря на то что все чувственные восприятия, которые характеризуют сознание психологически, зависимы от внешней реальности, как бы «позади» этой внешней чувственности есть в эмпирическом субъекте *чистое знание* того, что переживается тот или иной факт действительности, не зависимо от его эмоционального содержания. Вот это знание, в котором фиксируется только наличие ощущения, присутствие его «здесь и сейчас» как чистое событие жизни и составляет элементарную ячейку *памяти*, которая возвышает сознание эмпирического субъекта до трансцендентальности, преодолевая тем самым время как чистую форму созерцания реальности.

Отнятые таким образом у времени чистые факты переживания тех или иных событий, остаются разрозненными, хаотичными, требующими своей организации. Объединяет эти факты в логическое единство *слово*, которое тем самым устраняет пространственную разбросанность ситуаций по жизни, придавая им целостность, тождественную вечной метафизической сфере бытия. Теперь, обладая только чистотой трансцендентального субъекта, человек усилием воли включает идеи, принадлежащие надприродному миру, в содержание своего сознания, приобщаясь к универсально-объективной истине, добру, красоте. Таким образом, саму методичку изменения внутреннего мира человека с чувственно обусловленной содержательности на идеально-объективную Соловьев теоретически разработал, но, по сути, она осталась отвлеченной, реально не воплощенной именно вследствие своей абстрактности и удаленности от живой действительности.

Наверно, не случайно Бердяев вынужден был констатировать, что «интеллигенция наша дорожила свободой и испо-

ведовала философию, в которой нет места для свободы; дорожила личностью и исповедовала философию, в которой нет места для личности; дорожила смыслом прогресса и исповедовала философию, в которой нет места для смысла прогресса; дорожила соборностью человечества и исповедовала философию, в которой нет места для соборности человечества; дорожила справедливостью и всякими высокими вещами и исповедовала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого»¹². Действительно, стремление к идеально-объективным основам мироздания, которое зиждется на тождестве мышления и бытия, оставаясь отвлеченным от проживаемой человеком жизни, в конечном счете, оборачивается созданием не свободного мировоззрения, нравственного в своей сущности, но исключительно идеологии, уравнивающей всех по критериям общезначимости, имеющим место в знании.

В лучшем случае, система Соловьева послужила для обоснования процесса просвещения, который очень близок по смыслу и содержанию процессу познания, направленному на научно-ориентированное *образование* человека. Согласно словарю Д. Н. Ушакова, «образовать означает: придать лишь наружный лоск»¹³. По сути, ничего иного невозможно выявить в учении, поскольку сущность мышления человека выражена трансцендентальностью, которая представлена чистыми формами вещей, существующими в реальности, в материально-природной сфере, но совершенно неизвестно соответствие этих чистых форм (или понятий) идеально-метафизическому бытию. Развитие в процессе образования этой трансцендентальной, или рассудочной, рациональности привело впоследствии, уже в середине прошлого века, к формированию такого слоя общества, который будет назван А. Солженицыным «образованщиной», ничего общего не имеющего с подлинной интеллигентностью¹⁴.

В чем же кроется причина того, что задача создания философски ориентированного мировоззрения, необходимость которого для развития интеллигентского в своей сущности сознания обоснована Бердяевым, так и не была решена не только на почве русской традиции, но и в целом мировой? Ответ на данный вопрос находим в произведении немецкого философа

XX в. М. Хайдеггера под названием «Введение в метафизику». По сути, размышляя над феноменом интеллигентности, а также способами ее формирования, мыслитель очень близок в своих выводах к позиции Солженицына. В обозначенном труде М. Хайдеггер пишет, что образование человека сводится к умению, которое «не означает больше искусности, чрезмерной щедрости дарования и господства над стихиями, но есть лишь доступное каждому заучивание некоей рутины»¹⁵.

Анализируя основные принципиальные положения классической философии в целом, немецкий мыслитель выделяет четыре пункта, позволяющие критически отнестись к историческому наследию, выявив новые возможности в развитии и формировании интеллигентных, поистине бытийственных качеств человека. Рассматривая в философских учениях прошлого «лжетолкования» духа, выступающего в качестве сущности сознания, Хайдеггер пишет, что «решающим является перетолкование духа как *интеллектуальной* способности», выражающейся в «понятливости», которая «есть дело обыкновенной способности и тренировки и распределяющейся массово»¹⁶. Другими словами, немецкий философ, прежде всего, указывает на несостоятельность основного принципа классической философии, принципа тождества мышления и бытия, в решении вопроса о сущности человека и способах ее формирования.

Действительно, как показала система Соловьева, трансцендентальность мышления человека, формирующаяся, по сути, как рассудочность, может осуществлять себя только в познавательном процессе, в результате которого и окружающий мир, и сам человек выступают только как *явления*, но не в своей сущности. При этом изменяется основная направленность духовной практики человека: эта последняя лишается своей свободы и становится зависимой от причинно-следственного ряда явлений, которые включают дух в функционально механистическую деятельность мироздания. Поэтому во вторую очередь Хайдеггер указывает, что «дух, фальсифицируемый в интеллектуальную способность, низводится до уровня инструмента, служащего чему-то иному, пользоваться которым можно учить и учиться». И далее: «...если дух... понимать как интеллект, тогда можно с полным правом сказать, что дух, т. е. интеллект, в ряду действующих сил челове-

ческой сиюбытности *должен быть подчинен* (выделено мной. — С. К.) здоровой телесной предприимчивости и характеру»¹⁷.

Основанное на первых двух пунктах «лжетолкование» сущности человека приводит к тому, что впоследствии формируются области культуры, в которых дух осуществляется в качестве ремесла, создающего поэзию, изобразительное искусство, религию и др. Эти области духовного мира «сдвигаются по возможности в круг *сознательного* попечения и планирования». В результате внутри каждой из обозначенных сфер культуры возникают определенные «мерки, годные для производства и потребления», которые «называют ценностями». Смысл культурных ценностей заключается в том, что они «внутри целостности какой-либо культуры обеспечивают себе значение только тем, что довольствуются самими собой: поэзия существует ради поэзии, искусство ради искусства, наука ради науки»¹⁸.

Подводя итог своим размышлениям о сущности человека, которая в контексте нашего исследования соответствует интеллигентности, Хайдеггер вынужден констатировать, что постепенно «дух в качестве подсобного интеллекта и дух в качестве культуры становятся в конце концов предметами роскоши и декора»¹⁹. Духовная деятельность человека превращается в элитарную, в такую, которая может принадлежать только отдельным выдающимся личностям, образующим определенную сферу общества. В современной действительности данная сфера приобретает властвующий характер, формируя элиту, которая, по их же собственному мнению, единственная имеет право на создание интеллектуальных и культурных ценностей, считающихся глубоко интеллигентными, но, по сути, чисто бюрократическими.

В связи с выводами Хайдеггера как не вспомнить слова уже цитируемого нами Бердяева, утверждавшего, что «интеллигентское сознание требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле не малую роль». Исключительно верно указывал русский философ и те основания, на которых должно строиться новое мировоззрение: «все исторические и психологические данные говорят за то, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве... синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и

практики, “правды-истины” и “правды-справедливости”»²⁰. Однако главным недостатком учения Бердяева и его русских предшественников и единомышленников было убеждение в том, что истинная философская система должна быть рациональна и строиться на принципе тождества мышления и бытия.

На наш взгляд, практика, которая должна определять и конституировать теоретическую деятельность сознания по формированию знания, заключается в способности духа *разумно-нравственно* контролировать гносеологическую функцию, реализующуюся в познавательном процессе. Для того чтобы выявить основания такой практики, обратимся, прежде всего, к тому же Хайдеггеру и попытаемся понять, что в его учении есть дух как сущность сознания человека. Он пишет, что «дух есть ни пустая изощренность ума или ни к чему не обязывающее острословие, ни безудержное увлечение рассудочной квалификацией, ни, тем паче, мировой разум, но дух есть настроенная на изначальность сознательная решимость к сущности бытия»²¹.

Из сказанного немецким философом очень трудно, фактически невозможно понять, в чем же заключается смысл сущности человека, его качество интеллигентности. Необходимо заметить, что дух, который определяет центр сознания, определен актом самосознания. Акт самосознания выражен суждениями «Я», «Я есть», «Я есть Я» и содержит такие феномены, как свобода, совесть, понимание, любовь и т. п. Американский философ-гуманист П. Курц определяет феномены, которые заложены в акте самосознания, выступающего в форме духа, «семенами человечности в человеке»²². Отсюда следует, что каждый человек в своей сущности является изначально нравственным. Но, как правило, феномены лишь потенциально присутствуют в сознании, выражая деятельность интеллигентского характера лишь в возможности, но не реально. Однако для того чтобы эти феномены не просто присутствовали и потенциально определяли своим наличием центр сознания, но духовно ориентировали деятельность, формировали стремления для воли, необходимо организовать внутренний мир человека так, как когда-то мечтал Н. А. Бердяев и как предлагает французский философ XX века П. Тейяр де Шарден.

По мнению этого мыслителя, сознание человека должно «работать» в форме «воронки». Здесь важно понять, что такой

образ деятельной структуры можно осуществить в том случае, если мышление утратит свою рассудочную форму. Как уже отмечалось, согласно Канту, в познавательном процессе, который определяет человека в качестве субъекта, функция рассудка заключается в том, чтобы синтезировать и анализировать чувственные восприятия, подводя их под единство представления и выражая последнее в понятии. Субъективная деятельность человека всегда ориентирована на внешний по отношению к сознанию мир и определяется необходимостью удовлетворения психофизиологических потребностей телесно-плотской природы.

Поэтому Хайдеггер и пишет о том, что осуществляемая таким образом работа сознания зависит не от самого человека, не от его Я, которое метафизично по сути и не принадлежит материально-предметной реальности, но от принципов и закономерностей, включающих тело, как форму Я, в причинно-следственный ряд явлений. Возникает проблема согласования духовной способности сознания к нравственному самоопределению (разум) с теоретически осуществляемым процессом познания (рассудок). Тейяр де Шарден пишет, что гармония и согласованность сознания «может продолжать существовать лишь путем единого двустороннего развития, которое состоит в дальнейшем чувственном самососредоточении путем проникновения в новое пространство и одновременно в сосредоточении вокруг себя остального мира, путем установления в окружающей реальности все более стройной и лучше организованной перспективы»²³.

Для осуществления указанной задачи французский философ предлагает рассмотреть способ организации внутреннего мира, сущность которого проявляется «в триедином свойстве, которым обладает каждое сознание:

- 1) *все* частично сосредотачивать вокруг себя;
- 2) *все больше* сосредотачиваться в себе;
- 3) путем этого самого сосредоточения *присоединяться ко всем другим центрам*, окружающим его»²⁴.

Первым пунктом процесса организации сознания философ указывает, на наш взгляд, следующее: усилием воли подвести внешние чувственные восприятия и то, что с помощью них ощущается «здесь» и «сейчас», под единство нравственного центра, сосредотачивая «вокруг себя». Философ не указывает,

где расположен центр сознания и чем он выражен. Однако, ссылаясь на учение П. Д. Юркевича о сердце, можно с уверенностью сказать, что именно оно и выражает единство чувственного и мыслящего потоков сознания, центричность последнего²⁵. Ибо, согласно позиции этого автора, именно сердце является носителем духа и в нем изначально заложены те индивидуальные особенности сознания, через которые проявляют себя феномены как «семена человечности».

Вторым пунктом Тейяр де Шарден утверждает необходимость сосредоточения в себе, другими словами, выдвигает требование, по которому внутренний мир человека, согласно нашему мнению скрытый в сердце, становится ясным и отчетливым для понимания. В этот момент каждый, кто воплощает метод французского философа, замечает, какие намерения рождает его центр сознания: нравственно-духовные либо телесно-потребительские, навязанные несвободной воле извне. Если получается воплотить эти два пункта в процессе формирования человеком самого себя, то, как результат, центры сознания других людей, их сердца, становятся ближе друг другу.

Очень красиво и образно процесс, который описан П. Тейяром де Шарденом и интерпретирован нами, раскрыт в небольшом стихотворении Р. М. Рильке без названия:

В тишину ночей и в темноту,
словно к благодному устремляясь
и от суетного исцеляясь,
сердца преизбыток обрету²⁶.

Организация сознания на уровне сенсорики приводит к тому, что мышление утрачивает свою рассудочность, так как внешняя чувственность ограничивается нравственным чувством сопереживания, соучастия, коренящимся в сердце. Мышление становится свободным от синтезирования чувственных восприятий и способным к трансценденции — к выходу за границы субъективности. Отрываясь от ощущений материально-предметной реальности, мышление приобретает форму разумности и устремляется *навстречу* тому, что существует для «Я» человека в виде «не-Я». В данном случае происходит отождествление с иным себе, которое, подчеркнем, осуществляется на уровне идеального потока сознания²⁷.

Результатом процесса самоорганизации внутреннего мира человека будет актуализированный, явно выраженный феномен понимания. Понимание проявляется в сфере мышления, а чувственно-эмоциональное состояние выражается любовью. Без любви нет понимания, без понимания нет любви. Такая нравственно определенная структура сознания, организованная усилием воли человека, впоследствии становится центром практической деятельности и направляет, ограничивает потребительски-рассудочную функцию сознания человека, выступающего в качестве субъекта.

Таким образом, в статье мы попытались указать последовательность тех конкретных действий в организации сознания, которые приведут к актуализации интеллектуально-нравственного потенциала личности, изначально заложенного в сердце как центре бытия человека. А. Солженицын убежден, что «не от “знать”, а от чего-то духовного будет образовано то новое слово»²⁸, которым следует именовать пространство духовности, характеризующее интеллигентность как таковую. Элита — вот то понятие, которое, по мнению автора, адекватно отражает смысловое содержание интеллигенции. При этом писатель уточняет, что элита определяется как «жертвенная». Жертвуя собственным психофизиологическим комфортом, духовность человека формируется постепенно в процессе «фильтрации», который осуществляется волевым усилием сознания и задерживает, устраняет потребительски ориентированные акты, преобразуя их в интеллектуально-нравственные отношения к окружающей действительности.

По мнению Солженицына, «из прошедших фильтр одиночек составитя эта элита, кристаллизующая народ». Тогда этот тяжелый и трудный для первопроходцев путь станет «для каждой следующей частицы всё просторней и легче — и всё больше частиц пойдет через него, чтобы по ту сторону из достойных одиночек сложился бы, воссоздался бы и достойный народ». Только на основе преобразования собственного сознания каждым человеком может возникнуть «общество, первой характеристикой которого будет не коэффициент товарного производства, не уровень изобилия, но чистота общественных отношений»²⁹.

Заканчивая исследование, необходимо выделить те основополагающие моменты, которые, на наш взгляд, определяют про-

цесс формирования человека в качестве интеллигента, то есть способствуют проявлению сущностных, феноменально-интеллектуальных свойств личности. Прежде всего, как показала работа, основным принципом, согласно которому создается мировоззрение человека как интеллигента, является принцип *тождества сознания и бытия*. Относительно этого принципа осуществляется деятельность по организации внутреннего мира соответственно следующим правилам:

- усилением воли необходимо актуализировать чувство сопереживания, соучастия, коренящееся в сердце как центре бытия или сознания человека;

- в результате мышление утрачивает рассудочную логику и становится разумным или, как утверждал М. М. Бахтин, «соучастным», способным выходить за границу субъективности и нравственно определять практическую деятельность, направленную на реализацию понимания как исходного феномена мышления;

- исходя из вышеизложенного следует, что в данном процессе те «семена человечности», которые заложены в сознании в форме феноменов, актуально проявляются, реализуются, характеризуя человека как интеллектуально-духовную личность, по сути, интеллигента.

Примечания

¹ Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/интеллигенция/БСЭ/Интеллигенция>; Толковый словарь Ушакова. URL: <http://slovari.yandex.ru/интеллигенция/Толковый%20словарь%20Ушакова/Интеллигенция/>; Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/интеллигенция/Энциклопедия%20социологии/Интеллигенция/>.

² Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 1998.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кант И. Критика практического разума. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кант,_Иммануил.

⁶ Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/berd_krizintel.php.

⁷ Там же.

- ⁸ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда. URL: <http://www.vehi.net/vehi/berdyaev.html>.
- ⁹ *Соловьев В. С.* Кант : статьи из энциклопедического словаря // Собр. соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 477.
- ¹⁰ Там же. С. 472.
- ¹¹ *Соловьев В. С.* [Теоретическая философия] // Там же. Т. 1. С. 780.
- ¹² *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда.
- ¹³ *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-20998.htm>.
- ¹⁴ *Солженицын А.* Образованщина // Новый мир. 1991. № 5.
- ¹⁵ *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 129. В связи со сказанным М. Хайдеггером хотелось бы обратить внимание на учение С. Н. Булгакова, философа, богослова, который продолжил понимание онтологической природы творчества человека, разработанное в системе Вл. Соловьева. Соловьев считал, что, возвышаясь в метафизическую сферу бытия и приобщаясь к идеальному всеединству, человек способен на основании своего видения и ведения преобразовывать окружающую реальность согласно идеям красоты и добра. В отличие от своего предшественника Булгаков утверждал, что прекрасное воплотится свободным действием божественной благодати после трагического «конца света», когда произойдет апокалипсис. Поэтому человек, обладая творческими способностями, прозревающий идеальную красоту софийной природы, ничего не может изменить своими произведениями искусства. Обосновывая главный принцип творчества — «искусство для искусства», философ-богослов поясняет, что для воплощения этой закономерности «особенно важна духовная трезвость и самопознание. И первое всего надлежит памятовать, что софиургийная (творчески-преобразовательная. — С. К.) задача неразрешима усилиями одного искусства и человеческой воли, но предполагает и воздействие благодати Божией» (*Булгаков С. Н.* Свет невечерний : созерцания и умо-зрения. Отдел третий. I. Первый Адам. I.4 : Искусство и теургия. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/002.html#ii>).
- ¹⁹ *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 130.
- ²⁰ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда.
- ²¹ *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 130.

- ²² *Kurtz P.* The new skepticism : inquiry and reliable knowledge. Buffalo : Prometheus books, 1992.
- ²³ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека ; Вселенская месса. М., 2002. С. 179.
- ²⁴ Там же. С. 265.
- ²⁵ *Юркевич П. Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990.
- ²⁶ *Рильке Р. М.* Творец // Рильке Р. М. Предчувствие : сб. стихов. Харьков, 2009. С. 222.
- ²⁷ *Роднов Л. Н.* Монография. Кострома, 1995.
- ²⁸ *Солженицын А.* Указ. соч. С. 47.
- ²⁹ Там же. С. 48.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 88.37

Н. К. Иванова

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРФОГРАФИИ (по материалам анкетирования научно-педагогической интеллигенции)

Действие в слове и есть культура.
Творчество в слове и есть интеллигенция.

В. В. Колесов

Проблема языковой личности, необходимость изучения которой была впервые сформулирована академиком В. В. Виноградовым и научно обоснована Ю. Н. Карауловым¹, более двадцати лет находится в центре внимания исследователей, став поистине междисциплинарной. В настоящее время к изучению языковой личности обращаются не только лингвисты, но и психологи, философы, семиотики, социологи, этнопсихологи. Языковая личность *интеллигенции* как важной категории российского обществознания, современный интеллигентский дискурс, коммуникативные стратегии и нарративы представляют большой научный интерес и требуют комплексного, междисциплинарного исследования, которое, как справедливо полагает Г. А. Будник, «может

© Иванова Н. К., 2011

Иванова Наталья Кирилловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета. ivanova@isuct.ru

дать объективное представление об интеллигенции, ее месте и роли в истории России и мира»².

Создание так называемого «речевого портрета» интеллигента, подробное описание особенностей его устной и письменной речи также внесет, на наш взгляд, вклад в выявление сущностных черт интеллигенции как социальной группы в конкретно-историческом контексте.

Известно, что интеллигенция высшей школы в России всегда имела особый рабочий ритм, образ жизни, манеру поведения и речи, приоритеты, тяготела к самопознанию и рефлексии, критической проверке научных знаний, а некоторые, особо выдающиеся представители интеллигенции — к «дерзанию духа» (А. Ф. Лосев).

Как считает Г. А. Будник, «понятие “научно-педагогическая интеллигенция” включает в себя как объективные социологические, так и субъективные оценочные характеристики, что предполагает поэтапное исследование вузовской интеллигенции и сопоставление присущих ей специфических черт с сущностными характеристиками всей отечественной интеллигенции»³. Лингвисты, на наш взгляд, могут внести свой вклад в изучение феномена российской интеллигенции через исследование ее речевых манифестаций, особенностей устной и письменной коммуникации.

На сегодняшний день представителями различных лингвистических школ уже описан речевой портрет элитарных, массовых, вульгарных, маргинальных языковых личностей⁴, изучена взаимосвязь между речевыми характеристиками и профессиональными. К наиболее значимым исследованиям в этой области можно отнести работы, посвященные особенностям речи некоторых представителей художественной интеллигенции, медицинских работников, научно-педагогической интеллигенции⁵ и др.

Одним из подходов к изучению языковой личности является описание на основе ряда релевантных признаков (вербального и невербального поведения, уровней языковой компетенции и культуры, ценностных ориентиров и т. д.) модельной личности, например: русского интеллигента, английского священника, английского аристократа, немецкого офицера⁶. Поскольку основная миссия научно-педагогической интеллигенции — «передача студентам научных и духовных ценностей, а также участие в фор-

мировании культурной среды в вузе и регионе»⁷, осуществляется посредством вербального и невербального поведения, то успех этой миссии во многом определяется степенью владения родным языком, наличием запоминающегося идиостиля, экспрессивной и корректной речи.

Продуктивными для изучения речевого портрета личности стали работы В. И. Карасика⁸, в которых язык рассматривается в качестве индикатора социального статуса человека. Правомерно, на наш взгляд, выделение Карасиком двух типов элитарных языковых личностей: *творцов* и *экспертов*. Согласно этой классификации, к творцам относится широкий круг людей, которые используют язык как средство воздействия (писатели, журналисты, копирайтеры, ученые, педагоги), а к экспертам — люди с высоким языковым вкусом, тонким языковым чутьем, носители и хранители национальной языковой культуры (редакторы, педагогичесловесники, лексикографы). Заметим, что и творцы, и эксперты являются представителями одной страты — интеллигенции.

Особенности речи интеллигенции, и шире — языковая личность интеллигента, также были объектами научного исследования. Как мы уже писали⁹, одним из первых в отечественной лингвистике проблему «интеллигентской речи» и произношения поднял Е. Д. Поливанов¹⁰, а в советской социолингвистике в 70—80-е годы XX века изучение этой проблемы было продолжено под руководством Л. П. Крысина, а также некоторыми представителями Пермской и Ленинградской лингвистических школ¹¹. Анализ источников, посвященных языку и речи именно интеллигенции, показывает, что они немногочисленны, относятся в основном к этапу советского языкознания, а это, в свою очередь, указывает, что описание речевого портрета российского интеллигента далеко от своего завершения.

На современном этапе развития российской высшей школы, когда имеет место весьма болезненная смена поколений, а вместе с этим — некоторых идеалов и духовных приоритетов, с которыми остаются преподавать в вузе вчерашние студенты и аспиранты, описать языковую личность вузовского педагога очень важно.

Многие лингвисты полагают, что при создании речевого портрета типичных представителей какого-либо класса, слоя,

страты, сословия и т. д., нет необходимости детально описывать все уровни и факты языковой системы, отмеченные в их речи, но следует изучать лишь некоторые участки языка, например эмоционально-окрашенную лексику (Т. А. Трипольская), «яркие диагностические пятна», «диагностические индексы» (Л. П. Крысин). Так, по мнению Л. П. Крысина, речевой портрет современного русского интеллигента можно «написать» на основе ряда индексов: фонетических, лексических, прагматических и др.¹²

Следует, однако, обратить внимание, что все перечисленные выше работы, как общетеоретические, так и эмпирические, построены на изучении «человека говорящего» (в зависимости от его родного языка, социальной, гендерной, профессиональной, возрастной и т. п. принадлежности) и охватывают, в основном, вербально-семантический уровень, оставляя вне поля исследования такой важный аспект, как письменная деятельность.

«Человек пишущий» представляет в настоящее время особый интерес для изучения, поскольку с появлением виртуальной коммуникации значительно изменилась структура языковой деятельности человека: письменная коммуникация стала не только принадлежностью профессиональной деятельности (вузовских преподавателей, журналистов, писателей, копирайтеров и т. д.), но и фактом досуга огромного количества людей, которые и после работы ПИШУТ (в чатах, блогах и т. д.). Это обусловило, с одной стороны, появление новых лингвистических феноменов (например, «текстинга», «эргатической семантики»¹³), а с другой, привлечение внимания широкого круга исследователей к Homo Scriptor¹⁴, когнитивная деятельность которого является в настоящее время наименее исследованной, как и механизмы взаимосвязи устной и письменной речи, проблема степени владения устной и письменной речью одним и тем же человеком. Научно-педагогическая интеллигенция, в силу специфики своей работы, а также некоторые представители творческой и художественной интеллигенции сейчас все чаще и активнее участвуют в письменной коммуникации (подготовка презентаций выступлений, электронных конспектов лекционных курсов, написание мемуаров, контента собственных сайтов, сетевых дневников и т. д.).

В настоящей статье описываются результаты анкетирования, проведенного автором в 2009—2010 гг. среди представителей

гуманитарной и технической интеллигенции (профессоров и руководителей структур Ивановского государственного химико-технологического университета). Целью анкетирования, как составной части исследования, посвященного изучению навыков письма и особенностей орфографии различных языковых личностей (элитарных, вульгарных, маргинальных), было установление отношения респондентов разного возраста к актуальным проблемам орфографии, четко обозначившимся в современном российском обществе. Опросник включал восемнадцать вопросов (с некоторыми вариантами ответов), направленных как на выявление личной оценки собственной орфографии, так и на установление отношения к социально-значимым проблемам письма в российском языковом сообществе (см. приложение). В свою очередь, получение этих данных необходимо для определения роли культуры письменной речи в самосознании российской интеллигенции.

В анкетировании, на описываемом этапе, приняли участие 78 респондентов в возрасте от 45 до 76 лет, которых мы, согласно их образованию (высшему и послевузовскому), полученному еще в советские времена, сфере деятельности и т. д., считаем представителями научно-педагогической интеллигенции — технической (82 %) и гуманитарной (18 %), из которых 10 % женщины, а 90 % — мужчины. Подобное соотношение предопределено спецификой технического вуза.

Проанализируем полученные ответы. На первый вопрос анкеты, касающийся оценки собственной грамотности, большинство опрошенных (51 %) выбрало из предложенных ответов вариант «пишу вполне грамотно», 47 % определили себя «безусловно грамотным человеком»¹⁵ и только 2 % признали, что они «не совсем грамотны». Учитывая небольшое различие в процентном отношении между «вполне грамотными» и «безусловно грамотными», можно сделать вывод, что в целом опрошенные представители вузовской интеллигенции считают, что пишут на русском языке корректно. При наличии затруднений в написании слова 50 % респондентов чаще всего обращаются к словарю, реже — к электронным средствам проверки орфографии (22 %) и почти столько же (23 %) полагаются на интуицию. Согласно полученным данным, все 100 % участников опроса имеют дома орфографические и орфоэпические словари.

Проведенный анализ анкет показал, что 64 % опрошенных полагают, что с годами они стали писать лучше, что подтверждает, на наш взгляд, наличие определенной рефлексии в процессе письменной практики опрошенных. Как можно предположить, исходя из особенностей их профессиональной деятельности, письменная коммуникация занимает в ней значительное место (написание статей, тезисов, служебных записок, заявлений, подготовка отчетов, проверка и редактирование работ студентов и аспирантов). На наличие осознанного отношения к собственной орфографии указывает и тот факт, что 36 % респондентов отметили, что с годами часть ранее известных им правил орфографии забылась.

На наш взгляд, ответы на вопросы этого блока (см. № 1—4 и 11 приложения) продемонстрировали в целом несколько завышенную самооценку собственной грамотности, на что косвенно указывают и ответы на вопрос № 3: 80 % опрошенных не считают правила орфографии русского языка трудными, 10 % признали их сложными и столько же — не смогли дать определенного ответа, очевидно, воспринимая русскую орфографию как данность или, согласно известному стереотипу, полагая, что, например, орфография английского языка еще сложнее. Наш вывод подтверждается и опытом работы с различными письменными источниками, подготовленными на технических кафедрах (тезисами, статьями, проектами решений различных советов, служебными записками и т. д.), в которых часто присутствуют пунктуационные и орфографические ошибки, многие из которых типичны и частотны¹⁶.

Поскольку одной из актуальных проблем практики современного русского письма является использование / неиспользование на письме буквы ё, то в анкету был включен ряд вопросов относительно ее применения и обязательности в письменной коммуникации¹⁷. Как показали результаты опроса, только 34 % респондентов всегда применяют в своей письменной практике при компьютерном наборе букву ё, 60 % используют эту букву иногда, а 2 % и 4 %, соответственно, редко или никогда. При письме от руки, вероятно, в силу давно укоренившейся привычки, букву ё всегда пишут 62 % опрошенных, иногда — 31 % и редко — 7 %. Согласно полученным в ходе опроса данным, лишь у 5 % респондентов возникают трудности при чтении научной и

популярной литературы, газет и журналов, если в них не печатается буква ё; 5 % испытывают подобные трудности при чтении лишь иногда. Остальные 90 % опрошенных указали, что, в силу наличия определенной привычки, различного рода тексты, напечатанные без этого символа, не вызывают у них непонимания. Полученные результаты подтверждают факультативность данного графического знака в системе русского письма: он применяется только под ударением; в безударном положении он последовательно заменяется на е, а отсутствие точек над е очень редко препятствует неправильному опознанию слова при чтении, поскольку при этом воспринимаются единые буквенные комплексы. Реальная сфера применения буквы ё ограничена рядом редких слов и фамилий. В настоящее время наличие этой буквы в письменном тексте, как когда-то буквы ъ, не является более признаком высокого стиля, и можно прогнозировать в ближайшее время дальнейшее ограничение употребления этой буквы на письме. Наши информанты в силу своего возраста, давно установившихся навыков письма и консервативности привычек иногда продолжают ее применять: чаще в текстах от руки, чем при компьютерном наборе, но, как и представители младших поколений, набирают без буквы ё SMS-сообщения — по причине ее отсутствия на клавиатуре телефона.

Кроме буквы ё как проблемы лингвистической, в анкете было привлечено внимание респондентов и к некоторым другим вопросам орфографии и письма, которые в последнее время широко обсуждаются в российском обществе. Так, были получены ответы, которые свидетельствуют, что половина опрошенных (50 %) с большим интересом следит за дискуссиями о возможной реформе русской орфографии в СМИ, еще 35 % делают это иногда и только 15 % респондентов не имеют никакого интереса к этой проблеме. Вероятно, однако, что это внимание к обсуждаемой проблеме реформы — «со знаком минус», поскольку 65 % наших информантов считают, что в настоящее время реформировать систему русского письма не актуально, хотя 32 % вполне допускают подобную реформу и только 3 % опрошенных полагают, что современная система письма в русском языке настоятельно требует изменения. В целом это коррелирует с той оцен-

кой правил русской орфографии, которая была дана при ответе на вопрос № 3.

Почти единодушный ответ (96 %) был получен на вопрос № 17 относительно необходимости заниматься проблемами орфографии на уровне государства. Поскольку в анкете этот вопрос сопровождался некоторой расшифровкой, то многие подчеркнули, что, прежде всего, следует обратить внимание на совершенствование редактуры, искоренение ошибок в рекламе и объявлениях. Как показало анкетирование, наличие опечаток в текстах всегда замечают 54 % опрошенных (иногда — 46 %), но 44 % респондентов относятся к этим опечаткам снисходительно, а 56 % остальных они раздражают, портят впечатление от текста. Косвенно эти мнения представителей технической и гуманитарной вузовской интеллигенции отражают ту неблагоприятную ситуацию, которая сложилась в настоящее время в нашей стране. В условиях бурного развития издательской деятельности, появления огромного количества новых издательств и типографий, новых периодических и научных изданий традиционные институты редактуры, корректуры, рецензирования были разрушены, что и привело к появлению большого количества ошибочных написаний в различного рода изданиях, в том числе — научных.

Не вызывает удивления тот факт, что самые единодушные ответы были получены на вопросы № 14 и 16. Так, 100 % опрошенных не готовы и не желают подстраиваться под орфографические правила Сети и предпочитают сохранять собственную орфографию, а факт безграмотности молодежи всех (100 % ответов) огорчает (в пяти анкетах к варианту «да» было добавлено слово «очень»). Даже в SMS-сообщениях только 0,5 % всегда позволяют себе «орфографические вольности», 49,5 % респондентов не делают этого никогда, в то время как 50 % иногда сознательно допускают отклонения от нормативной орфографии, а точнее, экономя усилия и время, не употребляют знаки препинания, если от этого не теряется смысл сообщения.

Как показал наш опрос, проблема культуры письменной речи является актуальной для вузовской интеллигенции; она вполне реально оценивает состояние и проблемы русской орфографии и в большинстве своем (95 %) не испытывает чувства ностальгии по отношению к старой, дореволюционной орфографии.

Появление подобного вопроса в анкете было обусловлено тем фактом, что в настоящее время в некоторых интернет-сообществах возможность возвращения к дореформенной орфографии рассматривается как реальная альтернатива проведению очередной орфографической реформы. С лингвистической точки зрения, данное предложение не имеет под собой никаких оснований¹⁸, однако в «новой России», с начала 90-х годов в сознании некоторых членов русского языкового сообщества постепенно образовалась ассоциативная связь между царским режимом, монархией и старой русской орфографией, чему способствовало появление ряда «ностальгических» написаний, например *банкъ*, «*Коммерсантъ*», «*Адмиралъ*», «*Градъ*», «*Твердъ*», стилизация под старую орфографию некоторых художественных произведений¹⁹. Заметим, что старая русская орфография — это не только употребление буквы *ѣ* на конце слов для обозначения твердого согласного, но и сложная система графики и орфографии, давно не соответствующая природе и строю русского языка, его звучанию.

Еще один важный вопрос анкеты касался допустимости или недопустимости, по мнению наших информантов, вариантных написаний одного и того же слова. Общеизвестно, что вариантность рассматривается в лингвистике как имманентное языковое явление, следствие языковой эволюции. Два важных феномена — норма и вариантность — находятся в отношениях взаимообусловленности, и конкуренция вариантов является движущей силой саморазвития многих языковых систем. Так, возникновение нескольких вариантов написания одного и того же слова, их существование, победа одного из вариантов, его кодификация в словаре и т. д. — процесс эволюционный, обеспечивающий языковую динамику под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов. Для современного русского языка характерна значительная вариантность написаний, поскольку он открыт появлению неологизмов, заимствований — имен собственных и нарицательных, которые не сразу утверждаются в языке-рецепторе с одним допустимым вариантом написания. Мысль о наличии вариантных написаний, их регистрации в словарях для нелингвиста часто бывает недопустимой²⁰, а людьми старшего поколения, обладающими определенным типом мышления, отсутствие языковой упорядоченности и моновариантно-

сти рассматривается как нарушение языковых норм. Это отразили и данные нашего опроса: 55 % респондентов посчитали наличие вариантных написаний недопустимым, но 45 % вполне принимают существование такой возможности в русском языке. Это, вероятно, зависит не от рода образования и пола²¹, а от типа мышления: почти все респонденты из указанных 45 % являются мужчинами с высшим техническим образованием, типичными представителями научно-педагогической интеллигенции.

Таким образом, проведенный опрос позволил сделать некоторые «штрихи к портрету» представителей научно-педагогической интеллигенции, определить ее отношение к такому мало изученному явлению, как орфография языковой личности и ее письменная коммуникация, установить некоторые особенности русской языковой личности с учетом орфографического аспекта. Не все представители вузовской интеллигенции, вероятно, относятся к элитарным языковым личностям. Пользуясь термином Е. А. Нечипорович²², можно предположить, что они представляют собой не равновесную, а бифуркационную личность: одни лучше говорят, чем пишут, а другие — лучше пишут, чем говорят, но последних, очевидно, меньшинство. Чувство рефлексии по отношению к собственной письменной практике типично для многих респондентов, несмотря на то что орфография, как часть системы письма, которой владеет образованный человек, относительно недавно стала учитываться для характеристики статусного индекса и использоваться при статусной самопрезентации как показатель образованности и «интеллигентности».

Согласно нашей гипотезе, которая требует дальнейшей экспериментальной проверки, в опрошенной возрастной группе, в которой преобладали люди старшего поколения научно-педагогической интеллигенции, не проявляется ярко важное качество современной русской орфографической личности: способность к переключению регистров в зависимости от формы и ситуации общения, что, напротив, характерно для многих студентов и школьников. Это позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в российском обществе наблюдается постоянно увеличивающееся генеративное разделение через письмо, орфографию, письменную коммуникацию. Научно-педагогическую интеллигенцию, принимавшую участие в опросе, можно считать в опре-

деленной мере «хранителем» традиционной русской орфографии. Ее представители задумываются над вопросами культуры устной и письменной речи, придают важное значение корректным устным и письменным формам речи, не являются сторонниками орфографических инноваций. Отношение к орфографии можно рассматривать как один из «диагностических индексов» интеллигента, а уважительное отношение к родному языку, стремление усовершенствовать и проверить по словарю свои знания — как важную сущностную характеристику научно-педагогической интеллигенции.

Приложение

ОБРАЗЕЦ ОПРОСНИКА

УВАЖАЕМЫЙ РЕСПОНДЕНТ!

Просим Вас ответить на некоторые вопросы, касающиеся изучения языковой личности.

пол: **Ж** **М**
образование: **гуманитарное** **техническое** **др.**

1. Считаете ли Вы, что пишете на русском языке грамотно?

да, безусловно вполне не совсем

2. К чему Вы чаще всего обращаетесь при наличии затруднения в написании слова?

орфограф. словарю электронной программе проверки интуиции

3. Считаете ли Вы, что правила русской орфографии слишком сложные?

да нет не знаю

4. Можете ли Вы сказать, что с годами Вы стали писать грамотнее?

нет, часть правил забылась да, пишу лучше

5. Актуально ли сейчас реформировать систему русского письма?

да, обязательно нет, ни в коем случае вполне возможно

6. Замечаете ли Вы опечатки в текстах?

да, всегда иногда редко

7. Ваше отношение к опечаткам в читаемых текстах:

раздражают, портят впечатление о тексте снисходительное

8. Допускаете ли Вы «орфографические вольности» в SMS-сообщениях?

никогда иногда всегда

9. Используете ли Вы букву ё в своей письменной практике на компьютере?

да, всегда иногда редко никогда

10. Используете ли Вы букву ё при письме от руки?

да, всегда иногда редко никогда

11. Испытываете ли Вы трудности при чтении газетных, журнальных, научных, учебных и т. д. текстов, в которых не печатают букву ё?

да нет, есть привычка иногда

12. Есть ли у Вас дома орфографические или орфоэпические словари русского языка?

да нет

13. Следите ли Вы за дискуссиями о реформе русской орфографии в СМИ?

да, с заинтересованностью нет, не имею интереса к проблеме иногда

14. Если Вы пишете в ЖЖ, чате и т. д., где пишут нарочито некорректно, будете ли Вы сохранять свою орфографию, или «подстраиваться» под других?

- буду писать правильно буду соблюдать правила Сети

15. Есть ли у Вас чувство ностальгии по дореволюционной русской орфографии?

- нет да

16. Огорчает ли Вас факт безграмотности молодого поколения?

- да нет

17. Надо ли заниматься проблемой орфографии на уровне государства (готовить реформу орфографии и общественное мнение, популяризировать Новый свод правил, совершенствовать редактуру, искоренять ошибки в рекламе)?

- да нет

18. Допустимо ли, по Вашему мнению, наличие вариантных написаний (например: сна / СПА, тойота / Тойота, прайс-лист / прайс лист / прайслист, лейбл / лэйбл)?

- да нет

СПАСИБО ЗА ОТВЕТЫ!

Примечания

¹ Караулов Ю. Н. Понятие языковой личности в трудах В. В. Виноградова // Русский язык : языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах : XIV—XV Виноградовские чтения. М., 1987 ; *Он же*. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

² Интеллигенция: вопросы теории и методологии / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010. С. 186.

³ Там же. С. 188—189.

⁴ В Саратовской лингвистической школе лингвистически релевантные типы языковых личностей (ЯЛ) противопоставляются на основании критерия уровня языковой культуры. К элитарным ЯЛ, например, относят Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, Ю. М. Лотмана, М. Л. Каспарова и др. Исследование Т. В. Кочетковой было выполнено на мате-

- риале устной речи профессора Саратовского государственного медицинского университета *К. И. Бендера* (см.: *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999). К сожалению, данное направление не получило широкого распространения в других исследовательских центрах, и для ИвГУ, например, почти утеряна возможность изучения устного дискурса таких элитарных личностей, какими были П. В. Куприяновский, Л. А. Розанова, А. Н. Портнов и др.
- ⁵ См., напр.: *Куликова Г. С.* О влиянии профессии на речь актеров // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 27 ; *Тобурокова В. М.* Социальные (профессиональные) роли говорящих (на материале речи медицинских работников) // Вопросы стилистики. Саратов, 1992. Вып. 24.
- ⁶ Обзор см.: *Карасик В. И., Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж английский чужак. М., 2006. С. 25—48.
- ⁷ Интеллигенция: вопросы теории и методологии. С. 189.
- ⁸ *Карасик В. И.* Язык социального статуса. Волгоград, 1992 ; *Он же.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- ⁹ *Иванова Н. К.* «Фонетика интеллигентского языка» Е. Д. Поливанова: современный взгляд // Интеллигенция и мир. 2001. № 2/3. С. 90—94. Заметим, что одной из первых работ, посвященных особенностям речи русских дворян, была статья Ю. М. Лотмана «К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи» (1979) (см.: *Лотман Ю. М.* Пушкин : статьи и заметки. М., 2008. С. 404—419). Эти же проблемы рассматриваются в работах В. В. Колесова (*Колесов В. В.* Язык города. М., 1991 ; *Он же.* Философия русского слова. СПб., 2002).
- ¹⁰ *Поливанов Е. Д.* Фонетика интеллигентского языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 231—233 ; *Он же.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Там же. С. 211—216.
- ¹¹ Русский язык по данным массового обследования : материалы Всесоюзного опроса / отв. ред. *Л. П. Крысин.* М., 1974 ; *Ерофеева Т. И.* О территориальной вариативности форм литературного языка (на материале речи пермской интеллигенции) // Живое слово в русской речи Прикамья. 1971. № 2 ; *Ерофеева Т. И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990 ; *Чуркина К. И.* Эволюция произносительной нормы в речи интеллигенции г. Красноярска : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969 ; *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия. Л., 1976.

- ¹² Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- ¹³ Гусейнов Г. Берлога веблога : введение в эрратическую семантику. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1/htm ; Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55—67 ; Иванова Н. К. Графико-орфографические особенности письма в виртуальной коммуникации на русском языке // Сокровищница жизни человека: русский язык, литература, культура : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Шуя, 2010. С. 28—31.
- ¹⁴ Эпштейн М. Скрипторика : введение в антропологию и персонологию письма // Топос. 2008. 20—21 окт.
- ¹⁵ Заметим, что один из респондентов, оценивший себя «безусловно грамотным», допустил орфографическую ошибку в рукописном комментарии к одному из вопросов.
- ¹⁶ Анализ типичных ошибок не входит в нашу задачу, однако, отметим, что наиболее часто орфографические ошибки допускаются в слитных / раздельных написаниях, в некоторых падежных окончаниях, в пунктуации и т. д.
- ¹⁷ Применение или неприменение на письме буквы ё — не частный факт письменной практики, а сложная лингвистическая проблема, связанная с историей звуко-буквенных соответствий русского письма. Споры между сторонниками канонической и неканонической орфографии об использовании этого знака начались еще в XIX веке, а продолжаются до сих пор, несмотря на решение Межведомственной комиссии по русскому языку (от 13 апреля 2007 г.) об установлении обязательности буквы ё в именах собственных, активную «пропаганду» этой буквы в СМИ. Более подробно история вопроса освещена в работе: Иванова Н. К. Система письма в русском и английском языках: общее в формировании и развитии // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Иваново, 2010. Вып. 1. С. 44—51.
- ¹⁸ См. подробнее: Иванова Н. К., Блинов Р. Ю. Система письма в русском языке: динамические процессы // Сокровищница жизни человека. С. 47—51.
- ¹⁹ См., например, роман-кино Б. Акунина «Смерть на брудершафт» (М., 2007), а также комментарии переводчика Г. Барабтарло к незавершенному произведению В. Набокова «Лаура и ее оригинал» (СПб., 2010. С. 176—177), где переводчик-эмигрант, не боясь обвинения в «белоэмигрантской спеси» и испытывая «искреннее отвращение от всего советского», предпочитает «старую, традиционную, освященную историей, русскую орфографию». Учитывая, что книга адресова-

на современному российскому читателю, переводчик ограничивается лишь отдельными написаниями согласно дореволюционной орфографической норме (*черезчур, бессонница, разстаться* и др.) для того, чтобы в дань памяти *В. Набокова* «воспроизвести родную нам речь».

²⁰ У многих на памяти та «паника», которая была спровоцирована СМИ в августе 2009 года, когда был опубликован Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». Не поняв его сути, многие носители русского языка были возмущены, что «меняются правила произношения и написания» привычных слов (особенно всех возмутило наличие вариантного произношения слова «йогурт»).

²¹ В социолингвистике общеизвестным является то, что почти во всех языковых сообществах женщины говорят и пишут корректнее, чем мужчины; они более чувствительны к правилам, внимательнее следят за речью.

²² См.: Массовая культура на рубеже XX и XXI веков : человек и его дискурс / ред. *Ю. А. Сорокин, М. Р. Шелухина*. М., 2003. С. 8—11.

**ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

ББК 63.3(2)5-283.2

С. В. Сайтанов

**СТАНОВЛЕНИЕ П. А. КРОПОТКИНА
КАК РУССКОГО УЧЕНОГО-ИНТЕЛЛИГЕНТА
В ПЕРИОД ДОАНАРХИЧЕСКОГО РЕФОРМИЗМА
(1842—1876)**

Суть проблемы становления П. А. Кропоткина как ученого-интеллигента заключается в отсутствии единого источника влияния, в полифоничности его взглядов, сформировавшихся под воздействием разнообразных обстоятельств жизни. Это и природные способности, и воспитание, влияние старшего брата и собственные наклонности, близость ко двору и чистота деятельной натуры, влияние идей европейского романтизма и стремление принести максимальную пользу другим, Великие реформы 1860-х гг. и набиравшая силу в это время в России идея долга интеллигенции перед народом.

Повлияло на формирование взглядов Петра Алексеевича и разочарование в государственной службе, и постоянный поиск такой деятельности, которая была бы максимально полезна людям. Именно это привело его к занятию наукой. Однако в результате этих исканий, не найдя и в научной деятельности возможности практического воплощения своих идей, сформировавшийся

© Сайтанов С. В., 2011

Сайтанов Сергей Васильевич — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Международного славянского института (Москва).
saitanov@mail.ru

как интеллигент Кропоткин находит смысл своей жизни в анархической борьбе с государством за полное освобождение личности и общества от его диктата.

Петр Алексеевич Кропоткин родился 27 ноября (9 декабря) 1842 г. в Москве в аристократической семье. Он принадлежал к княжескому роду Юриковичей, к ветви Смоленских князей. Отец Петра, Алексей Петрович Кропоткин — отставной генерал-майор, был представителем старого русского барства и сторонником крепостнических порядков. Он владел в трех губерниях имениями с более чем тысячью крепостных. Но крепостническим взглядам его отца противостояли вольнолюбивые представления матери Екатерины Николаевны, уже после смерти которой были найдены тетради запрещенных русских стихотворений, включая те, авторами которых являлись декабристы. Хотя мать Кропоткина умерла рано (в 34 года), когда Петру было всего три с половиной года, но она успела оказать влияние на формирование нравственных убеждений своих детей¹.

Мачеха отличалась крутым нравом, а отец придерживался жестких мер в воспитании. Атмосферу любви дети нашли только среди крепостных дворовых². Поэтому Петр Кропоткин с детства и на всю жизнь проникся теплыми чувствами к простому народу, сопереживал ему. В дальнейшем это переросло у него в обостренное чувство социальной справедливости и идею всеобщего равенства.

Среднее образование Петр Кропоткин получил в 1-й Московской гимназии. Затем поступил в Пажеский корпус, самое привилегированное учебное заведение в России, где, как лучший ученик, был назначен камер-пажом Александра II. Обучаясь в Пажеском корпусе с 1857 по 1862 г., юный Петр увлекался литературой, много читал, выпускал рукописную газету, в которой, кроме всего прочего, писал о правовом порядке как желаемом состоянии для России. В Пажеском корпусе Петра Кропоткина прозвали «отцом-литератором»³.

В 1858 г., в шестнадцатилетнем возрасте Петр уже был убежден, что самодержавие изжило себя, а старая политическая система в России разрушается. Он писал, что «теперь самодержавие невозможно», что «оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся уже теперь в скором времени», он надеялся

дожить до того, чтобы увидеть Россию «наряду с прочими европейскими государствами»⁴.

В конце 1850-х гг. Кропоткин пытался издавать свою газету «Отголоски из корпуса», в которой он писал «о безумных расходах двора... злоупотреблениях чиновников, о которых слышал постоянно, и доказывал необходимость правового порядка» и «необходимость конституции для России»⁵. Таким образом, к своим восемнадцати годам Петр Кропоткин уже был «конституционалистом, считая необходимым договор между монархом и народом»⁶.

В конце 1861 г., после того как Кропоткин познакомился со статьей Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», опубликованной в «Современнике» (1861, № 9—10), и его «несколько раз пробирала дрожь, читая это», он написал брату Александру: «...я сделался таким же, если не более даже горячим защитником пролетария, как и ты»⁷. Примечательно, что первой печатной работой Петра Кропоткина стала его рецензия на эту статью, опубликованная в «Книжном вестнике» (1861, № 24, 31 декабря).

Становлению подобного мировоззрения способствовало и то, что среди представителей княжеского рода Кропоткиных были в разные времена деятели оппозиции, и то, что в 1860-е гг. идеи социально-политических и экономических реформ были очень популярны в России. Позже П. А. Кропоткин писал, что в годы крестьянской реформы в России «все то, о чем поколение, представленное в литературе Тургеневым, Герценом, Бакуниным... говорило шепотом, в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать... идеи проникали даже в такое благонамеренное училище, как наше, отражались даже в кругу наших московских родственников»⁸.

Самым примечательным признаком тогдашней умственной самостоятельности Кропоткина было его религиозное и политическое свободомыслие, опиравшееся на достаточно основательные знания истории, а направление собственно научных поисков определяли его представления о духовно-нравственных ценностях⁹.

В это время сочинения А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского формировали у Кропоткина критическое отношение к действительности. Круг его интересов уже тогда был

весьма широк и разнообразен, хотя первоначально и достаточно хаотичен — философия и этика, литература и искусство, социология и политэкономия, естественные науки и знакомство с запрещенной литературой (статьями журналов «Колокол», «Полярная звезда», работами Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова и др.).

Впечатлительность и увлеченность, склонность к образному мышлению свойственны были юному Петру Кропоткину с детства, и это заметно по его переписке с братом Александром и по некоторым страницам первой части «Записок революционера». Подтверждение тому — в сибирском дневнике Кропоткина, в его интересе к журналистике и художественному слову, любви к музыке и занятию живописью¹⁰.

Столь раннее начало созревания у Петра Кропоткина религиозного и политического свободомыслия, а следовательно, и специфической нравственной позиции дает основание говорить об отчетливо интеллигентном характере его первоначального мировоззрения. А проявлявшийся у него тогда интерес к различным наукам проистекал не из чистой любознательности, а был обусловлен первоначальной совокупностью его ценностных ориентаций¹¹.

Но основополагающее влияние на становление и развитие П. А. Кропоткина как интеллигента оказал его старший брат Александр Кропоткин. Братья-погодки Александр и Петр росли вместе, очень дружили и сохранили эту привязанность на долгие годы. «Саша сильно опередил меня в развитии и побуждал меня развиваться», — вспоминал Петр Кропоткин. «С этой целью он поднимал один за другим вопросы философские и научные, присылал мне целые научные диссертации в своих письмах, будил меня, советовал мне читать и учиться... Ему больше всего и больше всех обязан я моим развитием»¹².

Постоянный обмен мнениями в переписке с братом Александром корректировал направление и предметы изучения Петра Кропоткина¹³. С самого начала он пытался согласовать свои личные ценностные (политические и нравственные в первую очередь) ориентации и объективные, научно-познавательные принципы. Причем исходный пункт идейной эволюции Кропоткина, его первоначальный интерес — не к естественным наукам, как принято считать, и даже не к географии, а к истории. В его библиотеке были две части «Учебной книги русской истории»

С. М. Соловьева, он интересовался (даже собирался переводить) работой А. Ламартина «История России», вышедшей в 1855 г.¹⁴

Таким образом, именно своему старшему брату Александру Петр Кропоткин во многом обязан развитию и становлению не только собственного философского кругозора и научного мышления, но и выработке нравственной интеллигентской позиции в собственном мировоззрении.

Однако интеллигентность входила в мировоззрение молодого Кропоткина не только под влиянием старшего брата Александра, но и типичным для той эпохи влиянием интеллигентов-шестидесятников. Прежде всего, через знакомство со знаменитым сочинением немецкого врача и философа, поборника естественнонаучного материализма Людвиг Бюхнера (1824—1899) «Сила и материя», многократно переиздававшимся на русский и многие другие европейские языки, через работу единомышленника Л. Бюхнера — Карла Фохта (1817—1895) «Слепая вера и наука» (Гессен, 1855).

Интеллигентность входила в мировоззрение П. А. Кропоткина как через весьма специализированную литературу по отдельным научным дисциплинам, так и посредством трудов философов. Есть сведения о том, что Кропоткин изучал «Физиологию обыденной жизни» английского философа-позитивиста Д. Г. Льюиса (1817—1878) и книгу Д. Г. Льюиса и Д. С. Милля «Огюст Конт и положительная философия» (СПб., 1867). В круге его чтения оказались и сочинения по специальным дисциплинам — геологии, физике, химии, астрономии, физиологии. Среди них были «Введение в изучение химии по унитарной системе» французского профессора Ш. Ф. Жерара (1816—1856), «Общедоступная астрономия» знаменитого французского физика и астронома Д. Ф. Араго (1786—1853), вышедшая в русском переводе в 1861 г., «Философия геологии» Д. Пэджа, которую братья Петр и Александр Кропоткины перевели с английского в 1867 г.¹⁵

Еще во время учебы в Пажеском корпусе, восприятие природы у Кропоткина было несциентическое, а скорее ценностное, поэтическое, этико-эстетическое. «Бесконечность Вселенной, величие природы, поэзия и вечно бьющаяся жизнь, — писал Кропоткин, — производили на меня все большее и большее впечатление, а никогда не прекращающаяся жизнь и гармония природы погружали меня в

тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры»¹⁶. Именно такая ценностная установка окрасила навсегда и натурфилософские и естественнонаучные взгляды Петра Кропоткина¹⁷.

Если до поступления в Пажеский корпус в характере Петра превалировало развитие эмоциональной сферы, а его самообразование строилось под большим воздействием философии европейского романтизма, то с учебы в корпусе начинается его интеллектуальная сторона, «притом при воздействии... рационалистического и материалистического течений, нахлынувших в Россию» в это время¹⁸. Такое влияние разных философских направлений привело к тому, что вера в «Разум и в его тело и проявление — Природу — стала иррациональной основой рационализма Кропоткина, как и всего поколения тех и многих позднейших годов»¹⁹.

Опираясь во многом на рациональное мышление при обосновании своих теоретических построений анархической доктрины, Кропоткин все-таки во главу угла всегда ставил веру в рациональность природы. Петр Кропоткин еще в юности тяготел к вере в научное мышление и к занятию наукой, но не как кабинетный ученый-теоретик, а как практик, как прикладник. Вера в науку, природу и людей, как часть этой природы, на атеиста Кропоткина оказала гораздо большее влияние, чем он сам думал. По крайней мере, эта вера сильно повлияла на его анархическую доктрину, где играла определяющую роль.

В 1862 г. П. А. Кропоткин окончил с отличием Пажеский корпус и был произведен в офицеры. Это открывало перспективу блестящей карьеры при дворе. Кропоткин отказался и от службы в гвардии, и от карьеры при дворе. По окончании Пажеского корпуса, учителя Петра Кропоткина советовали ему поступать в Петербургский университет. Но Кропоткин отказался и от продолжения образования, так как будучи воспитан на европейской романтической литературе и воодушевленный Великими реформами отмены крепостного права Александра II, он испытывал чувство долга перед русским народом и желание ему приносить пользу. Это была определяющая черта для представителей русской интеллигенции того времени.

Самой перспективной частью страны, в плане готовившихся масштабных реформ, была в то время Сибирь, особенно недавно присоединенный к России Амурский край. Кропоткин по-

лагал, что сможет найти именно там «бесконечное поле для применения тех реформ, которые выработаны или задуманы»²⁰, что лишь в Сибири возможны наилучшие условия для осуществления реформ и преобразований, поскольку генерал-губернатором там с 1847 по 1861 г. был самый либеральный из высших чиновников России — Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

П. А. Кропоткин верил в возможность реформаторского преобразования жизни народа и решил начать свою деятельность как реформатор и сторонник конституционной монархии в качестве либерального чиновника. Отвечая императору Александру II о причинах выбора места службы, он сказал, что хочет «работать, а в Сибири так много дела, чтобы проводить намеченные реформы»²¹.

По прибытии весной 1862 г. в Иркутск, Кропоткин пишет брату Александру: «Здесь на службе — деятельность, а не кукольная комедия»²². Его радовала возможность заняться живым, полезным для общества делом. Поездки, заседания, изучение литературы для обоснования реформ поглощали все время. Молодой офицер занимался расследованием дел, связанных со злоупотреблением властью должностными лицами, принимал участие в вершении судебных конкретных людей.

Деятельный по натуре П. А. Кропоткин искал практического применения своим знаниям и силам. Из своего участия в экспедициях и путешествиях по Сибири П. А. Кропоткин стремился извлечь максимальную пользу для развития сибирского края. Он проводил тщательное исследование хозяйственного положения уссурийского казачества, ежегодно страдавшего от недорода, разрабатывал необходимые меры по оказанию ему помощи. За пять лет практической деятельности Кропоткин участвовал во многих географических экспедициях. Там он «прошел школу жизни, позволившую окончательно выкристаллизироваться его характеру»²³.

Под командованием генерал-майора Болеслава Казимировича Кукеля Петр Кропоткин несколько лет служил на Дальнем Востоке, в Амурском казачьем войске, затем чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Он участвовал в комиссиях — по подготовке проекта реформ тюрем и систем ссылки, а также над составлением проекта городского самоуправления.

Однако реформа 1861 г., как и последующие либеральные реформы 1860-х гг. в России, не решив земельного вопроса, не принесли крестьянам ожидаемого освобождения, на долгие годы затянув «новый “гордиев узел”, который не разрубили даже две буржуазные революции»²⁴. А проекты широких реформ в Сибири так и остались проектами. Реформаторский потенциал «верхов» скоро ослабел, это остро чувствовалось на местах. Бюрократическая система на глазах хоронила планы демократических преобразований; затормозилась, а затем прекратилась вовсе работа комиссий по подготовке реформ.

Участь проектов реформ была печальной, хотя их без особых возражений подписал губернатор и отправил в Петербург. «Но там больше уже не желали реформ. Там наши проекты и пойдут по сию пору с сотнями других подобных записок, поданных со всех концов России», — вспоминал впоследствии Петр Алексеевич²⁵. Так в «свободной» Сибири не оказалось «бесконечного поля для применения реформ»²⁶.

Таяли надежды Кропоткина на возможность реформистского способа решения назревших общественных проблем. Отданное на откуп безразличным чиновникам практическое осуществление этих мер полностью дискредитировало задуманный план. «И так дело шло всюду, начиная от Зимнего дворца до Уссурийского края и Камчатки», — писал позже П. А. Кропоткин. К 1862 г. стало ясно, что долгожданные реформы не оправдали надежд передовой части общества. И все же Петр Кропоткин верил, что там, в далеком Амурском крае, «удаленном от главного центра, из которого рождаются громы русского самодержавия»²⁷, можно приносить пользу народу. «Знаешь, что, по-моему самое честное, самое нужное в настоящее время, — спрашивает Петр брата в письме из Читы, — это учить и воспитывать народ»²⁸.

Но уже в 1864 г. П. А. Кропоткин, в качестве сотника Амурского казачьего войска посланный на Уссури обследовать станицы поселенцев, пишет: «Не то я делаю, что бы нужно... Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью... — боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут,

вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им — и что же я делаю, чем приношу? И умру я, видно, ничего не сделав, и все мы помрем, прожив также бесполезно!» А перед этим: «...где основание, на котором я мог бы действовать, сам несамостоятельный человек, к тому же мало развитой?»²⁹

Эта неудача заставила молодого Кропоткина навсегда расстаться с иллюзией, что с помощью административной машины в России можно сделать что-то полезное для народа. Вот что он писал впоследствии в своих мемуарах: «Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины... Как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми... я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания... В серьезных делах командованием и дисциплиной многого не достигнешь... Хорошо было бы, если бы все господа, строящие планы государственной дисциплины... прошли бы школу действительной жизни. Тогда меньше было бы проектов постройки будущего общества по военному — пирамидальному — образцу»³⁰.

Поэтому Петр Алексеевич был разочарован реформаторскими возможностями того управленческого аппарата, который существовал в Сибири, реформаторскую деятельность которого постоянно тормозил центральный бюрократический аппарат Российской империи, и потерял интерес к идее реформистского преобразования.

Как отмечает М. С. Мндоянц, в случае углубления реформ, судьба П. А. Кропоткина могла бы быть иной: «Если бы преобразования продолжались, все более и более проникая в российскую действительность, то, может быть, будущего анархиста ждала бы иная участь — государственного деятеля, законодателя и реформатора»³¹.

Будучи на службе под началом либерального генерала Б. К. Кукеля, имевшего полную коллекцию революционных изданий А. И. Герцена, П. А. Кропоткин серьезно изучал социалистическую литературу³². В Сибири он прочел работу П. Ж. Прудона «Система экономических противоречий или философия нищеты». Тогда же Кропоткин читал и статьи А. П. Щапова, пола-

гавшего, что бедность и богатство порождены, в частности, бессилием человеческого общества в области экономии природы, всеобщим и совершенным незнанием ее; что изучение природы является единственным ключом, открывающим дорогу к «рациональной народной экономии»³³, иными словами, к правильному экономическому устройству общества³⁴.

Знакомясь со взглядами французского анархиста Прудона и сблизившись со ссыльным Щаповым, Кропоткин убеждается в абсолютной порочности бюрократической централизации. Государственной дисциплине, т. е. дисциплине по приказу, Кропоткин противопоставлял действия людей на началах взаимного понимания. Его все больше волновал вопрос, каким путем улучшить суровую жизнь народа. Это было постоянной темой в его общении с братом Александром, тоже служившим в Сибири, в Иркутске³⁵.

«Наступают иногда такие минуты, когда просто жить не хочется, мучит сознание, что вот не достигнешь-таки цели своей... — писал П. А. Кропоткин в дневнике в марте 1865 г., — но если я, как например, сегодня, не отчаиваюсь когда-нибудь да достигнуть цели, то не могу даже и сегодня не признать, что этой цели вряд ли достигну я, если года через 3 не выберусь отсюда и не поселюсь в кругу людей, занимающихся и с головы до ног проникнутых тем духом жизни, который веет, например, от Писарева, Шелгунова...»³⁶

Для интеллигентов Александра и Петра Кропоткиных в Сибири более не было той деятельности, которую они оба так жаждали: «Оба мы ждали умственной жизни, которой не было в Сибири... И в наших разговорах мы постоянно поднимали вопрос о возвращении в Россию... Нас привлекала научная, а в особенности политическая жизнь Западной Европы, которую мы знали по газетам»³⁷. В 1867 г., после подавления восстания 1866 г. польских политических каторжан, братья Александр и Петр Кропоткины, не участвовавшие в подавлении, но с большим сочувствием относившиеся к восставшим, подали в отставку с военной службы. В том же году, оставив военную службу, они возвратились из Сибири в Москву, а затем Петр Кропоткин с семьей Александра переехал в Санкт-Петербург.

Говоря о становлении и развитии интеллигентности П. А. Кропоткина, нельзя недооценивать того, как много дали ему пять лет, проведенные в Сибири, ставшей для него «настоя-

шей школой изучения общественной жизни», и научившие его понимать «скрытые пружины общественной жизни»³⁸. Годы пребывания в Сибири не только закалили Петра Кропоткина физически и морально, но и сыграли важную роль в эволюции его интеллигентского мировоззрения — от реформаторской деятельности в сотрудничестве с властью в сторону анархического радикализма. «В Сибири, — писал впоследствии Кропоткин, — я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом»³⁹.

Будучи в Сибири Кропоткин надеялся на быстрые воплощения радикальных преобразований, но слишком медленный «путь реформ практически разочаровал его, путь просвещения вызывал сильные сомнения»⁴⁰. И уже в это время Петр Алексеевич начинает обращать свое внимание на революционный, насильственный способ преобразования общества.

В Сибири произошло становление П. А. Кропоткина как путешественника, исследователя природы, натуралиста. Летом 1865 г. он организовал экспедицию с целью определения масштабов ледниковых отложений в Иркутской губернии. Путешествие дало импульс формированию идеи о рельефе Сибири и ледниковых явлениях. В газете «Современная летопись» выходят путевые заметки и очерки «На пути в Восточную Сибирь» и «Из Восточной Сибири» (1862)⁴¹. В результате этих экспедиций перед Кропоткиным открылись широкие возможности в области изучения естественных наук, где он за короткий срок стал известным специалистом и к которым, в отличие от придворной карьеры, испытывал сильное влечение. В этих обстоятельствах он решает посвятить себя науке.

Полученные Кропоткиным во время сибирских экспедиций значительные новые данные требовали научного анализа, а выдвинутые им гипотезы — научного доказательства, для чего нужны были академические знания. Еще в 1862 г. он писал брату о своем убеждении в «подчинении всех отраслей знаний положительно математическому анализу». Сознывая пробелы в своем образовании, Кропоткин в 1867 г. переезжает в Санкт-Петербург и поступает на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, считая, что это «единственно солидный фундамент для всякой дальнейшей работы»⁴². Но, пережив период серьезного увлечения математи-

кой, он оставил ее, придя к выводу об ограниченности применения ее методов в естественных, а тем более в общественных науках⁴³. Одновременно, для поддержания существования, Кропоткин занимался литературным трудом, переводами (в том числе, Спенсера, Дистервега), писал научные фельетоны для газеты «Петербургские ведомости».

Весной 1867 г. Петр Кропоткин в доме родственников, у которых он остановился по возвращении в Петербург, случайно знакомится с крупным ученым-географом и путешественником П. П. Семеновым (впоследствии Тянь-Шанским). Это знакомство оказало в дальнейшем заметное влияние на судьбу Кропоткина. Он был принят на гражданскую службу в статистический комитет Министерства внутренних дел. Очевидно, что возвращение Кропоткина на гражданскую службу было вызвано тем, что директором этого комитета был сам П. П. Семенов, под руководством которого Кропоткин работал и как ученый. В немалой степени, надо полагать, такое покровительство Семенова повлияло на то обстоятельство, что уже в 1868 г. П. А. Кропоткин был избран действительным членом Императорского Русского Географического общества, в котором он активно работал, заняв должность секретаря Отделения физической географии и являясь членом пяти различных научных комиссий при ИРГО⁴⁴.

Председателем Отделения физической географии был все тот же П. П. Семенов, который, судя по письму П. П. Семенова к П. А. Кропоткину, датированному 1895 г.⁴⁵, благоволил Кропоткину и относился к нему по-отечески. Сам Кропоткин много позже, в 1920 г., отзывался о П. П. Семенове как об отце современной географии в России, как о своем любимом учителе и вдохновителе⁴⁶.

В период работы в Русском Географическом обществе, П. А. Кропоткин намеревался создать обширный труд по географии России⁴⁷. Замысел молодого ученого определялся стремлением дать научное обоснование рационального ведения различных видов хозяйственной деятельности в зависимости от условий географической среды. Эти условия, как считал Кропоткин, недооцениваются или вообще не берутся в расчет местной администрацией и столичными ведомствами. В частности, он был убежден, что засухи, так часто случавшиеся в южных степных районах, не являются случайным бедствием, они — такая же ха-

рактерная черта черноземной полосы, как и ее плодородие. Поэтому, согласно замыслу Петра Алексеевича, в его работе должны были быть высказаны и предложения по оказанию помощи населению южных губерний в неурожайные годы и, что также немаловажно, соображения о способах борьбы с засухой. Русское Географическое общество одобрило это намерение, но грандиозный замысел так и не был осуществлен⁴⁸.

В 1873 г. П. А. Кропоткин публикует полный отчет Оленинско-Витимской экспедиции, в котором излагает выводы о материковом оледенении Сибири. За отчет об этой экспедиции, в которой он принимал активное участие во время своего пребывания в Сибири, Петр Алексеевич был удостоен высшей награды Императорского Русского Географического общества — золотой медалью. Сама работа была издана Географическим обществом, когда Кропоткин уже сидел под арестом в Петропавловской крепости, а его схему по орографии Азии впоследствии приняло большинство картографов.

Имя Петра Алексеевича Кропоткина быстро стало известным в научных кругах. Авторитет молодого ученого был столь велик, что Императорское Русское Географическое общество предложило Кропоткину пост генерального секретаря. Но, ко всеобщему удивлению, он отказался от него, поскольку не видел возможности скорой реализации в России своих научных предложений, направленных на улучшение жизни народа. «Не знаю, хорошо ли я сделал, — писал он брату, — но вечно бегать, суетиться для того, чтобы смазывать во всех министерствах и у всяких персонажей машину, и даже не двигая ее — именно эту машину, — скучно»⁴⁹.

Петр Алексеевич к тому времени уже давно размышлял над теорией материкового оледенения, но понимал, что доказать ошибочность взглядов авторитетных ученых удастся лишь в том случае, если его концепция будет всесторонне аргументирована. Собственно, ради сбора дополнительного материала он и отправился летом 1871 г. в Финляндию⁵⁰.

Лето и осень 1871 г. Кропоткин находился в научно-исследовательской поездке от Географического общества по Финляндии и Швеции, где проводил исследования существования ледни-

кового покрова в этих странах в древности. Подводя итоги наблюдений в Северной Европе, он пишет: «В ледниковый период Финляндия была покрыта сплошным ледниковым покровом, общим со Скандинавией»⁵¹.

21 марта 1874 г. 31-летний Петр Кропоткин сделал сенсационный доклад в Императорском Русском Географическом обществе о существовании в недалеком прошлом ледниковой эпохи. Значимость доклада была столь велика, что ему, по личному распоряжению Александра II, были предоставлены перо, бумага и возможность работать в Петропавловской крепости, куда Кропоткин был вскоре заключен за принадлежность к тайному революционному кружку. Там ученым была написана работа «Исследования о ледниковом периоде» — теоретическое обобщение десятилетних исследований Сибири и Северной Европы, обосновывающее ледниковую теорию⁵².

Эта работа оказала влияние на взгляды нескольких поколений русских геологов и географов⁵³. И хотя теория материкового оледенения выдвигалась ранее учеными Агассисом и Шарпантье, именно наблюдения и выводы Кропоткина «предопределили ее победу»⁵⁴. Кроме того, работа Кропоткина «Исследования о ледниковом периоде» и работы шведского геолога О. Тореля привели к общему признанию теории четвертичного материкового оледенения и произвели тем самым переворот во всем научном мире⁵⁵.

Теория ледникового периода принесла Кропоткину мировую известность. С ним делились своими замыслами выдающиеся русские географы П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Федченко, Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай. Он был в гуще самых разных дел. Его научный авторитет рос, отчеты о его докладах на заседаниях Императорского Русского Географического общества публиковал «Правительственный вестник»⁵⁶. А некоторые ученые до сих пор придерживаются пульсационной модели в концепции расширяющейся Земли, предложенной П. А. Кропоткиным⁵⁷.

В 1876 г. после побега из-под стражи Петр Алексеевич Кропоткин нелегально через Финляндию и Швецию эмигрировал из России в Англию под фамилией Левашов. Он рассчитывал оставаться в отдалении от родины месяц-другой — «ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохе, поднятой моим

побегом»⁵⁸. Покидая Россию, Кропоткин надеялся вскоре нелегально вернуться под другим именем. Он и не предполагал, что проведет в эмиграции после побега целых 40 лет.

В эмиграции П. А. Кропоткин также занимался научной деятельностью. Вначале он прибыл в Великобританию, в Лондон, где нашел постоянную географическую работу благодаря тому, что у него был опыт в качестве секретаря Отделения физической географии Императорского Русского Географического общества, известность как ученого, обосновавшего «ледниковую теорию», и хорошее знание английского, французского, немецкого, итальянского, освоение шведского и норвежского языков. Это позволяло Кропоткину быстро знакомиться со всей доступной литературой, необходимой для работы, которая приносила ему средства к существованию.

Вкратце обрисовав становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллекта, остановимся несколько подробнее на терминологическом аспекте слова «интеллигенция» в соотношении с жизнью и деятельностью Кропоткина.

К концу рассматриваемого нами периода Петр Алексеевич Кропоткин внес большой вклад не только в российскую, но и в мировую науку. Прежде всего, это относится к его научным работам «Общий очерк орографии Восточной Сибири» и «Исследования о ледниковом периоде». Этими научными достижениями Кропоткин более всего и известен в мировой науке в настоящее время. Таким образом, становление П. А. Кропоткина как русского ученого, внесшего значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки, не вызывает никаких сомнений.

Что же касается становления Кропоткина как русского интеллекта, то здесь требуется сделать ряд уточнений. Само понятие «интеллигенция» впервые можно встретить в I в. до н. э. у римского оратора, политического деятеля и писателя Марка Туллия Цицерона, который считал интеллигенцией представителей «образованной демократии»⁵⁹. Термин же «интеллигенция» был широко распространен в философской литературе Западной Европы в первой половине XIX в. Известно, что в отношении группы лиц слово «интеллигенция» 46 раз фиксируется у К. Маркса в статьях «О сословных комиссиях Пруссии» (1842 г.)⁶⁰.

В Российской империи слово «интеллигенция» встречается в дневниковой записи В. А. Жуковского от 2 февраля 1836 г. Затем в дневнике министра иностранных дел П. А. Валуева, опубликованном в 1865 г.⁶¹ А слово «интеллигент» появилось в России в 70-х гг. XIX в.⁶²

В русском языке слово «интеллигенция» сначала вошло в употребление в значении «умственные способности» в 60-х гг. XIX в. Но вскоре на русской почве оно получило свое новое (современное) значение. В новом значении слово «интеллигенция» встречается в словарях и энциклопедиях XIX века. Об этом пишет Б. А. Успенский в работе «Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры». Это слово употребляется во втором издании словаря В. Даля в значении «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»⁶³. По воспоминаниям П. Д. Боборыкина, «слово это пущено было в печать только с 1866 года»⁶⁴. К 80-м гг. XIX в. новое значение вытеснило старое. И уже с новым («русским») значением это слово возвратилось в западноевропейские языки⁶⁵.

В русской литературе термин «интеллигенция» с самого появления в 1860-х гг. нес в себе некоторую смысловую неопределенность. Сложилось по меньшей мере три его толкования. В широком смысле под интеллигенцией понимались, с одной стороны, лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества, а с другой — социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности. Наряду с широким значением термина «интеллигенция» получило развитие и узкое его толкование, позволяющее говорить об «интеллигенции» как о специфически русском явлении, не имеющем аналогов в других странах. В этом смысле «интеллигенцией» именуется лишь часть образованного слоя общества, берущая на себя роль выразительницы интересов народа, претендующая на роль его духовного пастыря и представителя перед властью⁶⁶.

В русской литературе и публицистике в конце XIX — начале XX в. интеллигент был представлен в образе человека высокой умственной и этической культуры, чуждого духу буржуазности и мешанства, противостоящего ретроградству. А слово «интели-

генция» уже в новом, переосмысленном значении вернулось в европейские языки. Немецкий социолог Макс Вебер называл русскую интеллигенцию «последним великим интеллектуальным движением, не единым, но определенно несущим общую веру и в этом смысле принявшим вид религии»⁶⁷.

И надо сказать, что Петр Алексеевич Кропоткин полностью отвечал всем без исключения значениям слова «интеллигент». Помимо этого, Кропоткин был чрезвычайно подвижен, говорил быстро и плавно, производил очень благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой⁶⁸. Он обладал спокойным характером, большим запасом знаний, был способен к систематической работе. Писал Кропоткин простым образным языком, без «научообразных» терминов, стремясь быть понятным всем⁶⁹.

В заключение среди наиболее значимых факторов, повлиявших на становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента, необходимо отметить, прежде всего, такие черты его характера, как сострадание, любознательность и обостренное чувство справедливости. Именно они дали Кропоткину первый толчок в сторону выбора научной деятельности и наложили заметный отпечаток при формировании его как русского ученого-интеллигента.

Важную роль в становлении интеллигентности П. А. Кропоткина сыграл оптимизм. Биографы Кропоткина Дж. Вудкок и А. Авакумович видели причины этого оптимизма в следующем: во-первых, во влиянии на Кропоткина в юности романтической литературы; во-вторых, в общей интеллектуальной атмосфере XIX в., связанной с верой в прогресс, науку, постепенное движение от худшего к лучшему, а в конечном итоге — к совершенному. И, наконец, в том, что Кропоткину всегда все удавалось, он не сталкивался с изнанкой жизни⁷⁰.

Еще одной отличительной чертой П. А. Кропоткина как ученого-интеллигента было его стремление к научному обоснованию своих взглядов. По оценке известной анархистки русского происхождения Эммы Гольдман, «Петр Кропоткин был крупной мировой величиной — как ученый, как философ и социолог, как литератор и как неутомимый бунтарь»⁷¹. Между тем, сам Кропоткин «с глубоким уважением относился к тру-

ду»⁷² и «больше гордился своей ручной работой, чем своим великим вкладом в науку и в анархическую философию»⁷³.

Однако едва ли не определяющей чертой Кропоткина-интеллекта была вера — «великая и непоколебимая вера в массы, в их способность строить новую жизнь»⁷⁴. «Вместе с искренностью его целей, все это было преобладающей чертой его как человека», — утверждала Э. Гольдман⁷⁵. Все это находилось «в полном согласии со всем характером Кропоткина и с его великолепным анархическим девизом: “От каждого по способностям, каждому по потребностям”»⁷⁶.

Пожалуй, самой главной чертой П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллекта была высокая нравственность. Постоянные нравственные искания были вообще характерной чертой русской интеллигенции XIX в., ощущавшей свою вину и свой долг перед поработанным народом. Отсюда — подвижничество декабристов, земских врачей, чиновников, готовых уехать из столицы в Сибирь при одной только возможности проведения там наиболее последовательных социальных и экономических преобразований. Из этого же корня проистекает и подвижничество народников. Да и весь жизненный путь Кропоткина-анархиста есть не что иное, как одно большое подвижничество. М. Миллер считает, что, хотя русский мыслитель пытался подвести под свою теорию научную базу, на самом деле она основана не на научных, а на высоких нравственных принципах, присущих самому Петру Алексеевичу⁷⁷.

Таким образом, нравственный критерий, как и оптимизм, П. А. Кропоткин ставил выше логики, выше научных методов изучения и прогнозирования развития общества, даже выше «здорового смысла». На основе высокой нравственности Кропоткина образуется его взгляд на народничество как идею долга перед народом. А оптимизм Кропоткина становится основой его веры в народ и в анархическое учение, способное привести людей к гармоничной, свободной и счастливой жизни, т. е. к «раю на земле». Это безусловные проявления у Кропоткина-ученого черт в высшей степени русского интеллекта.

Примечания

- ¹ *Артемов В. М.* Гуманистическая этика П. А. Кропоткина: единство свободы и нравственности // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 2004. № 2. С. 3.
- ² *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. С. 17.
- ³ *Пустарников В. Ф.* Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 1. С. 48.
- ⁴ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 80.
- ⁵ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 126.
- ⁶ *Де-Роберти Е. В.* Петр Кропоткин (личность и доктрина). СПб., 1906. С. 13.
- ⁷ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. Т. 1. С. 245.
- ⁸ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 124.
- ⁹ *Артемов В. М.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁰ *Маркин В. А.* От географии к анархизму // Труды комиссии... Вып. 1. С. 37.
- ¹¹ *Пустарников В. Ф.* Указ. соч. С. 49.
- ¹² См.: *Солонович А. А.* Кропоткин // Михаилу Бакунину, 1876—1926: очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 95.
- ¹³ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. Т. 1. С. 155—156.
- ¹⁴ *Пустарников В. Ф.* Указ. соч. С. 50.
- ¹⁵ Там же. С. 53.
- ¹⁶ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷ *Пустарников В. Ф.* Указ. соч. С. 53—54.
- ¹⁸ *Солонович А. А.* Указ. соч. С. 227.
- ¹⁹ Там же. С. 228.
- ²⁰ *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 148.
- ²¹ Там же. С. 172.
- ²² *Кропоткин П. А.* Дневник. Пг.; М., 1923. С. 41—43.
- ²³ *Солонович А. А.* Указ. соч. С. 230.
- ²⁴ *Захарова Л. Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 24.
- ²⁵ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 182.
- ²⁶ *Козовский Ю. М.* Молодость Кропоткина: рассказ о годах становления, странствиях и исканиях русского ученого и революционера. Хабаровск, 1983. С. 59.
- ²⁷ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. С. 123.
- ²⁸ Там же. Т. 2. С. 93.
- ²⁹ *Кропоткин П. А.* Дневник. С. 180—181.

- ³⁰ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 198.
- ³¹ *Мндоянц М. С. П. А. Кропоткин // Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 3—4.
- ³² Кропоткин Петр Алексеевич. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/persons.aspx?id=112> (дата обращения: 16.11.2006).
- ³³ *Щапов А. П.* Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С. 163.
- ³⁴ *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 111—112.
- ³⁵ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. Т. 2. С. 80.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 55.
- ³⁷ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 199.
- ³⁸ Там же. С. 159.
- ³⁹ Там же. С. 198.
- ⁴⁰ *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 44.
- ⁴¹ Петр Алексеевич Кропоткин. Kropotkin Peter, 1841—1921. URL: <http://oldchita.megalink.ru/persona/kropotkin.htm> (дата обращения: 12.11.2006).
- ⁴² *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 204.
- ⁴³ *Маркин В. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 37.
- ⁴⁴ *Талеров П. И.* Место Анархо-коммунизма П. А. Кропоткина в истории России и российского анархизма второй половины XIX — начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 123.
- ⁴⁵ В. П. Семенов-Тянь-Шанский и П. А. Кропоткин (обмен письмами в 1920 г.) // Труды комиссии... Вып. 2. С. 175.
- ⁴⁶ Письмо П. А. Кропоткина В. П. Семенову-Тянь-Шанскому из г. Дмитрова, Московской губернии от 8 сентября 1920 г. // Там же.
- ⁴⁷ *Обручев В. А.* Петр Алексеевич Кропоткин // Люди русской науки. М., 1962. Т. 2. С. 505.
- ⁴⁸ *Козовский Ю. М.* Указ. соч. С. 106—107.
- ⁴⁹ Петр и Александр Кропоткины. Переписка. Т. 2. С. 260.
- ⁵⁰ *Козовский Ю. М.* Указ. соч. С. 110.
- ⁵¹ Цит. по: *Имбри Дж., Имбри К. П.* Тайны ледниковых эпох. М., 1988. С. 225.
- ⁵² *Кропоткин П. А.* Исследование о ледниковом периоде // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1876. Т. 7. Вып. 1.
- ⁵³ *Имбри Дж., Имбри К. П.* Указ. соч. С. 225.
- ⁵⁴ *Обручев В. А.* Указ. соч. С. 503.
- ⁵⁵ *Кэрри У.* В поисках закономерностей развития Земли и Вселенной : история догм в науках о Земле. М., 1991. С. 88.
- ⁵⁶ *Козовский Ю. М.* Указ. соч. С. 121.

- ⁵⁷ *Кэрри У.* Указ. соч. С. 166, 354.
- ⁵⁸ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 356.
- ⁵⁹ Большая Российская энциклопедия : в 30 т. М., 2008. Т. 11. С. 431.
- ⁶⁰ Википедия — свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллигенция> (дата обращения: 17.07.2011).
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Языков Н. [Шелгунов Н. В.]* Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10.
- ⁶³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1881. Т. 2. С. 46.
- ⁶⁴ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания : в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 283.
- ⁶⁵ *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1—2.
- ⁶⁶ *Меметов В. С., Расторгуев В. Н.* Интеллигенция // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. С. 431.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 432.
- ⁶⁸ *Дейч Л. Г.* Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920. С. 10.
- ⁶⁹ *Мкртчян А. А. П. А. Кропоткин и Западная Европа* // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 62.
- ⁷⁰ *Woodcock G., Avakimovic I.* The anarchist prince. N. Y., 1971.
- ⁷¹ *Гольдман Э. П. А. Кропоткин* // П. А. Кропоткин и его учение : интерн. сб., посвящ. десятой годовщине смерти П. А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 224.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 225.
- ⁷⁴ Там же. С. 224.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 227.
- ⁷⁷ *Miller M. A.* Kropotkin. Chicago, 1976.

Д. А. Смирнов

СОМНЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И НАУЧНЫЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Интеллектуальный радикализм 1960-х гг. стал формальным следствием ситуации, довольно далекой от обострения социально-политических отношений. Пережившая Вторую мировую войну западная цивилизация, казалось, достигла уровня «всеобщего благоденствия» в 1950-е гг. и была довольна своими успехами. Последствия недавней масштабной катастрофы она преодолела и пыталась забыть о разрушениях и страданиях. Это достигалось, прежде всего, в процессе складывания массовой культуры, создающей эффект равного доступа к материальным благам и возможности наслаждаться своим социальным положением.

Население стран Западной Европы и Северной Америки было готово при этом поступиться своими гражданскими правами и свободами, поскольку уровень благосостояния, по утвердившейся с подачи правящих элит версии, постоянно подвергался опасности. Был у этой опасности внешний источник — Советский Союз вместе с социалистическими странами Восточной Европы, на которые он оказывал свое политическое влияние, но был и внутренний источник — социальные группы и идейные течения в странах Запада, которые стремились предложить политические альтернативы или, как минимум, критиковали утвердившийся формат социальных и политических отношений. Примером такого давления внутри стран Западной Европы и Северной Америки стал «маккартизм» в США.

Во многих западных странах установилась атмосфера конформизма, подчинения нормам и правилам, действующим в со-

© Смирнов Д. А., 2011

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

циальной и политической жизни, без всякого стремления их критиковать или подвергать сомнению, часто в обмен на материальные блага. «Массовое общество», общество «всеобщего благоденствия» формировало усредненные представления о происходящем со стандартными образами мышления и определенным набором стереотипов.

Однако именно такая ситуация способствовала не утверждению идеала «всеобщего благоденствия», но привела к острым интеллектуальным дискуссиям, предвосхитившим рост социального недовольства навязываемыми средними стандартами в комплексе с нонконформизмом и консерватизмом. Нарастала потребность в критике, и утверждалось сомнение в существующих общественных отношениях. Ярким свидетельством такого подхода и требования к освобождению от конформизма явились исследования представителей Франкфуртской школы социальных исследований, «критической теории» изучения современного общества. Их идеи приобрели особое признание в 1960-е гг., став интеллектуальной основой для широких общественных движений в разных странах Запада.

Герберт Маркузе, один из представителей Франкфуртской школы предложил в своей работе «Одномерный человек», вышедшей в США в 1964 г., образ массового общества, живущего по средним стандартам. Он выступил с критикой общества «всеобщего благоденствия», господствующего над индивидом и обладающего «способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление производственного процесса и новые формы человеческого существования»¹.

Критическую позицию, утверждал Маркузе, в таких условиях сохранить трудно: «Тотальный характер достижений развитого индустриального общества оставляет критическую теорию без рационального основания для трансцендирования данного общества». Однако задача такой критики предопределена тем, что «развитое индустриальное общество является прежде всего политическим универсумом, последней стадией реализации специфического исторического проекта — а именно переживания, преобразования и организации природы как материала для господства»: «По мере своего развертывания этот проект

формирует весь универсум дискурса и действия, интеллектуальной и материальной культуры. Культура, политика и экономика при посредстве технологии сливаются в вездесущую систему, поглощающую или отторгающую все альтернативы, а присущий этой системе потенциал производительности и роста стабилизирует общество и удерживает технический прогресс в рамках господства. Технологическая рациональность становится политической рациональностью»².

Логическое завершение, по мысли Маркузе, это находит в том, что «независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации». При этом человек должен быть готов, что «интеллектуальный и эмоциональный отказ “следовать вместе со всеми” предстает как свидетельство невроза и бессилия. Таков социально-психологический аспект политических событий современного периода: исторические силы, которые, как казалось, сулили возможность новых форм существования, уходят в прошлое». Человека окружает мир навязываемых товаров и услуг, формирующих модель «одномерного мышления», которое «систематически насаждается изготовителями политики и их заместителями в средствах массовой информации... К примеру, “свободными” являются те институты, которые действуют (и приводятся в действие) в Свободном Мире; остальные трансцендентные формы свободы по определению записываются в разряд анархизма, коммунизма или пропаганды»³.

В 1960-е гг. для Маркузе были «налицо все факты, на которых основывается критическая теория этого общества и его гибельного развития: возрастающая иррациональность целого; расточительная и требующая ограничений производительность; потребность в агрессивной экспансии, постоянная угроза войны, усиливающаяся эксплуатация, дегуманизация». Социальную базу критической теории общества Маркузе видел в «скрытой под консервативно настроенной основной массой народа прослойке отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса,

и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов. Таким образом, их противостояние само по себе революционно, пусть даже оно ими не осознается»⁴.

В завершение своего анализа «одномерного общества», возникшего по мысли философа в середине XX в., Маркузе цитирует слова старшего коллеги по Институту социальных исследований Вальтера Беньямина: «Только ради потерявших надежду дана нам надежда». Именно этому немецкому мыслителю принадлежит мысль о том, что до сих пор движение истории было по сути движением победителей, каждый раз уничтожающих проигравших, а потому в исторических свидетельствах память о них сохранена минимально. В связи с этим задача критики общества заключается в отстаивании прав социальных маргиналов, отверженных обществом, и эту задачу должны взять на себя интеллектуалы. Следуя ей, как он считал, они не смогут избежать политизации своей деятельности.

Вопрос о необходимой вовлеченности интеллигенции в политические процессы для сохранения ее общественного значения периодически актуализируется по мере обострения социальных отношений. В периоды относительной стабильности и процветания общества интеллигенция стремится оградить себя от повседневной «черной» политической работы, заняв своеобразное место культурного привилегированного слоя, взявшего на себя миссию поиска Истины и открытия высшего знания людям.

Однако в кризисные для общества времена такая позиция интеллигенции не только ставится под сомнение другими социальными группами, но и способна привести к уничтожению самой интеллигенции. Чтобы воспрепятствовать этому, ей необходима определенная политическая позиция. Причем проблема даже не в том, чтобы отстаивать собственные интересы, а в том, чтобы воспрепятствовать распаду общества.

В конечном итоге именно в таком свете видел актуальность политизации интеллигенции Вальтер Беньямин. Для него политическая ангажированность означала не партийную программу или готовность принять какую-либо из них, а критическое, практически ориентированное политическое сознание, способность понимать социальные отношения и угадывать нюансы возмож-

ных перемен в них. В свою очередь, безусловное принятие конкретной идеологии как определяющего фактора всей творческой и научной деятельности Беньямин считал неприемлемым. Тем самым она становилась причиной неискреннего отношения к программным идеям и установкам партии, какими бы близкими они ни были интеллигенции. Она ограничивала бы его возможности для критики, и прежде всего для самокритики.

Важное место в понимании политизации интеллигенции занял у Беньямина тезис о «пролетаризации» масс и конкретно интеллигенции. Эта мысль была им высказана в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», написанной в 1936 г. Беньямин писал: «Все возрастающая пролетаризация современного человека и все возрастающая организация масс представляют собой две стороны одного и того же процесса. Фашизм пытается организовать возникающие пролетаризированные массы, не затрагивая имущественных отношений, к устранению которых они стремятся... Массы обладают правом на изменение имущественных отношений; фашизм стремится дать им возможность самовыражения при сохранении этих отношений. Фашизм вполне последовательно приходит к эстетизации политической жизни... Коммунизм отвечает на это политизацией искусства»⁵.

В этой связи мыслитель поддержал немецкого социолога Зигфрида Кракауэра в его критическом отношении к классу служащих — социальной основе, откуда, по мысли ученого, выходила интеллигенция — поскольку его исследование на этот счет «в противоположность к радикальным модным продуктам новейшей школы» явилось «поворотным пунктом на пути политизации интеллигенции», «конструктивным теоретическим исследованием, которое не обращено ни к снобу, ни к рабочему, а потому в состоянии требовать нечто действительное и доказуемое: именно политизацию собственного класса». Беньямин однозначно констатировал межеумочность служащих, которая препятствует их пролетаризации: «Солидарность (с буржуазией. — Д. С.) может стереться и разрушиться на переднем плане; но почти всегда она остается достаточно сильной, чтобы строго отделить интеллектуалов от полной постоянной боевой готовности, фронтового существования настоящего пролетария»⁶.

В ситуации общественного кризиса, в противостоянии капитала и пролетариата, интеллектуалу, по мысли Бенямина, необходимо осознать свое существование в рамках этого кризиса, но не вне его. В подготовленном в 1934 г. докладе «Автор как производитель» мыслитель вспомнил слова французского писателя Луи Арагона: «“Революционный интеллектуал” скоро появится и, прежде всего, как предатель своего первоначального класса». Это предательство состоит, по мнению писателя, в поведении, которое сделает его из поставщика производственного механизма инженером, видящим свою задачу в том, чтобы приспособить его целям пролетарской революции». Осознав это, по мысли Бенямина, интеллектуал «будет меньше отвлекаться на мысль, чтобы выдать себя за “человека духовного и умственного труда”», стоящего над общественной схваткой: «Дух, который дает о себе знать именем фашизма, *должен исчезнуть*. Дух, который выходит ему навстречу, надеясь на свою чудесную силу, *исчезнет в будущем*. Потому что революционная борьба разыгрывается не между капитализмом и духом, но между капитализмом и пролетариатом»⁷.

Эти оценки, прозвучавшие в середине 1930-х гг., ясно отражали кризисность ситуации в Германии и в других европейских странах, когда интеллигенция должна была пройти путем политизации, решив для себя вопрос участия в борьбе не за «чистоту духа», но за его сохранение. Необходимо было спрашивать себя не о возможности продаваться капиталу, но об опасности утратить свободу выражения. Такое понимание Бенямином политизации интеллигенции постепенно утвердилось и в историографии мыслителя.

Особенности интеллектуальной, или «специализированной», как он однажды назвал ее, деятельности Бенямина во многом объяснялись спецификой исторической ситуации межвоенного времени. С одной стороны, это было время острых споров в науке, обществе, культуре; но, с другой стороны, это был период широкой свободы самовыражения, а дискуссии не предполагали уничтожения противника. Это подталкивало его к самоопределению и конкретизации собственной точки зрения по тем или иным вопросам. Однако в этом случае, по его мнению, он терял бы значительную часть своей свободы и уже не мог беспристрастно

оценивать происходящее. Поэтому Беньямин дорожил своей независимостью и стремился сохранить ее в полном объеме. Обязательной чертой его оценок по поводу разворачивавшихся споров и происходивших событий — в политике, культуре, науке, общественной жизни — было, прежде всего, сомнение в устойчивости позиций оппонентов и завершенности окружающих явлений. Оно — сомнение — стало фактом его биографии, а избранный им для себя особый тип исследователя — критика, сомневающегося — стал основой его научной работы.

В этом качестве Беньямин оказался маргиналом и, сохраняя хорошие отношения с представителями прямо противоположных политических и научно-методологических лагерей, был для большинства из них чужим. Но Беньямин, тем не менее, ценил такую ситуацию, поскольку знание перипетий интеллектуальных дискуссий и в политике, и в науке, погруженность в них, позволяло мыслителю находить непривычные, новые ответы при анализе, казалось бы, типичных исследовательских проблем и политических вопросов.

Позиция сомневающегося не могла освободить его от размышлений по поводу собственной идентичности. Во всех работах, где он высказывался о роли критика и положении критикующего — в искусстве, обществе, политике — Беньямин пытался, под влиянием возникавших обстоятельств или в результате постоянных размышлений на этот счет, внести нечто новое в оценку своего положения сомневающегося. Этим объясняется его интерес к социальным маргиналам, которых вытесняют на обочину истории, считая их влияние несущественным. Для него именно существование таких аутсайдеров было доказательством справедливости собственной позиции сомневающегося. Он видел свою задачу в отстаивании их прав и интересов. Критикующий должен открыто говорить о них, обращать внимание на ущербность господствующих точек зрения, исключая маргинальные оценки происходящего вокруг.

В 1930-е гг. интеллектуалы оказались разделены политическими партиями с прямо враждебными идеологиями. Они полагали, что именно политическая позиция, на которой они стоят, является абсолютно верной, и не ставили ее под сомнение. Это было характерно для значительной части интеллектуалов, при-

держивающихся не только правых, но и левых идей. В некотором роде свою собственную позицию они оценивали как элитарную, превосходящую по значимости и степени внимания все остальные. Общение между ними происходило с большими трудностями. Беньямин предложил основу для такого общения: борьбу за свободу выражения, как своего, так и свободу выражения каждого. Это означало не только возможность свободно говорить, но и право высказывать свое сомнение, критиковать. В этом заключалась позиция «пролетаризированного» интеллектуала.

Исследователи Беньямина согласились с тем, что понятие «пролетариат» в его понимании несет иную смысловую нагрузку, чем в привычном марксистском идейном контексте. Как отмечал спустя четыре десятилетия немецкий философ Вернер Фулд, «Беньямин не был марксистом. Он сам называл себя “историческим материалистом”... Кто стремится сегодня односторонне обозначить Беньямина революционным политиком, не замечает, что примером выступало понятие не “пролетарских”, а “пролетаризированных масс”». Фулд подчеркивал, что «в отличие от ортодоксально-марксистского понятия пролетариата дефиниция Беньямина охватывает все слои, которые были лишены национал-социализмом своих демократических прав и своего прямого действия, например средний слой в качестве интеллектуалов»⁸.

Критическая позиция интеллектуалов 1960-х гг., выступавших в противостоянии «одномерному мышлению», конформизму и «массовому обществу», не ограничивалась концепциями для понимания необходимых изменений, подобными идеям Маркузе. Они сами занимали социальные позиции, альтернативные общепринятым стандартам. При этом они не призывали реформировать общество; они обретали свободу для себя в отстранении от общества. Таковыми в США стали хипстеры, еще в 1950-е гг. выступавшие как поколение битников, а в 1960-е гг. сформировавшие поколение хиппи. В Западной Европе практическим воплощением критического отношения к обществу и конформизма стали студенческие движения конца 1960-х гг.

Впрочем, необходимость критики и ее перспективность не так однозначно признавались даже коллегами Беньямина. Теодор Адорно, представитель Франкфуртской школы, близко знакомый с идеями Беньямина и много цитировавший его в своих работах,

отмечал по поводу свободы: «Мысли ни в коей мере не являются свободными. Ведь по-прежнему любому общественному контролю, любому приспособлению к отношениям господства можно было бы указать его чистую форму, логическую стрингентность, несвободу; обозначить принуждение, к которому мыслимое (как и мыслящее) должно принудить себя относительно другого; и впервые принуждает себя, концентрируясь. Подавляется все, что не укладывается в процесс суждения; сначала мышление осуществляет такого рода насилие, как его рефлексировала философия в понятии необходимости. Идентифицируя, философия и общество глубинно опосредуют друг друга»⁹.

Примечательно, что Адорно не поддержал выступление молодежи в 1968 г., когда во время молодежных волнений Институт германских исследований Университета Франкфурта-на-Майне был временно захвачен студентами и переименован в Институт Вальтера Беньямина. Группа студентов, не согласная с методикой преподавания германистики, заявила о создании «Базисной группы Института Вальтера Беньямина». И хотя основное внимание в их манифесте уделялось именно вопросам методики преподавания и методологии исследований, политизированность многих положений документа заставила профессоров, в числе которых был Адорно, обратиться к общественности с вопросом: «Политизация науки — неужели снова?».

Участники Базисной группы выступили с манифестом практического политического плана в отношении преподавания и научной деятельности: «В политическом университете германистика упраздняется... Контр-германистика... нацелена на практику. Контр-германистика должна вырваться из процесса капиталистического производства. Она должна эмансипироваться от господствующей рациональности капиталистической реализации, освободить язык той самой общественности, которая действует как инстанция вытеснения, деформирует интересы и обстоятельства дела и приспособливает сознание к отношениям господства и собственности, которые в целом воспроизводит власть принуждения в сублимированном облике в отношении критического опыта и политического просвещения. Эта общественность, которая делает заменимым язык, чтобы нарушать и разрушать, становится ее практикой. Она должна привести прежних потребителей

и посредников в процессе передачи литературно-научных продуктов к тому, чтобы они рефлексировали о своей политической функции... Для этого важно, что мы от научной критики переходим к организационной критике. Шаг неизбежный, если мы обучение, науку, университет (следовательно, общество) действительно рассматриваем аналитически в аспекте их потребности в изменении и их изменчивости. Институты должны стать моделью критической общественности. Феодальная структура директората должна быть отделена от паритетной структуры советов, в которой прежние потребители “науки” наконец станут носителями процесса научного познания, который устранил выдохшуюся интимность институтов»¹⁰. И хотя осуществить свою программу Базисной группе не удалось, ее короткая история и манифест, основанный на идеях Вальтера Беньямина, стали рубежными в восприятии взглядов мыслителя на политизацию интеллектуалов.

«Пролетаризированный» интеллектуал, ставящий своей целью борьбу за демократические права, сохранение свободы выбора и независимости мышления, находится в непрерывном движении, поскольку стремление к сохранению постоянно осуществляет контроль за ситуацией в обществе. Для него такая ситуация является всегда критичной и подверженной опасности ограничения прав. Размышляя об этом, в начале 1990-х гг. французский философ Жак Деррида в своей работе, посвященной идеям Беньямина, заметил: «Политизация — это бесконечный процесс, она никогда не может, но и не должна прийти к завершению, может и должна быть тотальной политизацией. Чтобы это звучало не как прописная истина или что-то тривиальное, необходимо знать следующий вывод: любое проникновение политизации принуждает нас к тому, чтобы правовые основы, которые уже стали результатом успешного расчета и разграничения, вновь обдумать и, следовательно, вновь интерпретировать»¹¹.

Оформившееся различие между интеллектуалами поколения Адорно и «поколения шестидесятых» точно обозначил спустя несколько десятилетий в 2006 г. Юрген Хабермас, возможно самый «молодой» из известных на сегодняшний день представителей Франкфуртской школы. Он указал, что для поколения Адорно и Маркузе была присуща четкая партийность, склонность к громким акциям и заявлениям. Современный интеллектуал бла-

годаря «неожиданному расширению публичной сферы действия средств массовой коммуникации и беспримерному уплотнению коммуникационных сетей», проникновению телевидения и интернета получил возможность быстро добиться известности, но и столкнулся с опасностью быстро ее потерять. Важнейшим для современного интеллектуала, по замечанию Хабермаса, является «хорошая репутация интеллектуала», которая «заключается не в том, чтобы быть *видным* или известным, а в том, чтобы иметь *доброе имя*». Интеллектуал, подчеркивает философ, должен «сначала приобрести репутацию работой в своей области, прежде чем начать публично использовать свои знания и свое имя. Если он вмешивается со своими аргументами в некую дискуссию, то он должен обращаться к публике, которая состоит не из зрителей, а из потенциальных участников диалога, которые ответственно говорят и слушают друг друга. Идеальный тип такой дискуссии предполагает обмен доводами, а не искусное притягивание к себе зрительских взоров»¹².

И все же есть качество, подчеркнул Хабермас, которое было свойственно как современному, так и прежним поколениям интеллектуалов. Это «способность первым почувствовать нечто важное»: «Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами. Добродетелями интеллектуала поэтому должны быть качества отнюдь не героические: отдающая подозрительностью чуткость к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма; боязливая склонность предвосхищать опасности, грозящие интеллектуальной оснастке той политической формы жизни, которая существует в обществе; умение видеть, чего не хватает или что “могло бы быть иначе”; немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы, и немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций, выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет». Хабермас отметил: «Интеллектуал должен *быть способен быть взволнованным* — и в то же время обязан обладать достаточным политическим здравомыслием, чтобы не допускать *чрезмерных* (избыточно эмоциональных) реакций»¹³.

Современный мир со множеством конфликтов и часто возникающими острыми критическими ситуациями создает объективную основу для выражения интеллектуалом, равно как и интеллигенцией в целом, своей политической позиции. Интеллигенция политизируется, «пролетаризируется», говоря словами Бенямина, постоянно вступая в борьбу не столько на стороне кого-либо из участников противостояния, но защищая саму возможность для высказывания в условиях кризиса и по предмету конфликта. Все также право на критику и сомнение является ключевым для интеллектуала. Если же подняться над конфликтом и наблюдать его со стороны, то решение по предмету спора может исключить интеллигенцию из сферы общественных отношений вообще, исключить ее интересы, а ее — как социальную группу.

Примечания

- ¹ Маркузе Г. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. XIII.
- ² Там же. С. XVI, XIX.
- ³ Там же. С. 2, 12, 18.
- ⁴ Там же. С. 330, 335—336.
- ⁵ Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избранные эссе. М., 1996. С. 62, 64.
- ⁶ Benjamin W. Ein Außenseiter macht sich bemerkbar // Benjamin W. Gesammelte Schriften : in 7 Bänden. Frankfurt a. Main: Suhrkamp, 1972—1989. Bd. 3. S. 225. Редакция журнала «Die Gesellschaft», где в 1930 г. была опубликована эта заметка, первоначально предложила назвать материал «Политизация интеллигенции», но автор его отклонил (Anmerkungen der Herausgeberin // Benjamin W. Op. cit. S. 639).
- ⁷ Бенямин В. Автор как производитель // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 126.
- ⁸ Fuld W. Berühmt und unbekannt // Die Zeit. 1972. № 47. 24 Nov.
- ⁹ Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2003. С. 210.
- ¹⁰ Schafft Germanistik ab! / Basisgruppe des Walter-Benjamin-Instituts // 1968 : eine Enzyklopädie. Frankfurt a. Main : Suhrkamp, 2004. S. 431—438.
- ¹¹ Derrida J. Gesetzeskraft : der «mystische Grund der Autorität». Frankfurt a. Main : Suhrkamp, 1991. S. 58.
- ¹² Хабермас Ю. Первым почуять важное: что отличает интеллектуала. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (дата обращения: 14.06.2011).
- ¹³ Там же.

ББК 63.3(4Вел)52-283.2

Н. Д. Сорокин

**ЭДГАР ВИНСЕНТ, ВИКОНТ Д'АБЕРНОН —
ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ЛИНГВИСТ,
ЭКОНОМИСТ, УПРАВЛЕНЕЦ, ДИПЛОМАТ
(1857—1941)**

Имя Эдгара Винсента, виконта д'Абернона, малоизвестно в исторических и дипломатических кругах. Данное обстоятельство представляется особенно несправедливым в свете широты тех сфер, где этот британский интеллектуал добился успеха. Д'Абернон был непревзойденным экономистом, дипломатом, лингвистом и администратором, коллекционером. Отечественной историографии это имя вовсе не знакомо: нам не удалось найти ни одного исследования, посвященного жизни и деятельности д'Абернона. Британские научные круги также не издали ни одной работы, которая бы освещала жизненный и профессиональный путь этого выдающегося интеллектуала. Так, на крупнейшем британском портале-архиве исторических источников и журналов jstor.org нами был обнаружен лишь некролог, посвященный д'Абернону. Представляется, что личность виконта заслуживает

© Сорокин Н. Д., 2011

Сорокин Никита Дмитриевич — аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. nicksor@mail.ru

более детального изучения. Попытаемся исправить эту историческую несправедливость.

Эдгар Винсент, ставший впоследствии виконтом д'Аберноном, появился на свет 18 августа 1857 г. Седьмой сын от второго брака, он родился в семье английского священника — преподобного баронета сэра Фредерика Винсента, пастора Слинфолда и Сассекса, каноника собора в г. Чичестер. Имение, расположенное в графстве Суррей, известно тем, что на его территории находятся хорошо сохранившиеся и представляющие большую историческую и культурную ценность ранние английские бронзовые статуи, в том числе статуя сэра Джона д'Абернона¹. Таким образом, род д'Абернонов насчитывает много столетий и является одним из самых древних в Британии.

Образование юный Эдгар получил в престижной школе для мальчиков в г. Итон, где зарекомендовал себя прилежным и старательным учеником. Эту «public school», основанную в 1440 г., закончили многие премьер-министры Великобритании. Здесь они «получали классическое образование, изучали французский язык, приобретали навыки политической полемики»². В 1877 г. Эдгар Винсент успешно сдал выпускные экзамены и получил направление на курсы переводчиков при британской дипломатической миссии в Стамбуле. К удивлению многих Винсент отказался от престижного, как казалось, распределения и вступил в ряды Колдстримской гвардии — элитного и одного из самых старых подразделений Королевской дворцовой гвардии Великобритании³.

Вступление в гвардию стало первым и, как показала жизнь, верным карьерным шагом Эдгара Винсента. Уже через несколько месяцев после начала службы он получил назначение на должность личного секретаря британского уполномоченного при комиссии по передаче Греции европейских владений Османской империи. Здесь молодой Эдгар продемонстрировал служебное рвение и также исключительный талант в изучении иностранных языков. В 1879 г. он издал собственный учебник по современной грамматике греческого языка «The Grammar of Modern Greek», который вскоре был одобрен в качестве основного учебного пособия филологического факультета Афинского университета. Так, в возрасте 22 лет Эдгар приобрел широкую известность как интеллектуал, эрудит и лингвист. Однако язык не стал делом

жизни будущего виконта д'Абернона. Победили другие увлечения — экономика и администрирование, что было замечено британской правящей элитой. Не случайно после увольнения из вооруженных сил в 1882 г. Эдгар в возрасте всего 25 лет стал президентом Совета по Османскому государственному долгу⁴.

Своим рождением Совет был обязан войне Турции с Россией в 1877—1878 гг. Эта военная кампания привела не только к поражению армий Османской империи, но и к краху ее экономики. Стамбул вынужден был объявить о банкротстве и неспособности выплачивать долги своим кредиторам. В итоге согласно Мухарремскому декрету 1881 г. было сформировано Управление османского государственного долга во главе с Советом, состоявшим из представителей Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии⁵, которое и возглавил молодой Винсент.

В Турции Эдгар показал себя блестящим экономистом и вскоре получил приглашение на пост финансового советника египетского правительства. Как известно, в 1882 г. Англия подчинила Египет, установив над ним военный и экономический контроль. Хотя формально Египет считался частью Османской империи и управлялся хедивом, фактически Лондон занял исключительную роль в политике и экономике этой страны. Таким образом, в лице Эдгара Винсента британской короной был найден человек, призванный защищать ее интересы в Египте. И он задачу выполнил.

Лондон внимательно следил за успехами молодого экономиста и оценил их. В 1887 г. д'Абернон становится Рыцарем (КСМГ) «Ордена святого Михаила и Георгия». Этим орденом, имеющим три степени, награждают послов, высокопоставленных дипломатов и губернаторов исключительно за службу в колониях и доминионах Британской империи. Орден занимает шестую позицию по старшинству в британской системе наград после орденов Подвязки, Чертополоха, св. Патрика, Бани и Звезды Индии.

После Каира разносторонне одаренный британский интеллектуал в 1889 г. вернулся в Стамбул, где получил назначение управляющего имперским Османским банком, став в 32 года одним из самых влиятельных банкиров Ближнего Востока⁶.

За время работы в Стамбуле в личной жизни Эдгара Винсента произошло знаменательное событие. В 1890 г. он сочетает-

ся браком с леди Элен Валентиной, хорошо известной в светском обществе Лондона. Жена оказалась достойной партией для авторитетного в деловом и политическом мире экономиста и управленца. Леди Элен отличалась не только «неповторимой красотой, светлым умом и бесконечным обаянием»⁷, но и вела активную общественную деятельность. Она состояла в элитном интеллектуальном клубе «Соулз», членами которого на тот момент были видные деятели Консервативной партии — будущие министр иностранных дел Джордж Натаниэл Керзон и 50-й премьер-министр Великобритании Артур Джеймс Бальфур. Леди Элен Винсент являлась также активисткой Международного Красного Креста, о деятельности которого оставила интересные мемуары⁸.

Общественная популярность молодоженов Винсентов привлекла к ним повышенное внимание английского высшего общества, и оно не было разочаровано. Многие современники увидели в новой семье самую красивую пару Британской империи⁹.

Устроив личную жизнь и опираясь на приобретенные связи, интеллектуал Эдгар Винсент решает заняться большой политикой. Он стал членом палаты общин британского парламента от Консервативной партии, но, к удивлению многих, успеха на этом поприще не добился. Одной из причин явилось отсутствие таланта оратора, что особо ценилось в британском парламенте. В 1906 г. Эдгар потерял депутатское кресло¹⁰ и на время «ушел в тень».

Новый карьерный взлет британского интеллектуала начался в 1912 г. Эдгар Винсент стал председателем Королевской комиссии по торговле с доминионами. На этой должности он успешно проработал два года. И хотя начавшаяся Первая мировая война свела на нет многое из задуманного, затраченные им усилия были оценены по достоинству. В 1914 г. король Георг V пожаловал Эдгару Винсенту титулы барона Эшерского, пэра Англии первого лорда д'Абернона. Вскоре новоиспеченный аристократ получил назначение на пост главы Комитета по контролю над оборотом алкоголя. Данная проблема остро встала в британском обществе с началом мировой войны. Лондон был заинтересован в сокращении потребления алкогольной продукции населением, чьи силы всецело следовало бросить на обеспечение нужд армии. Таким образом, перед комитетом была поставлена задача

выработать решение, которое устроило бы все заинтересованные стороны: от правительственных ведомств до бизнес-кругов. И здесь интеллектуал д'Абернон в очередной раз проявил свои лучшие качества управленца. Он сумел выстроить работу Комитета, в который вошли представители министерства обороны, здравоохранения, адмиралтейства и казначейства, а также крупные британские пивовары, рестораторы и промышленники, таким образом, что в итоге всегда удавалось достичь компромисса. Позже сам д'Абернон так охарактеризовал работу подведомственного учреждения: «Я сам принимал решение, а затем мы вместе соглашались с ним»¹¹.

Работа в Комитете по контролю над оборотом алкоголя, а также публикация отчета о результатах деятельности Королевской комиссии по торговле с доминионами, которую д'Абернон осуществил после окончания Первой мировой войны, получили высокую оценку британского общества, и талантливый пэр был удостоен высшей степени «Ордена святого Михаила и святого Георгия» — титула Рыцаря великого креста (GCMG).

Окончание Первой мировой войны, Парижская конференция и пресловутый Версальский договор со всей остротой обозначили новые проблемы — переустройство послевоенного мира, новый этап борьбы великих держав за мировую гегемонию, репарационные выплаты, разоружение побежденной Германии и др. Для Великобритании успешное их разрешение во многом зависело от деятельности своего посла в Веймарской республике. Выбор правительства пал на д'Абернона. Новоявленный дипломат так описал свое назначение. 25 июня 1920 г. «после завтрака в Карлтон-Гауз лорд Керзон пригласил меня в свой кабинет и передал, что премьер-министр поручил ему узнать, согласен ли я принять пост посла в Берлине». На этот вопрос главы внешнеполитического ведомства лорд д'Абернон ответил: «В качестве временного назначения я готов принять этот пост, вообще же у меня нет особого желания навсегда посвящать себя дипломатической деятельности». Глава Форин офис, получив нужный ответ и желая утвердить кандидата в важности его миссии, отметил, что характер деятельности д'Абернона «будет в значительной степени отличаться от обычного дипломатического назначения», так как «современное положение требует особых специфических ка-

чество, близкого знакомства с экономическими и финансовыми вопросами, а также большого опыта в обращении с людьми различных классов общества»¹².

Назначение д'Абернона на дипломатический пост было встречено неоднозначно. Серией критических статей разразилась, например, авторитетная в Британии «The Times»¹³. Скепсис высказывали также обозреватели популярной в среде интеллектуалов Германии «Berliner Tageblatt». Немцы, в частности, опасались, что д'Абернон, близкий к Союзной репарационной комиссии, станет как и французы проводить политику жесткого регулирования немецкой экономики¹⁴. Однако критики по большому счету оказались не правы. Д'Абернон проделал огромную работу по разрешению послевоенных проблем и «умиротворению» Европы. Освоив немецкий язык и постоянно в нем совершенствуясь, он наладил хорошие связи с политической, экономической и военной элитой Веймарской республики, став фактически советником германского правительства; помог полякам в отражении наступления Красной армии летом 1920 г., которое могло привести к непредсказуемым последствиям; активно участвовал в принятии плана Дауэса в 1924 г. и заключении Локарнских соглашений в 1925 г. — договоров, которые способствовали спаду международной напряженности, остановили рост популярности леворадикальных движений и дали Европе шанс выхода из кризиса на основании многогранного сотрудничества.

Англичанин покинул Берлин в 1926 г. Всматриваясь в прошлое и оценивая свою работу, 66-летний интеллектуал не без гордости (и, пожалуй, имел на это право) записал: «Послевоенный период ознаменовался огромным прогрессом в деле борьбы с враждебностью и злобой, которые оставила нам в наследство война»¹⁵.

В Великобритании работу д'Абернона в Германии оценили. Он получил титул виконта и с достоинством занял место в верхней палате британского парламента. Кроме того, он был награжден Большим рыцарским крестом «Ордена бани». Название награды, занимающей четвертое место в системе британских орденов, происходит от древнего обряда, когда претендентов подвергали ночному бодрствованию с постом, молитвой и купанием накануне получения рыцарства.

Вернувшись на родину, виконт продолжал интересоваться немецкой республикой. Будучи президентом Королевского статистического общества, он подготовил доклад «Немецкая валюта: ее крах и восстановление (1920—1926 гг.)», который был высоко оценен специалистами¹⁶. В исследовании д'Абернона блестящий анализ состояния германского народного хозяйства сочетался с подчеркиванием ведущей роли Великобритании в послевоенном восстановлении немецкой экономики.

После возвращения в Лондон главным делом виконта на время стала подготовка к печати дневников¹⁷, которые он вел в Берлине. Три тома записей увидели свет в 1929—1930 гг. Сегодня специалисты сходятся во мнении, что это один из ценнейших источников по истории международных отношений межвоенного времени.

В 1929 г. д'Абернон получил назначение на пост главы британской экономической миссии в Аргентине и Бразилии. Вскоре он узнал о крахе на Нью-Йоркской бирже, который ознаменовал начало тяжелейшего в истории мирового экономического кризиса. Д'Абернон как экономист, управленец и дипломат не мог не откликнуться на это событие. В 1931 г. вышел его труд «Экономический кризис — его причины и пути выхода из него»¹⁸. В нем британский интеллектуал, опираясь на свой богатый опыт, дал интересный анализ причин кризисных явлений в экономике западных стран, политики различных государств по выходу из депрессии и предложил свои варианты решения проблемы.

В год назначения на пост главы британской экономической миссии в Аргентине и Бразилии д'Абернон возглавил также Королевский совет по исследованиям в области медицины. Интерес в этой сфере возник у виконта еще во время работы главой Комитета по контролю над оборотом алкоголя и был, в первую очередь, связан с изучением влияния алкоголя на организм человека. Работа в Королевском совете стала последней в государственной карьере виконта. Годы давали знать о себе все более, и в 1934 г. ввиду ухудшения состояния здоровья 77-летний д'Абернон покинул должность.

Говоря об этом английском разностороннем интеллектуале, невозможно не отметить еще одну его сторону — увлечение, переросшее в страсть, которую он пронес через всю жизнь — лю-

бовь к искусству. Схожие чувства разделяла и супруга виконта леди Элен. На поприще искусства д'Абернону также сопутствовало признание и успех. Британская культурная элита знала его как тонкого ценителя, знатока современного и древнего искусства (особенно английской живописи). Интеллектуала-виконта избрали членом правления престижных Национальной галереи Великобритании и Галереи Тейт. Кроме того, он получил назначение на пост председателя Королевской комиссии по национальным музеям и публичным галереям. Увлечение искусством у д'Абернона шло рука об руку с собирательством. В итоге он стал обладателем одной из крупнейших коллекций живописи. Правда, еще при жизни он разделил свое собрание: одну часть продал на аукционе «Кристис» в 1929 г.¹⁹, другую — подарил Национальной галерее Великобритании, Национальной галерее живописи в Вашингтоне и Йельскому центру британской живописи.

Виконт д'Абернон — блистательный интеллектуал, экономист, дипломат, лингвист и тонкий ценитель прекрасного ушел из жизни в ноябре 1941 г. в городе Хов графства Эссекс в возрасте восьмидесяти пяти лет. Все последние годы он страдал от гипостатической пневмонии и болезни Паркинсона. Его супруга леди Элен д'Абернон пережила мужа на тринадцать лет. У четы виконтов д'Абернонов не было детей, поэтому их династия прервалась со смертью леди Элен в 1954 г.

Примечания

- ¹ The Encyclopedia Britannica. L., 1956. Vol. 6. P. 968.
- ² Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 9—10.
- ³ The Encyclopedia Americana. N. Y., 1961. Vol. 8. P. 386.
- ⁴ Dale H. H. Edgar Vincent, viscount d'Abernon, 1857—1942 // Obituary notices of fellows of the Royal Society. 1942. Vol. 4. № 11. P. 84.
- ⁵ Johnson G. Lord Curzon and the appointment of lord d'Abernon as ambassador to Berlin in 1920 // Journal of Contemporary History. 2004. Vol. 39. № 1. P. 62.
- ⁶ Johnson G. The Berlin Embassy of d'Abernon, 1920—1926. Basingstoke ; N. Y., 2002. P. 36.
- ⁷ Rintoul M. C. Dictionary of real people and places in fiction. L., 1993. P. 919.

- ⁸ *Vincent H. Viscountess d'Abernon. Red Cross and Berlin Embassy, 1915—1926 : extracts from the diaries of viscountess d'Abernon. L., 1946.*
- ⁹ *Dale H. H. Op. cit. P. 84.*
- ¹⁰ *Meyers Neues Lexicon. Leipzig. 1972. Bd. 3. S. 252.*
- ¹¹ См.: *Dale H. H. Op. cit. P. 85.*
- ¹² *Д'Абернон. Посол мира. М., 1931. Т. 1. С. 51.*
- ¹³ *The Times. 1920. 2 July.*
- ¹⁴ Cited in *The Times. 1920. 2 July.*
- ¹⁵ *Д'Абернон. Указ. соч. Т. 1. С. 21.*
- ¹⁶ *Viscount d'Abernon E. V. German currency: its collapse and recovery, 1920-6 : the presidential address of the Right Hon : (delivered to the Royal Statistical Society, November 16, 1926). L., 1926.*
- ¹⁷ *Viscount d'Abernon E. V. An ambassador of peace. L., 1929—1930. Vol. 1—3.*
- ¹⁸ *Viscount d'Abernon E. V. The economic crisis: its causes and the cure. L., 1930.*
- ¹⁹ *Old Masters Bring \$646,500 in London // The New York Times. 1929. 29 June.*

С. С. Загребин

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО КАК ПОВОД ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

(Рецензия на книгу В. Филимонова)

Среди отечественной художественной интеллигенции особое место принадлежит кинорежиссеру Андрею Арсеньевичу Тарковскому (1932—1986). Судьба этого русского художника во многом трагична. Первый полнометражный фильм «Иваново детство» принес молодому режиссеру мировую известность и «Золотого Льва святого Марка» — главный приз венецианского кинофестиваля, но уже второй фильм — «Андрей Рублев» был «положен на полку» и вышел на широкий экран лишь спустя пять лет после закрытого премьерного показа. Руководство советским кино видело в фильмах Тарковского угрозу идеологическим устоям, называло его творчество «элитарным», далеким от интересов «простого народа». Фильмы «Солярис», «Зеркало», «Сталкер» подвергались резкой и несправедливой критике, «начальство» принуждало к исправлению отснятого материала, а неприимимость и бескомпромиссность режиссера, категорически отказывающегося уродовать свои фильмы, лишь раздражала кинобюрократов. Фарисейская риторика чиновников прикрывала их элементарную необразованность и профессиональную некомпетентность.

© Загребин С. С., 2011

Загребин Сергей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, научный консультант Челябинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Заслуженный работник культуры РФ. bk.ural@bk.ru

тентность. В трудной изнурительной борьбе режиссеру приходилось отстаивать право снимать кино, право на авторский замысел, право на выход фильма к зрителю.

Тарковский сделал всего семь полнометражных художественных фильмов, каждый из которых вошел в сокровищницу отечественного и мирового кино, а сам режиссер при жизни заслужил восторженные эпитеты «выдающегося» и «гениального». Высокая оценка его труда звучала на творческих встречах с научно-технической интеллигенцией, в многочисленных письмах от «простых» зрителей, от зарубежных кинематографистов, и лишь от немногих отечественных кинорежиссеров и кинокритиков. Практически каждый его фильм был удостоен нескольких престижных международных наград. «Совэкспортфильм» продавал право проката картин Тарковского по намеренно завышенным ценам, что, тем не менее, не останавливало западных продюсеров. Фильмы режиссера демонстрировались в лучших кинозалах Европы и Америки. На родине же они, как правило, получали «вторую категорию» и показывались во второстепенных кинотеатрах. Постоянное противостояние режиссера и бюрократических киноструктур отнимало время и силы от творчества, не давало возможности сосредоточиться на работе. Актом отчаяния можно назвать решение Андрея Тарковского покинуть родину и остаться на Западе. Два фильма — «Ностальгия» и «Жертвоприношение», снятые за границей, пронизаны любовью к России, неизбывной тоской по Отечеству. После кончины режиссера началось его постепенное возвращение на родину: в кинотеатрах стали проводиться ретроспективные показы фильмов, учреждаться именные кинофестивали и международные фонды, обустриваться музеи, издаваться книги, посвященные жизни и творчеству режиссера.

В данном контексте вполне естественным выглядит издание биографии Андрея Тарковского в некогда популярной книжной серии «Жизнь замечательных людей». Автором исследования «Андрей Тарковский. Сны и явь о доме»¹ выступил Виктор Петрович Филимонов — киновед, культуролог, учитель средней школы (пос. Достижение Владимирской области)². Думается, что акцент именно на данной проблематике во многом оправдан. В творчестве Андрея Тарковского особое место принадлежит воспоминаниям детства, в которых образ дома часто становится

ключевым для понимания общего замысла произведения. На высших режиссерских курсах Андрей Тарковский говорил своим слушателям о детских воспоминаниях, о том, что ему постоянно снится сон из детства: *«...снился один и тот же сон про место, где я родился. Снился дом. И как будто я туда вхожу, или вернее, не вхожу, а всё время кручусь вокруг него. Эти сны были страшно реальны»*³. Детские впечатления имели первостепенное значение в процессе самопознания и становления личности режиссера. Андрей Тарковский признавался киноведе Ольге Сурковой, что для него воспоминания детства есть *«...материал духовной жизни, залог ее разрастания и соединения с другими людьми»*, организуящими его судьбу⁴. Детство стало для будущего мастера и удивительным временем счастливого постижения Мира и серьезным испытанием — войной, голодом, уходом из семьи отца — поэта Арсения Александровича Тарковского. Мать Мария Ивановна Вишнякова всячески стремилась сгладить эти суровые трудности, отказалась от занятий поэтическим творчеством, от обустройства личной жизни, всю себя посвятив своим детям — Марине и Андрею. Жертвуя всем ради детей, Мария Ивановна воспитывала в них любовь и уважение к отцу, к его творчеству. Постигание пережитого стало главной темой исповедального фильма «Зеркало». В этом фильме образ дома выписан особенно рельефно, в нем — средоточие всего самого ценного, что осталось в жизни главного героя картины — Автора. Закадровый текст проникновенно исполняет актер Иннокентий Смоктуновский: *«Мне с удивительным постоянством снится один и тот же сон. Он будто пытается заставить меня непременно вернуться в те до горечи дорогие места, где раньше стоял дом моего деда, в котором я родился... И каждый раз, когда я хочу войти в него, мне всегда что-то мешает. Мне часто снится этот сон. Я привык к этому. И когда я вижу бревенчатые стены, потемневшие от времени, и полуоткрытую дверь в темноту сеней, я уже во сне знаю, что это мне только снится и непосильная радость омрачается ожиданием пробуждения. Иногда что-то случается, и мне перестает сниться и дом, и сосны вокруг дома моего детства, и тогда я начинаю тосковать. Я жду и не могу дожидаться этого сна, в котором я опять увижу себя ребенком и*

снова почувствую себя счастливым от того, что еще всё впереди, еще всё возможно»⁵.

Образ дома обрамляет всё творчество режиссера. Причем образ этот всегда трагичен, поскольку дом всегда воспринимается как безвозвратная утрата. В первом фильме Тарковского — «Иваново детство» — мы видим остов дома, разрушенного войной, в последнем фильме — «Жертвоприношение» — снова остов сожженного дома в сознательном акте ритуального очищения главного героя. В «Солярисе» добротный дом отца утрачивается главным героем — астронавтом, навсегда улетевшим на другую планету, в «Зеркале» отчий дом является главному герою лишь в сновидениях, в «Сталкере» — дом как таковой растворяется в метафоричном пространстве Зоны. Во всех фильмах образ дома, как правило, имеет символическое звучание. Это не только дом в своей предметной конкретности, обусловленной сюжетом кинокартины, но и нечто большее, имеющее метафоричное, символическое начало. Примечательно, что в творчестве Тарковского образ и символ сливались в особый художественный феномен. В своей книге «Запечатленное время» режиссер цитирует рассуждения Вячеслава Иванова о природе символа: *«Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намек и внушения неизлагаемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многословен и всегда темен в последней глубине... Он — органическое образование, как кристалл. Он даже некая монада — и тем отличается от сложного и разложимого состава аллегии, притчи или сравнения... Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом».* Здесь же Андрей Тарковский делает принципиальное замечание: *«то, что он называет символом, я отношу к образу»⁶.*

Разумеется, воспринимая кинофильмы Тарковского, не следует формально понимать их символическую природу, необходимо сохранять «непосредственность живого зрительского восприятия», поскольку на экране — живые, страдающие люди, проживающие свои трудные, порой трагические судьбы. Тарковскому удается соединить сильное эмоциональное воздействие своих картин и их пролонгированное интеллектуальное влияние на зрителя. Од-

нажды в дневнике режиссер записал: *«Самое важное — это символ, который не надо понять, а лишь чувствовать, верить, вопреки всему — верить... Мы распяты в одной плоскости, а мир многомерен. Мы это чувствуем и страдаем от невозможности познать истину... А знать не нужно! Нужно любить. И верить. Вера — это знание при помощи любви... Образ — это впечатление от Истины, на которую Господь позволил взглянуть нам своими слепыми глазами»*⁷. Причем важно подчеркнуть, что Тарковский отвергал нарочитый символизм в кино, образ и его символическое значение должны были иметь реалистическое воплощение. *«Чистота кинематографа, его незаимствованная сила проявляется не в символической остроте образов (пусть самой смелой), а в том, что эти образы выражают конкретность и неповторимость реального факта»,* — писал Тарковский⁸. Поэтому в его кинофильмах сокровенные смыслы ушли в глубь образной системы, проникли в самую ткань повествования.

Этот сокрытый символизм порождает множественность интерпретаций творчества режиссера. Достаточно назвать несколько сравнительно новых исследований⁹. Не раз Андрей Тарковский цитировал Гёте, который говорил, что *«прочсть книгу так же сложно, как ее написать»*. Более того, сам Тарковский стремился к многозначности зрительского восприятия своих картин. По его мнению, это являлось необходимым условием постоянного сотворчества художника и зрителя. В начале пути режиссер сформулировал для себя принцип недосказанности, который бы побуждал зрителя к размышлению. Он писал: *«Когда о предмете говорится не всё, остается возможность додумывания. Иначе конечный вывод преподносится зрителю готовым, безо всякой работы мысли. Доставшись зрителю без труда, такой вывод ему не нужен... Путь, по которому художник заставляет зрителя по частям восстанавливать целое и домысливать больше, чем сказано буквально, — единственный путь, ставящий зрителя на одну доску с художником...»*¹⁰ Подобный взгляд на кинематограф позволил Тарковскому создавать многомерные художественные произведения с глубокой смысловой наполненностью. Этим во многом объясняется и непонимание многих коллег по киноцеху и кинокритиков. Этим же можно объяснить и преклонение перед режиссером его единомышленников и тот интерес к

творчеству Тарковского, который увеличивается из года в год. Издаются сборники документов и воспоминаний, научные и научно-популярные статьи и монографии.

Основным источником реконструкции биографии Андрея Тарковского являются воспоминания близких людей. Сестра режиссера — Марина Арсеньевна Тарковская восстановила значимые факты родословной семьи, описала детские годы, важные события становления Андрея как личности в юности, рассказала о непростых отношениях с родными, друзьями и коллегами¹¹. Ее стараниями были собраны и изданы воспоминания об Андрее Тарковском¹². Свои воспоминания оставили и всемирно известные деятели кино: Тонино Гуэрра, Кшиштоф Занусси, Акира Куросава, Эрланд Юсефсон; актеры театра и кино: Донатас Банионис, Наталья Бондарчук, Николай Бурляев, Николай Гринько, Валентина Малявина, Маргарита Терехова, Олег Янковский, а также родные и друзья режиссера. Впоследствии многие воспоминания вошли в другие издания¹³. Материалы этих сборников отражают все основные периоды жизни и творчества Тарковского. Своими воспоминаниями поделился и режиссер Александр Витальевич Гордон — супруг Марины Арсеньевны и сокурсник Андрея Арсеньевича Тарковского¹⁴. В своей книге Гордон поведал о годах учебы во ВГИКе, о совместной работе с Тарковским над первыми учебными фильмами, об отношениях с учителями и сокурсниками, о бесчисленных бытовых и профессиональных трудностях, которые приходилось преодолевать Андрею Тарковскому.

Особо следует отметить работы киноведа Ольги Сурковой¹⁵. Так вышло, что юная студентка киноведческого факультета ВГИКа оказалась на практике в киноэкспедиции Андрея Тарковского, снимавшего фильм «Андрей Рублёв». Первое знакомство переросло в дружбу, длившуюся более двадцати лет и досадно прервавшуюся по стечению как объективных, так и субъективных обстоятельств. Судьба сводила Тарковского и Суркову порой в самые критические и судьбоносные моменты жизни режиссера, причем не только в России, но и в Италии, Франции, Америке. Уникальность книг Ольги Сурковой состоит в том, что они созданы на основе огромного массива дневников автора, записей с киносъемок, магнитофонных записей бесед с режиссером на самые разные темы — от бытовых до философских, зафиксировав-

ших с почти документальной точностью само течение жизни мастера, эволюцию его мировоззрения. Важно и то, что Ольга Суркова долгие годы работала с Андреем Тарковским над созданием «Книги сопоставлений», в которой откладывались размышления художника о специфике кино как особого вида искусства, обобщался его личный творческий опыт, переплавлявшийся в развернутую теоретическую систему. Книга задумывалась и составлялась как полноправный диалог кинорежиссера и кинокритика, в котором кинокритик в определенной степени являлся и соавтором режиссера в процессе теоретического обобщения выработанных и апробированных режиссером на практике идей. Однако, в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, совместная работа завершена не была. Сейчас как на Западе, так и в России издаются ее различные редакции под разными названиями — «Книга сопоставлений» или «Запечатленное время», выходит она и как совместный труд и под именем одного автора. В любом случае, эта книга Андрея Тарковского, написанная с участием Ольги Сурковой, является бесценным информативным источником, наряду с недавно изданным дневником режиссера¹⁶.

Судьба дневника Андрея Тарковского, названного им самим пророчески трагично «Мартиролог», также во многом трудна и в чем-то таинственна. Русское издание увидело свет лишь в 2008 году благодаря Международному институту имени Андрея Тарковского¹⁷. Зарубежные публикации дневниковых записей режиссера появились гораздо раньше. Многие исследователи, сравнивая различные издания, обнаруживают расхождения в тексте и существенные сокращения отдельных сюжетов. Например, детальное сравнение немецкого и русского издания провел Николай Болдырев, один из первых отечественных биографов художника¹⁸. В любом случае, дневник режиссера, при всех имеющихся сокращениях, является бесценным информативным источником, в котором отразились как факты личной жизни, так и размышления над бытийными и творческими проблемами. При определенном навыке критической работы с письменными источниками каждый исследователь способен извлечь из дневников достаточно большой объем информации, в том числе и скрытой.

Перечисленный массив информационных источников сегодня является во многом универсальным для реконструкции жиз-

ни Андрея Тарковского. Этими и некоторыми другими ресурсами, в том числе интервью режиссера, опубликованными в разные годы в журнале «Искусство кино», пользовался Виктор Филимонов при подготовке своего исследования «Андрей Тарковский. Сны и явь о доме». Следует отметить, что автор весьма бережно использует источники, корректно их цитирует и комментирует. Это особенно важно, поскольку многие персонажи книги — ныне здравствующие известные деятели культуры, а недавно ушедшие персонажи тесно связаны с современностью. Эти переплетения судеб необходимо было показать, по возможности, объективно, что в целом автору удалось сделать. Главным достоинством книги Виктора Филимонова является попытка выстроить биографию Андрея Тарковского по двум основным линиям: частной жизни и публичного творчества, причем автор сумел показать драматичное противоречие и порой противостояние этих двух составляющих судьбы режиссера.

Книга Виктора Филимонова композиционно состоит из трех частей. В первой части повествуется о начале жизненного и творческого пути Тарковского. Кратко очерчиваются образы отца и матери режиссера, описывается время учебы и профессионального становления, анализируются ранние фильмы: дипломный «Каток и скрипка» и полнометражный «Иваново детство». Во второй части рассматривается процесс создания «Андрея Рублёва», «Соляриса», «Зеркала». Эти три фильма осмыслены автором в русле его концепции, его видения творчества режиссера. Третья часть объединяет материал о съемках «Сталкера», «Ностальгии», «Жертвоприношения» и предлагает авторский взгляд на интерпретацию заложенных в этих фильмах смыслах. Подобная композиция книги раскрывает исследовательскую концепцию всего творчества мастера. Так, первый этап был впитыванием природного и семейного духа, это первые попытки познания окружающего мира и его художественного переосмысления; второй этап стал временем самоопределения личностного и творческого; и наконец, третий этап явился апогеем реализации призвания, осуществления духовной миссии. Конфликтную магистраль биографии Андрея Тарковского автор прочитывает как «сопряжение поступка материальной жизни (строит дом) с поступком духовного творчества (готовит его к жертве)». Автор стремится пока-

зять противоборство названных сил, «обнажив их живое взаимодействие в единстве и противоречиях личности художника»¹⁹. Действительно, биография Андрея Тарковского, как любого великого художника, пронизана этим глубинным и трагичным противоречием между повседневностью частной жизни и уникальностью творческого созидания.

Пожалуй, этим замечанием мы ограничимся в оценке концепции Виктора Филимонова и вполне сознательно откажемся от какой бы то ни было дискуссии с автором, поскольку основное значение данной книги состоит в приращении многообразия интерпретаций, приложимых к творчеству Андрея Тарковского. Именно это было важно для самого режиссера, который, размышляя о причинах неоднозначности восприятия художественного произведения, отмечал: *«Невозможно претендовать на объективность своей точки зрения, своей оценки. Некая лишь относительно объективная возможность оценки пропускает через разнообразие интерпретаций... Произведение искусства обретает свою особую изменчивую и разнообразную жизнь в множественности приложимых к нему суждений, часто обогащающих его и дающих некоторую дополнительную объемность существования»*²⁰.

Итак, в книге Виктора Филимонова особое место занимает рефлексия над Образом Дома в биографии и творчестве Андрея Тарковского. Феномен Дома автор трактует, опираясь на базовые определения В. И. Даля и Б. А. Рыбакова, прежде всего как место «частного существования человека», включающее помимо некоего строения еще и культурное назначение, персонифицированное в семье, роде, связи поколений, культурной традиции, как ментальную архетипическую конструкцию, имеющую магическо-символическое значение, отражающую основные стихии мироздания — воду, огонь, землю, небо. Всё это делает Дом оберегом и способом общения с внешним миром. По мнению Виктора Филимонова, уделом российской исторической памяти была тоска по Дому, выраженная в теме «исконного русского сиротства» и «бездомного странничества», отраженных в русской литературе XIX—XX вв. В советской же «коммунальной реальности» данная тенденция во многом усилилась и превратилась в особый способ «бездомной» жизни, в отчуждение личности от права на частную

жизнь, на личное пространство индивидуального Дома. По убеждению автора, в советском кино утвердилась тема «несостоявшегося возвращения нашего соотечественника домой»²¹. Для демонстрации данного тезиса Виктор Филимонов предпринимает попытку сравнительного анализа творческой специфики трех отечественных кинематографистов — Василия Шукшина, Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского.

В книге отмечается, что в первые десятилетия своего развития советское кино не интересовалось частным жилищем человека, лишь в послевоенное время идея Дома стала пробиваться в кинематографе, но не столько как реальное пространство жизни, сколько как желанная и недостижимая мечта. Так, в творчестве Шукшина тоска по Дому акцентируется невозможностью достижения заветного пристанища. Главный герой «Калины красной» Егор Прокудин гибнет «на пороге нового, неизведанного жизнеустройства». Исходной точкой становления художественных миров Шукшина и Тарковского становится «материнское лоно (нутро природы)», в генетической памяти первого — это «предмет трудовых усилий, источник существования», в мистическом опыте второго — это жертвенный путь к «дому небесному». В творчестве Тарковского та же тоска по Дому, в которой «материнское начало — низовое, природное, земное... фатально отделено от отцовского — духовного, культурного». Вот и главный герой «Зеркала» — Повествователь гибнет от истощенности «духовного дома культуры» и невозможности войти в «природный дом детства». У Кончаловского иные культурные ориентиры, основанные на старинных домовых аристократических традициях. В его фильме «Романс о влюбленных» «общинный мир двора и дома» предстает как «инобытие Страны, Государства». Главный герой картины — Сергей Никитин проходит путь трансформации «мировидения советского человека», совершает трагедийный переход «от коллективистских ценностей к ценностям частного бытия»²². Эта общая для советского человека тенденция нашла выражение в одном из главных «биографических» конфликтов Андрея Тарковского.

Детство будущего режиссера прошло в коммунальной квартире, поэтому в воспоминаниях фигурирует не это убогое жилище, а добротный дедовский дом, утраченный, оставшийся

как мечта. Не потому ли, уже в зрелые годы, Тарковский, получив пять комнат в новом мосфильмовском доме, неустанно строит свой собственный деревенский дом, пытаясь придать ему сходство с образом Дома детства. Не потому ли создает вторую семью, полагая, что новая супруга окажется воплощением его идеала «простонародной Венеры». В книге Виктора Филимонова очень корректно и сдержанно описаны все семейно-бытовые перипетии в жизни Андрея Тарковского; избегая односторонних оценок, автор пунктирно обозначает лишь те фрагменты частной жизни режиссера, которые напрямую связаны с творчеством. Так, в книге детально прослежено это глубинное противоречие между стремлением обустроить свой быт, построить надежный Дом личного бытия и невозможностью сделать это с теми людьми и в том пространстве, которое имеется как данность. Крах всех личных усилий по домоустроению выражается в творчестве как сознательный отказ персонажей фильмов от «бытового дома» и поиск «дома бытийного».

Этот тяжкий путь переосмысления себя, по мнению Виктора Филимонова, герои фильмов Тарковского проходят по единому алгоритму, открытому М. Бахтиным в феномене мениппеи. В этом жанре смело сочетаются стихи и проза, философские рассуждения и фантастические ситуации, а многоплановость повествования соединяет «высокие» (исторические, философские, библейские) и «низкие» (бытовые, повседневные) пласты. В результате проводится мысль о «незавершенности-несовершенстве» мира и человека. Сюжет мениппеи — испытательное странствие мудреца в трех мирах: преисподней, на земле и на небе, но главное испытание той «правды о мире», носителем которой является странствующий мудрец. Герой Тарковского, пройдя этот путь испытаний, произносит проповедь, за которой следует акт жертвоприношения²³. Данная схема во многом формализует сюжеты практически всех фильмов Андрея Тарковского и дает автору книги возможность для новых смысловых интерпретаций. Рассмотрим это лишь на одном примере.

Виктор Филимонов, анализируя фильм «Андрей Рублёв», обозначает катастрофу художника в социальной среде в качестве главного конфликта картины. Этот конфликт напрямую связан как с главным героем, так и с «второстепенными» персонажа-

ми — избитым скоморохом, ослепленными камнерезами, бесприютным юным колокольным мастером, да и с самими монахами-иконописцами, терпящими нужду и лишения вместе с простым людом. При этом и покорное молчание народное, и немота блаженной, и обет безмолвия Рублёва трактуются автором не как «духовная стагнация», но как «обремененность смыслом». Сопоставляя сценарий и фильм, Филимонов отмечает, что в сценарии «художник впитывает трагизм происходящего, несет его как груз личной вины», а «итог испытательного пути дан как восхождение народа-природы-художника (духа) к единому неделимому дому, к национальному семейному целому», воплощенному в знаменитой «Троице». В фильме же «Рублёв ведет своего зрителя к высшей гармонии с мирозданием» и «чем ужаснее жизнь, тем значимее проникновение художника в божественную тайну бытия». Виктор Филимонов отчасти солидаризируется с Григорием Померанцем, который полагает, что в фильме «раскрыть источник рублёвских ликов не удалось», а в «Андрее Рублёве» видит «путь интеллигента, со всеми ошибками и промахами». Филимонов называет свою версию идеи фильма, заключающуюся в неостижимости «скачка» из обыденности к горным высям творчества. Так художник силой творческого таинства «создает свой независимый от наличной реальности мир, никак не вытекающий из нее, а формирующийся под воздействием неостижимых импульсов, исходящих от высших сил», чем и определяется божественная красота и гармония иконописных ликов. Филимонов подчеркивает, что в фильме показано, как художник «движется сквозь искореженную... плоть земли... к дому небесному как единственному своему пристанищу»²⁴. Жизненный путь самого Андрея Тарковского во многом созвучен с экранными странствиями иконописца. Более того, в книге Филимонова проводятся аналогии жизни и творчества режиссера, при которых отдельные совпадения кажутся подчас мистическими. Более прозаичен другой сюжет биографии мастера, а именно — противостояние чиновникам от кинематографа.

В книге достаточно подробно изложен и убедительно раскрыт механизм противоборства художника как самодостаточной личности и бюрократической безличной системы. Виктор Филимонов подчеркивает, что «противостояние художника и совет-

ской бюрократии заключалось не в разности идейных позиций»; система как анонимное и безличное образование отвергала художника, прежде всего, как индивидуальность. Соответственно, «взаимопонимание здесь никогда не было возможно»²⁵. Наверное, путь большого мастера всегда есть личное индивидуальное усилие, порождающее как у Тарковского «духовно-материальное событие», утверждающее «подвиг жертвенных страданий и испытаний во имя духовного спасения». Исповедуя подобные принципы, развивая их в творчестве, художник неизбежно обрекает себя на одиночество. Филимонов на страницах своей книги не раз обращается к описанию «круга» режиссера, размышляет над спецификой отношений Тарковского с творческой интеллигенцией. В отличие от «анонимной» бюрократии, интеллигенция всегда была персонифицирована, а художественная интеллигенция отличалась ярко выраженным личностным началом. И тем не менее «круг» Тарковского постоянно сужался до семьи и киногруппы отдельного фильма. Подобная логика развития судьбы была во многом заложена самим режиссером. Филимонов полагает, что «проповеднический пафос» Тарковского говорит о том, что режиссер осознанно взялся за «роль гения-мессии», что постепенно и неуклонно менялось его отношение к самому творческому процессу²⁶. По мнению автора, в определенный момент режиссер стал воспринимать искусство как религию, а творчество как проповедь.

Виктор Филимонов, анализируя фильм «Сталкер», приходит к убеждению, что в этом произведении «Тарковский кричит о себе», именно в этом фильме происходит «откровенное обнажение духовной биографии автора», а «нравственные муки, отчаяние Тарковского раскрываются с простодушием и полнотой, вызывающей чувство искреннего сострадания»²⁷. Филимонов в известной степени отождествляет главного героя — Сталкера с самим режиссером, испытывающим в этот период своей жизни глубокий духовный кризис. Эти терзающие художника сомнения, по мнению автора книги, выплескиваются на экран в форме «мучительной исповедальности». В этой связи вспоминаются горькие слова из дневника Андрея Тарковского: *«Жизнь моя всё-таки не задалась: дома у меня по существу нет. Есть сборище людей, посторонних друг другу, не понимающих друг друга... Как я хо-*

*тел, чтобы у нас был дом, да и старался, чтобы так было: но все тщетно. Все тянули каждый в свою сторону, как в известной басне... Я чувствую себя совершенно чужим в этом сарае, где я никому не нужен...»*²⁸ В фильме этот мучительный конфликт преодолевается, ибо сам Сталкер «перетаскивает общий дом Зоны в свое частное жилище», так происходит «возвращение домой и превращение дома». Но у Сталкера остается неуверенность в востребованности своей миссии. Филимонов видит в этом страдания самого режиссера, терзаемого сомнениями «праведно и правильно ли жертвовать всякий раз, отправляясь в художественное странствие, бытом для Бытия, домом земным для дома... небесного?». И более того, насколько эта жертва достигает главной цели, насколько выполнима миссия художника. Вопрос далеко не риторический, поскольку именно после «Сталкера» режиссер навсегда покидает Отечество.

За рубежом Андрей Тарковский снял всего два фильма: «Ностальгия» и «Жертвоприношение». Эти работы не приняли многие почитатели его творчества. Кинокритик Майя Туровская увидела в «Ностальгии» смену художественной парадигмы: переход «от исповеди к проповеди», выраженный в уходе режиссера от «запечатления времени» к «осознанию мессианской роли художника в мире», а в итоге превращение «поэта» в «моралиста»²⁹. Киновед Ольга Суркова весьма категорично заявила, что, по ее мнению, «Жертвоприношение» является «мертворожденным созданием вследствие неукорененности его в чужой почве», а саму атмосферу картины она назвала «иссушенной». По мнению Сурковой, зарубежный опыт Тарковского подтвердил, что «авторского интернационального искусства не существует», что в фильме присутствуют не столько живые люди, сколько «персонажи: не русские, не шведы... но только какие-то выморочные носители авторских идей»³⁰. Сокурсник Андрея Тарковского и соавтор сценариев его первых фильмов Андрей Кончаловский, размышляя о неудачном западном опыте другого славянского режиссера — Кустурицы, весьма точно отметил, что «нельзя втискивать поведение одной нации в ментальность другой». Нечто подобное, а именно — «неукорененность» просматривается и в западных фильмах Тарковского, пронизанных русским духом, но выраженных в иноземной культурной традиции. Причины же «иссушен-

ности» Кончаловский видит в сознательной смене эстетических приоритетов, вспоминая разговор с Занусси, когда Тарковский сказал, что «в картине по-настоящему религиозной не должно быть чувства — должен быть дух». Кончаловский по этому поводу говорит: «...дух лишен пола... он надмирен, холоден, лишен темперамента — душа же тепла. Духовность и душевность часто путают. Это вещи разные. Андрей стал сознательно вытравлять в своих картинах душевность — они стали духовные»³¹.

Виктор Филимонов видит в этих творческих трансформациях проявление осознанного личного выбора режиссером своей судьбы: «Телом и душой влекущийся к семейному дому, Тарковский сам тем не менее сбрасывает с себя эту нелегкую ношу повседневности, отсекает возможность фактического возвращения», художник отказывается «от дома материального, земного... он весь поглощен “домом культуры”, своим творчеством... но, обживая свой духовный дом, он обнаружил и его катастрофическую обреченность», выходом из которой становится акт личного жертвоприношения, которое состоялось как «эстетический подвиг художника». Соответственно и зритель, по мнению автора книги, воспринимая фильмы Андрея Тарковского, должен «пробиваться сквозь эсхатологическую символику к подробностям личного апокалипсиса художника»³², для того чтобы почувствовать судьбу режиссера и понять его духовную миссию как художника.

Книга Виктора Филимонова во многом ориентирована на читателя, хорошо знакомого с творчеством и биографией Андрея Тарковского. Такому читателю будет интересно, прежде всего, понять концептуальные идеи автора книги, которые задают новые алгоритмы познания феномена Тарковского. Тем же, кто вместе с книгой будет впервые знакомиться с творчеством всемирно известного режиссера, будет интересно обратиться к первоисточнику, то есть к фильмам и текстам самого Андрея Тарковского. В этом видится, безусловно, положительное гуманитарное значение книги Виктора Филимонова «Андрей Тарковский. Сны и явь о доме».

Примечания

- ¹ *Филимонов В. П.* Андрей Тарковский : сны и явь о доме. М., 2011.
- ² Медиа-архив «Андрей Тарковский» : новости сайта. URL: <http://www.tarkovskiy.su/novosti.html> (дата обращения: 14.05.2011).
- ³ *Тарковский А.* Уроки режиссуры. М., 1992. С. 28.
- ⁴ *Суркова О.* Тарковский и Я. М., 2002. С. 44.
- ⁵ Зеркало : фильмы Андрея Тарковского. М., 2005. (1 электрон. опт. диск DVD).
- ⁶ *Тарковский А.* Запечатленное время // Андрей Тарковский : Архивы. Документы. Воспоминания. М., 2002. С. 213.
- ⁷ *Тарковский А.* Мартиролог : дневники, 1970—1986. Флоренция, 2008. С. 194, 196.
- ⁸ *Тарковский А.* Запечатленное время. С. 173—174.
- ⁹ *Евлампиев И. И.* Художественная философия Андрея Тарковского. СПб., 2001 ; *Болдырев Н.* Сталкер или Труды и дни Андрея Тарковского. Челябинск, 2002 ; *Загребин С. С.* Культурные коды визуальных образов в творчестве кинорежиссера Андрея Тарковского // Рациональность и вымысел. СПб., 2003. С. 147—148 ; *Загребин С. С.* Гуманизм как основа философии кинорежиссера Андрея Тарковского // Наука. Общество. Человек. М., 2004. С. 388—392 ; *Сальвестрони С.* Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура / пер. с ит. М., 2007 ; *Сагатчук С.* Экранный мир и поэтическое слово Андрея Тарковского как эстетический феномен // Культурология : дайджест. М., 2008. № 2. С. 174—186 ; *Салынский Д. А.* Киногерменевтика Андрея Тарковского. М., 2010 ; *Перепелкин М. А.* Слово в мире Андрея Тарковского : поэтика *иносказания*. Самара, 2010 ; и мн. др.
- ¹⁰ *Тарковский А.* Когда фильм окончен : говорят режиссеры «Мосфильма». М., 1964. Вып. 4. С. 144, 146.
- ¹¹ *Тарковская М. А.* Осколки зеркала. М., 2006.
- ¹² О Тарковском / сост. М. Тарковская. М., 1989 ; О Тарковском : воспоминания : в 2 кн. / сост. М. Тарковская. М., 2002.
- ¹³ Андрей Тарковский : юбилейный сборник. М., 2002 ; Ностальгия по Тарковскому. М., 2007.
- ¹⁴ *Гордон А. В.* Не утоливший жажды : об Андрее Тарковском. М., 2007.
- ¹⁵ *Суркова О.* Тарковский и Я ; *Она же.* С Тарковским и о Тарковском. М., 2005.
- ¹⁶ *Тарковский А.* Запечатленное время. С. 95—348.
- ¹⁷ *Тарковский А.* Мартиролог.
- ¹⁸ *Болдырев-Северский Н.* Многострадальная книга Тарковского. URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/martirolog/Boldyrev01.html> (дата обращения: 19.05.2011) ; *Болдырев Н.* Сталкер или Труды и дни Андрея

Тарковского ; *Он же*. Жертвоприношение Андрея Тарковского. М., 2004.

¹⁹ *Филимонов В. П.* Указ. соч. С. 8.

²⁰ *Тарковский А.* Запечатленное время. С. 142.

²¹ *Филимонов В. П.* Указ. соч. С. 33, 34, 252.

²² Там же. С. 255, 270, 271, 273, 276.

²³ Там же. С. 179, 197.

²⁴ Там же. С. 155, 185—186.

²⁵ Там же. С. 166.

²⁶ Там же. С. 192.

²⁷ Там же. С. 314, 324.

²⁸ *Тарковский А.* Мартиролог. С. 328.

²⁹ *Туровская М. И.* Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. М., 1991. С. 149.

³⁰ *Суркова О.* Тарковский и Я. С. 284.

³¹ *Кончаловский А. С.* Низкие истины : семь лет спустя. М., 2006. С. 305, 395.

³² *Филимонов В. П.* Указ. соч. С. 378, 425, 433.

АННОТАЦИИ

Чугунова Т. В. Просветительская деятельность антиковедов и воспитание отечественной интеллигенции в России во второй половине XIX — начале XX в.

Ключевые понятия: просветительство, антиковеды, интеллигенция, воспитание, классическое образование, наука об античности.

Рассматривается распространение знаний об античности в России во второй половине XIX — начале XX в. в контексте развития исторической науки, образования, общественной мысли, в центре которого находились антиковеды — специалисты в области знаний об античном мире.

Соловьёв А. А. Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, губернская ученая архивная комиссия, краеведение, книжные памятники, научные труды, Ярославская губерния.

Рассматривается деятельность научной интеллигенции на примере членов Ярославской губернской ученой архивной комиссии. На основе печатных трудов комиссии и архивных материалов показана роль интеллигенции по развитию регионального краеведения и сохранению книжных памятников, ценных научных изданий и документов по истории Ярославского края. Особое внимание уделено наиболее ярким представителям ярославской научной интеллигенции.

Золотарёв О. В. Интеллигенция Советской России в нэповские годы

Ключевые понятия: советская интеллигенция, государственная политика по отношению к интеллигенции, уровень жизни.

Предпринята попытка анализа общественно-политической обстановки 1920-х гг. в Советской России. Рассматриваются вопросы государственной политики по отношению к интеллигенции, ее формы, методы и изменения, вскрываются причины данных перемен.

Околотин В. С. Обоснование продуктообмена как модели национальной экономики в работах советской научной интеллигенции (1930—1932)

Ключевые понятия: научная интеллигенция, концепция продуктообмена, советские экономисты, «борьба с вредительством», национальная экономика, налоги.

Рассматривается проблема формирования концепции продуктообмена в трудах советских экономистов. Показано влияние политики партии и государства, воли И. В. Сталина, дискуссий и противоречий внутри самой научной интеллигенции на формирование этой теории.

Ковалева С. В. Формирование интеллигентности: онтологический аспект

Ключевые понятия: интеллигентность, сущность, разумность, сознание, бытие, формирование.

Рассматривается процесс формирования человека в качестве интеллигента, который характеризуется способностью интеллектуально, духовно-нравственно определять, конституировать субъективно-теоретическую и утилитарно-потребительскую деятельности сознания.

Иванова Н. К. Русская языковая личность: опыт исследования орфографии (по материалам анкетирования научно-педагогической интеллигенции)

Ключевые понятия: научно-педагогическая интеллигенция, языковая личность, речевой портрет, орфография, письменный узус, анкетирование.

Рассматриваются некоторые актуальные проблемы изучения русской языковой личности с учетом ее письменной практики и особенностей орфографии. На основе проведенного автором анкетирования

представителей научно-педагогической интеллигенции делаются выводы о личной оценке ее орфографии, отношении вузовских преподавателей к социально-значимым проблемам письма в российском обществе. Делается вывод о правомерности считать культуру письменной и устной речи одной из существенных характеристик интеллигенции.

Сайтанов С. В. Становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период доанархического реформизма (1842—1876)

Ключевые понятия: П. А. Кропоткин, ученый, наука, интеллигенция, биография.

Рассматриваются этапы становления личности П. А. Кропоткина, выявляются факторы, оказавшие влияние на формирование его мировоззрения. Особое внимание автор уделяет вкладу Петра Алексеевича в развитие отечественной и мировой науки. Делается попытка охарактеризовать его личностные качества с точки зрения интеллигентоведения.

Смирнов Д. А. Сомнение как социальная позиция и научный принцип современного западного интеллектуала

Ключевые понятия: Франкфуртская школа, интеллектуал, критика, сомнение.

Рассматривается проблема определения современного западного интеллектуала, которой в XX в. особое внимание уделила Франкфуртская школа социальных исследований. Ее представители при анализе общества указывали на роль интеллектуала, сомневающегося и активно критикующего «одномерного человека» (Г. Маркузе), обращали внимание на политизированного интеллектуала (В. Беньямин), «способного первым почуять нечто важное» (Ю. Хабермас).

Сорокин Н. Д. Эдгар Винсент, виконт д'Абернон — интеллектуал, лингвист, экономист, управленец, дипломат (1857—1941)

Ключевые понятия: интеллектуал, интеллигент, дипломатия, д'Абернон, Великобритания, Германия.

Исследуется внешнеполитическая деятельность выдающегося британского интеллектуала виконта Эдгара Винсента д'Абернона, имя которого практически неизвестно отечественной историографии, в контексте самосознания английской интеллигенции конца XIX — начала XX века.

Chugunova T. V. Enlightenment activity of antiquity specialists and education of home intelligentsia in Russia in the end of the XIX — the beginning of the XX century

Key-notions: enlightenment, antiquity specialists, intelligentsia, education, classical education, antiquity science.

The article shows the spread of knowledge about antiquity in Russia in the end of the XIX — the beginning of the XX century in the context of the development of the history science, education, public thought, in the center of which there were antiquity specialists — specialists in the sphere of knowledge of antique world.

Solovyov A. A. Scientific intelligentsia of Yaroslavl province in the case of preservation of the old time books and the development of the study of local lore of the region in the end of the XX — the beginning of the XX century

Key-notions: intelligentsia, province scientific archive committee, study of local lore, book monuments, scientific works, Yaroslavl province.

The article shows the activity of scientific intelligentsia with an example of the members of Yaroslavl provincial scientific archive committee. On the basis of printed works of the committee and the archive materials the role of intelligentsia in the development of the regional study of local lore and preservation of book monuments, precious scientific publications and documents on the history of Yaroslavl region, is shown by the author. Special attention is paid to the most prominent representatives of Yaroslavl scientific intelligentsia.

Zolotaryov O. V. Intelligentsia of Soviet Russia in the New Economic Policy period

Key-notions: Soviet intelligentsia, governmental policy towards intelligentsia, level of life.

The author tries to analyze social political environment in the 1920-s in Soviet Russia. The problems of governmental policy towards intelligentsia, its forms, methods and changes are discussed. The reasons of these changes are shown by the author.

Okolotin V. S. Substantiation of product exchange as a model of national economy in the works of the Soviet scientific intelligentsia (1930—1932)

Key-notions: scientific intelligentsia, concept of product exchange, Soviet economists, «struggle with sabotage», national economy, taxes.

The article shows the problem of product exchange concept formation in the works of the Soviet economists. The influence of the Party and the government policy, the will of I. V. Stalin, discussions and contradictions inside the scientific intelligentsia itself on the formation of this theory are shown by the author.

Kovalyova S. V. Formation of intelligence: ontological aspect

Key-notions: intelligence, essence, rationality, consciousness, existence, formation.

The article shows the process of human formation as an intelligent that is characterized by the ability to define in intellectual and spiritually-moral way, to constitute subjective-theoretical and utilitarian-consuming activity of consciousness.

Ivanova N. K. Russian linguistic personality: the experience of spelling research (on the materials of questioning the scientific pedagogical intelligentsia)

Key-notions: scientific pedagogical intelligentsia, linguistic personality, speech portrait, spelling, written usage, questioning.

Actual problems of the study of Russian linguistic personality taking into account its written practice and peculiarities of spelling are shown in the article. On the basis of questioning of the representatives of scientific pedagogical intelligentsia the author makes conclusions about the personal estimation of its spelling, about the attitude of university teachers to the socially

important problems of writing in the Russian society. The conclusion about the legitimacy of analyzing the culture of written and oral speech as one of the essential characteristics of intelligentsia is made is by the author.

Sajtanov S. V. Formation of P. A. Kropotkin as Russian scientist and intelligentsia member in the period of pre-anarchic reformism (1842—1876)

Key-notions: P. A. Kropotkin, scientist, science, intelligentsia, biography.

The periods of personality formation of P. A. Kropotkin, the factors that influenced his outlook formation are shown in the article. Special attention is paid to P. A. Kropotkin's contribution to the development of home and world science. The author tries to characterize his personal qualities from the point of view of intelligentsia studies.

Smirnov D. A. Doubt as a social position and scientific principle of a contemporary Western intellectual

Key-notions: Frankfurt school, intellectual, criticism, doubt.

The article shows the problem of defining the contemporary Western intellectual that was thoroughly studied by Frankfurt school of the social research in the XX century. Analyzing society its representatives pointed out the role of intellectual that doubted and actively criticized «one-dimensional person» (G. Markuze), pointed out the politicized intellectual (V. Benjamin), «that was able to see the important thing» (Y. Habermas).

Sorokin N. D. Edgar Vincent, viscount d'Abernon — intellectual, linguist, economist, manager, diplomat (1857—1941)

Key-notions: intellectual, intelligentsia member, diplomacy, d'Abernon, Great Britain, Germany.

The author studies the foreign policy activity of the outstanding British intellectual viscount Edgar Vincent d'Abernon, whose name is almost unknown to the home historiography in the context of self-consciousness of English intelligentsia in the end of the XIX — the beginning of the XX century.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Корнилов А. А.</i> Российская интеллигенция и мир перемещенных лиц стран Европы	1
<i>Сибиряков И. В.</i> Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века	1
<i>Чугунова Т. В.</i> Античность и тип интеллигентной личности	1

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Аржаных Т. Ф.</i> Отечественная интеллигенция 1830—50-х годов: особенности социального статуса и поведенческой парадигмы	3
<i>Волков В. С.</i> Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов	3
<i>Ермушин М. В.</i> Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы НЭПа: проблема взаимоотношений	1
<i>Золотарёв О. В.</i> Интеллигенция Советской России в нэповские годы	4
<i>Зябликов А. В.</i> Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905—1907 гг.	2
<i>Каццола П.</i> К 150-летию объединения Италии. Гарibaldi и Мадзини в воспоминаниях Герцена (<i>Перевод Н. В. Ревякиной</i>)	3
<i>Комиссаров В. В.</i> Интеллигенция и фантастика под партийно-идеологическим контролем в 1960—80-е гг.	3
<i>Кузьмина В. М.</i> Формы участия творческой интеллигенции в социально-экономической жизни советского общества на этапе форсированной индустриальной модернизации	3
<i>Никонов О. А.</i> Профессионально-образовательные контакты с Россией в свете формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX — начало XX в.)	2

1	2
---	---

<i>Околотин В. С.</i> Обоснование продуктообмена как модели национальной экономики в работах советской научной интеллигенции (1930—1932)	4
<i>Павлова Т. В.</i> Самоорганизация общества глазами русской интеллигенции конца XIX — начала XX в.	1
<i>Смирнова О. А.</i> «Собрание экономистов» как опыт социальной активности научной интеллигенции в России на рубеже XIX—XX столетий	3
<i>Соловьёв А. А.</i> Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века	4
<i>Чердникава А. Ю.</i> Женские немецкие общественные организации в советской оккупационной зоне: к вопросу о формировании новой «идеологической интеллигенции» (1945—1949 гг.)	2
<i>Чугунова Т. В.</i> Просветительская деятельность антиковедов и воспитание отечественной интеллигенции в России во второй половине XIX — начале XX в.	4

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Уваров И. А.</i> Рождение военной интеллигенции России (Пажеский корпус)	3
---	---

ФИЛОСОФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Ковалёва С. В.</i> Формирование интеллигентности: онтологический аспект	4
--	---

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Баженов А. М., Мартынова Т. М.</i> Интеллигенция как участник модернизации российского общества	2
<i>Иванова Н. К.</i> Русская языковая личность: опыт исследования орфографии (по материалам анкетирования научно-педагогической интеллигенции)	4
<i>Юшкова-Борисова Ю. Г.</i> Новые аспекты взаимовлияния российской интеллигенции и общества	2

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Костриков С. П.* П. И. Шелков — организатор коммерческого и управленческого образования 3
- Сайтанов С. В.* Становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период доанархического реформизма (1842—1876) 4
- Смирнов Д. А.* Интеллигенция Советской России (конца 20-х — начала 30-х гг. XX в.) глазами немецкого интеллектуала 1
- Смирнов Д. А.* Сомнение как социальная позиция и научный принцип современного западного интеллектуала 4

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Возилов В. В.* Проблема подражания Европе в спорах русских интеллигентов XIX века 2
- Ефименко О. К.* Некоторые вопросы историографии деятельности советской художественной интеллигенции Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) 2

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Волкова Т. И.* Роль земской либеральной интеллигенции в изменении исторического облика российской провинции 3
- Костякова Ю. Б.* Вклад советской интеллигенции в формирование лидеров общественного мнения в 1930-е гг. (на примере Хакасии) 3
- Федотов А. А.* Роль научной интеллигенции в формировании гражданского общества в современной России (на примере Ивановской области) 3

ДИСКУССИЯ

- Ишимская Е. В.* Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции 3
- Семёнов В. Л.* Оценочный аспект деятельности российской интеллигенции 1

ДЕБЮТ

- Андреева Л. Ю.* В. И. Толмачевский: судьба интеллигента тверских карел 2
- Ветошкина Ю. В.* Интеллигентская рецепция гламура 1
- Ёхина Н. А.* Синтез либеральных и социалистических идей в пореволюционной эволюции кадетской интеллигенции в эмиграции 2
- Солнцева В. Н.* Споры о человеке латинских интеллектуалов III—IV вв.: опыт христианской апологии Арнобия и Лактанция 2
- Сорокин Н. Д.* Эдгар Винсент, виконт д'Абернон — интеллигент, лингвист, экономист, управленец, дипломат (1857—1941) 4

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Ершова Э. Б.* От советской фантастики к нашим дням 2
- Загребин С. С.* Жизнь и творчество Андрея Тарковского как повод для культурологической рефлексии (Рецензия на книгу В. Филимонова) 4
- Рябченко О. Л.* «Фрагменты мучительных поисков...» 1
- Усманов С. М., Соловьёв А. А., Зябликов А. В.* Обсуждение проблем интеллигентоведения в Костроме 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Калинин А. К.* Интеллигентоведение и проблемы гуманитаризации образования 3

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Меметов В. С.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Раскатовой Елены Михайловны «Советская власть и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг.» 2

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выделенного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2011 № 4

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 14.12.2011 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru